

Николай Алёшинцев

Устюгский вальс

Николай Алёшинцев

Устюгский вальс

**Москва
2011**

**Для тебя! Для всех!
Во имя жизни и любви!**

А49
УДК 82, ББК 84

НИКОЛАЙ АЛЁШИНЦЕВ

Устюгский вальс.

Для тебя! Для всех! Во имя жизни и любви!

(2011 г., Москва). – М., ООО «ЭЛЬФ ИПР», 2011. – 256 с.

ISBN: 978-5-91876-015-4

© ООО «Эльф ИПР», 2011

Николай Алёшинцев

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

На мой взгляд, поэзия, проза, музыка, изобразительное искусство и всё то, что вообще делается искусно, — это пойманная молния. Божьей волей кому-то удаётся это сделать. Другой вопрос: сможет ли этот человек, объединив чувства, ум, трудолюбие и мужество, укротить небесную энергию до возможности понимания её на земле?

Вы спросите: почему "мужество"? Да потому, что оголить своё сердце и добровольно посадить себя на скамью подсудимых, где судей — миллионы, каждому ли дано?

Но делать это всё-таки надо.

Сплав Божьего дара и вашей энергии обязательно будет кем-то понят, осветит чью-то душу. А это значит, что и в целом на Земле будет светлее. Наверное, именно для этого вам и дано удержать молнию.

Я желаю всем: крепче держите её!

Пусть светит!

*Не грех упасть под ударами судьбы,
грех не подняться. (Сергий Радонежский)*

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Ничто не даёт нам более опоры, чем наше личное состояние души. Как ни крути, именно оно может поднять нас до вершин человеческого благополучия, но оно же способно сбросить нас с любых, самых высоких пьедесталов жизни. Почему выбираем красивые наряды, блестящие машины и едем за сотни вёрст, чтобы увидеть необыкновенный восход солнца или ничем, казалось бы, не примечательную гору? Разве мы придавали бы этому значение, не имея души? Конечно, нет. И наши дети не реагировали бы на цвета, а мы бы красили машины в практичный цвет "хаки". Представьте себе город, где все цвета – цвета грязи. Представьте себе луг, где не растёт ни одного цветка. Уверен, что вы бы на такой расклад не согласились. А всё потому, что ваша душа возвращена для ощущения счастья. В том числе счастья чувствовать, видеть и создавать. У неё непростой путь, поскольку бытие человеческое не только радостное созерцание, но и вечная борьба со страстями, глупостями, а иногда и с оскалившимся по-волчьи злом. Побеждать в этой борьбе надо. Преимущество добра над злом есть, на мой взгляд, единственный путь сохранения нашей цивилизации. Не только ради нас самих, но и ради будущего человека призывает подняться Святой Сергий. Я искренне желаю Вам удачи в столь не простом деле. Рад буду, если мои литературные герои будут поняты Вами и в какой-то мере помогут жить.

Н.С. Алёшинцев

СТИХИ

Устюжский Вальс

Вальс на Набережной

Слава Богу, что мне это счастье дано:
Я могу ранним утром встречаться с Россией.
Вот опять на востоке разлили вино
По небесной скатерти синей.

Не рассвет, а коня ошалевшего взлёт
С заблудившимся солнышком в сказочной гриве...
Чудо-город встаёт, словно лебедь плывёт,
В голубичном купаясь разливе.

Здравствуй, батюшка Устюг! В весёлый рассвет
Я пришёл, чтоб искусством твоим подивиться,
Передать от лесов и от пашен привет,
Золочёным крестам поклониться.

Будь же славен наш город во веки веков,
И пусть слышится вечно над бархатным лугом,
Как, целуясь в объятьях своих берегов,
Наша Сухона шепчется с Югом.

И будь вечен коня предрассветного взлёт,
И пусть люди проснутся добрей и счастливей,
И пусть город встаёт, словно лебедь плывёт,
В голубом отражаясь разливе.

***

И скорбя у Вечного огня,
Как молитву я произносил:
Господи, ты не спасай меня,
Ты Россию, Господи, спаси!

1990 г.

Русь

Когда совсем одолевает грусть
Иль чья-то подлость целится в упор,
Я поднимаюсь на родной угор;
Здесь для меня берёт начало Русь.

Нет, не тону в слезах и груди слов.
То тишиной, то памятью лечусь.
И убеждаюсь, всё печальней Русь
Вдали от федеральных большаков.

Мы с нею на завалинке сидим,
Совсем как с мамой. Вот она сказала:
"В засуху как-то даже рожь сгорала,
А хлебом пронимались всё ж своим.

Любили землю, к Богу шли пешком,
Но рухнули те связи вековые.
Не межи зарастают полевые,
А души зарастают сорняком.

И хуже было, а душа болит!"
Русь замолчала, взглядываясь в дали.
И губы её мелко задрожали.
Такое было с мамой от обид.

2010 г.

Мы уходим

Мы уходим, оставив деревню одну
На пожары, разор современных вандалов.
Мы уходим. Никто не поставит в вину.
Разве совесть? Но плохо и с совестью стало.

А за околицей горько кричат журавли,
И припомнится: редкое с детством свиданье,
Мальчик на берегу просит пристать корабли,
Но уходят они и тревожно гудят на прощанье.

Мы уходим. Летят наши годы и дни.
В суете пронеслось невесёлое лето.
А родительских изб догорают огни,
Догорают и наши сердца незаметно.

Только вновь за бурьянами горько кричат журавли,
Но уставшие нервы не тронут кинжальной болью.
На заброшенных кладбищах лезут кресты из могил,
На ветвях у деревьев стремятся достичь колокольни.

Мы покаемся, бедные дети Руси,
В самых страшных грехах нашей маленькой памяти.
Верим в добрых царей, а пора бы спросить:
"Ну куда же вы тройкой российской правите?!"

На заросших лугах не гнездятся уже журавли —
Где-то новое место тревожно они обживают.
Их услышат в Париже и даже в канадской дали,
Только вот над Кремлем журавли никогда не летают.

Только что нам Канада и шум европейских столиц!
Нам наш Устюг Великий гораздо роднее и ближе...
Только как же прожить и оставить без родины птиц,
Коли общее поле тоска запустения лижет?

Неужели лишь в снах мы услышим своих журавлей?
Неужель не вернёмся сюда вместе с ними однажды?
Не взлетим? Не увидим ни рек, ни полей?
И удел наш — томиться по родине жаждой?

Остановитесь

Всё тяжелей и всё свинцовой небо.
И даже сердце бьётся тяжелей.
Мою страну, словно краюху хлеба,
Растаскивают те, кто понаглей.

И не алеет парус в море мглистом,
И о любви нигде не говорят.
Рычат ансамбли шлюх и аферистов,
Плюют на раны старых коммунистов
"Конторы" налакавшихся котят.

"Россия, Русь! Храни себя, храни!"
Так образумь, поэт, творящих распри,
Ведь видит Бог — не ведают они,
Что женщин и детей сожгут огни,
Зажжённые стремящимися к власти.

Не надо честных войн, не надо — грязных.
Для всех Земля и солнечная высь.
Пока в крови невинной не измазан,
Мой друг, мой брат, мой враг,
Остановись!

Не плачь

Уходят годы по-разному.
Мои, словно конница, вскачь
По полюшку чувств, не разума.
Ах, мама моя, не плачь.
Не сдамся я буре-зависти,
И ты о том не жалея,
Что вечна в сыновней памяти
Прощальная боль полей.
Пусть прошлое злою кошкою
По сердцу кровавит шрам.
Вот вновь с револьвером и ложкою,
Другие до пота с сошкой
Российский возводят Храм.
Не равные долей строители
Таращатся на карниз,
Как будто раньше не видели,
Что Храм их крестами вниз.
Выходит, глупо не верили
Старухам, ворчащим в тепле:
"Чтоб к Богу возвыситься верою,
Опора нужна на земле!
А вы, не читавшие Библии,
В греховной томясь маете,
Надеетесь, что религия
И вера в нательном кресте.
Да, тщетно без веры истинной
Никто не поможет вам,
Не будет духовной пристанью
В канонах строенный храм!"
Кричу я: "Эй, красные, белые,
Довольно друг друга грызть!
Нам надо бы как-то верную
И добрую строить жизнь".
Сквозь годы безверья холодные
Промчат наши годы вскачь
Не плачь, моя милая Родина!
Мама моя! Не плачь!

Последний день

Ушли два года шагом строевым.
Последние тревоги отгудели.
Пора прощаться. Только мы стоим
И в расставанье верим и не верим.

Мы вспоминаем в этот грустный час,
Как сигарету на троих курили,
Как нас ругали и хвалили нас —
И понимаем, что не зря хвалили.

И как ни кинь — мы делали добро
И днём и ночью, и в грозу и в ветер.
Мы охраняли речек серебро
И милой нашей родины рассветы.

Мы пережили злые холода,
Своей шинелью друга укрывали.
А вот сейчас слезу в глазах зажали,
Как не бывало с нами никогда.

Ушли два года шагом строевым.
Последние тревоги отгудели.
Пора прощаться, только мы стоим
И в расставанье верим и не верим.

Солдатская песня

Говорят, любовь солдатская – неверная,
Погорит – да и растает свечкою.
Почему ж ты даришь чувство первое
И грустишь над Сухоною-речкою?

Припев:

*Пусть тебя никогда не тревожит закат,
Пусть подруги над верностью нашей острят,
Но нас ротный учил: "Тот хороший солдат –
Кто в любви и в атаке – ни шагу назад".*

Кто сказал, что нам уже не встретиться?
Я не верю глупому сказанию.
Ведь Земля, пока как надо вертится,
Поезда идут по расписанию.

Припев:

Я приду по той же самой улице.
Потому, что в славной нашей армии
Всё, что ни задумаешь – то сбудется.
Только, как всегда, по расписанию.

23 февраля 2002 г.

Рябиновый край

Мой рябиновый край распластался тайгой и полями.
По тропинке бежит листопада шальная метель.
Это осень идёт, зажигая калину огнями,
Разгоняя усталость и летнюю тёмную прель.

Не могу без любви, не могу без печали и песен,
И осенний морозец я жадно вдыхаю в лесу.
Я боюсь, как бы в душу не вкралась коварная плесень,
Не убила бы песню, которую людям несу.

Потому и иду я тропинкой лесной позабытой –
К потаённым местам, где в осинах молчат глухари,
Где бежит родничок, под еловыми лапами скрытый,
Где пока не убиты дыханье и трепет зари.

Край, который люблю, с его вечно зовущею далью,
С его реками слёз, источившими древний гранит,
Никогда не предам. И пока Божий мир не оставлю,
Пусть священной свечою любовь моя в сердце горит.

1976 г.

Верю

Верю в высокое синее небо,
В ласковость речек и зелень полей,
Верю в величие чёрного хлеба,
В лёт молодых журавлей.

В первый подснежник, в тропинку лесную,
С детства до боли любимый угор,
И, заблудившись в тайге, не рискую,
Веря в далёкий костёр.

Разум сжигают мне угли Хатыни,
Мраморный холод сжимает ладонь.
Верю я: в сердце людей не остынет
Памяти Вечный огонь.

Горе и радость, силу и слабость —
Всё испытаю в прозрачности дней.
Будут потери. Но только б осталась
Вера в хороших людей.

1976 г.

Другу

Ну кто сказал, что юбилейный год
И надо подводить какие-то итоги.
А мы обречены движению вперёд,
Пока стучат сердца и носят ноги.

Пока глаза глядят. Пока тверда рука.
Не только у болот дано нам рвать трясины.
Как жаль, что не запрячь нам в сани облака
Иль птицей не парить в небесной сини.

Как жаль, что иногда родные и друзья
Уходят в мир другой, не возвращаясь вовсе.
Мы продолжаем путь и падаем скользя,
Зажав в сердцах навечно память-осень.

Но не печалься друг за праздничным столом,
Костры счастливых встреч ещё не все остыли.
Я поднимаю тост за то, что мы живём
И чтобы помнили, что мы когда-то жили.

2006 г.

Жизнь

То бело, то черно. Мироздания связь
Двуединства хранит равновесие.
Из печалей и смеха плетёт кто-то вязь
Нашей жизни то злобно, то весело.

И сбегая от этих великих причин,
Наши судьбы – наивного детства качели,
Вдруг рванули вперёд, где богатство и чин,
Где всё есть! Ах, как сладко спалось в колыбели!

Но вот падаем вниз. Вновь родительский дом.
Как же лица родные без нас постарели,
Со слезами верёвки качельные рвём,
Чтоб подняться. Как было тепло в колыбели!

Только нет прежних сил. Притяженье земли
Остановит движение нашей качели.
Но вернусь в этот мир, где я жил и любил.
Есть гарантия: внук в колыбели.

2000 г.

Издержки доброты (Экспромт)

Не платят тополям за тень,
Не платят солнышку за день.
Снега, ты помнишь, землю крыли,
Так даже им не заплатили.

Жаль, но подняться в облака
Не получается пока.
А на земле уж в сотый раз
В беде лишь вспоминают нас.

И надо всё перетерпеть,
Чужую боль переболеть,
Чужую грусть перегрустить,
Измену чью-то пережить.

Прийти, увидеть, пожалеть
И колыбельную пропеть.
Быть нянькой, прачкой, тамадой,
Красивой, сильной, молодой.

Но всё устроилось. "Прощай.
Вновь будет трудно – выручай.
Передавай привет своим".
Погас костёр. Но горек дым.

Печально? Да! Но будет день.
Сторицей доброта вернётся.
Весь мир вам дружно улыбнётся
Сквозь благодарную сирень.

2009 г.

***

Шумит друзей весёлый круг.
Вновь вспоминаются при встрече
И годы юности беспечной,
И ослепительность подруг.
Как жаль, что собрались не все
И многие в краю далёком.
Их кони бродят одиноко,
Стремясь следы найти в росе.
Мы все уйдем, и Бог простит,
Но нет душе успокоения,
Доколе матери-деревне
На гроб копеечку просить.
День ото дня страшнее весть.
Деревни молча умирают
Иль, бросившись в огонь, спасают
Хранимую веками честь.
Смотри, с икон Господень лик,
Ты рёк однажды, стукнув тростью:
"Земля не пошатнётся осью,
Пока хлеба растит мужик".
Вот не растит. Не пошатнулась
Земли устойчивая ось.
И лишь отчаянье и злость,
Пьют мужики за чью-то дурость.

Я учусь

Я учусь у воды, у родной моей Сухоны-речки,
Грязь земную впитаю, навсегда с берегов унести.
Я учусь у воды, замутившись и вспенясь под вечер,
За ночь снова хрустальность и доброту обрести.

Я учусь у воды выпасть дождиком в ласковом мае,
Когда сев завершив, ждёт с надеждой меня хлебороб.
Я учусь у воды никогда небеса не печалить,
Пока мечут устало крестьяне последний зарод.

Я учусь у воды понимать ручейков тихий лепет.
О корабликах детства поведают мне ручейки.
И, смущаясь, услышу слиянья таинственный трепет
Молодого потока и вечной невесты-реки.

Попрошу океан быть надёжной земле колыбелью.
 Все моря попрошу никогда корабли не топить.
 На безоблачном небе цветной напишу акварелью:
 Надо жить, чтоб любить, и любить для того, чтобы жить!

Новогоднее

За окошком ночным, за сосновой заснеженной веткой
Чудеса происходят нечастые в нашем краю.
Там навстречу друг другу летят звёздным небом кареты,
Там могучие ветры под дугами троек поют.

Вот уж встретятся вскоре в безмерном холодном пространстве,
Кони год отстояли; им в скачке сейчас не мешай.
И седок озорной, крикнув встречному радостно: "Здравствуй!",
Удивляясь, услышит ворчливое слово: "Прощай!"

Враз ударят куранты, встречу лет на земле отмечая,
Вновь поднимет бокалы наивный и добрый народ.
Пожилые взгрустнут — год из жизни своей провожая.
Молодёжь, веселясь, встретит новенький с ниточки год.

Мы ещё поживём, не пугает утрат неизбежность,
На полянах лесных земляники налюбимся всласть.
Разве много нам надо? Детям радость, женщинам нежность,
Мужикам без войны. Да к делам бы способную власть.

Нам успеть бы вернуться, к сердечной прислушавшись боли,
В те края, где, как в детстве, шумит непорушенный лес.
Там, где рыжею кошкой пригрелось на солнышке поле.
То, которое помним, как вечное поле чудес.

На Ваганьковском кладбище море цветов.
Торс поэта полотнищем серым полонен.
Рвется сильное тело из цепких оков,
Помогают ему разъярённые кони.

Кони смелых стихов, отчаянья, горечи —
Всё застыло на миг у последней черты.
Но воруют с могилы Высоцкого сволочи
Принесённые в память поэта цветы.

Эх, Владимир, Владимир, в толпе многоликой
Ты не мог различить эту сытую мразь.
Те, кто днями тебя величают великим,
Ну, а ночью воруют цветы не стыдись.

Ты ошибся, и струны срывались без толку,
Не найти благодарные чувства в толпе.
Вот я вижу опять собираются волки,
Подбирая добычу на смертной тропе.

Новый день

Друзья мои! Жизнь — непростая вещь.
Вот поскользнулся — виснешь над обрывом.
Дела идут неладно: вкось и криво.
В кармане пустотой пугает брешь.
Но новый день! Не лучше ль зло забыть,
Вновь доброту отмыть от слоя старой пыли.
И, обретя Любви и Веры крылья,
Подняться и понять, что так прекрасно жить!

2005 г.

Пожелание

Ты человек и выбор за тобой.
Застыла в напряжении планета.
Шагай вперёд, пусть будет путь земной,
Как пламя долгожданного рассвета.
Как отсвет новых дружеских костров,
Как песня, поднимающая в небо,
Не забывай однажды данных слов
И цену знай ржаной краюхе хлеба.
Не мни пески проложенных путей,
Не попадай в тенета липкой лести.
И помни, средь подаренных камней
Нет камня, что твоей дорожке чести.
Пусть лошадей из лучших табунов
Тебе пригонят будто бы в награду.
Верни их. Сотни лучших скакунов
Не стоят лошади с забытой кличкой Правда.
Напрасно в поздней маяться любви.
Так мудро всё устроено на свете.
Ты сердце милой в клочья изорви,
Но для неё всегда роднее дети.
На злобный взгляд внимания не трать.
Лишь добрых сердцем ждёт дорога к храму.
Защитницей для слабых Божья мать.
А на земле — жила б подольше мама.
Не все вписал я истины для вас.
Но от равнин до выси соколиной
Есть истина ещё, что лучший вальс
Написан был для женщины. Любимой!

Март 2011 г.

Любовная лирика

Эшафот

Опять всхожу на эшафот любви.
Ликуй, толпа! И камни и проклятья
Бросай в меня. Не буду отвечать я,
Влюблённый, хоть собаками трави!
Рубите голову, а сердце – не отдам.
Мы с милой этот путь благословили.
Зато, встречаясь, мы вино такое пили,
Какое никогда не снилось вам.
И зайчик солнечный на топоре дрожит..
Не бойся, маленький, я выпью эту чашу,
И кровью сталь холодную окрашу,
Но сберегу любовь от зла и лжи.
Я улыбаюсь, слыша птичий гам.
Пусть путь земной и двух часов короче,
Зато у нас такие были ночи!
Рубите голову. Я сердце не отдам!

Любовь

В великой жизни правды и обмана,
Где грязь и золото в одну скрутились нить,
Нас жжёт любовь, как пулевая рана,
Так больно, но ещё больней лечить.

2006 г.

Говорю

Говорю о любви, свои чувства от вас не скрывая –
О порыве души и о том, что забыто давно,
Что просмеяно вами, что топчете вы, изнывая
На эстрадных подмостках, и живо лишь в старом кино.

Я моложе, чем вы! Бьётся сердце от нежности бешено.
Я люблю! И пусть мечется в сумрачном небе гроза,
В жизни всё хорошо, если утром счастливая женщина,
Просыпаясь от ласк, кулачком протирает глаза.

Пусть она далеко. И пусть вёрсты безмерны и стылы,
И о чём-то тревожно гудит колокольная медь.
Я живу на ресурсах какой-то неведомой силы
И, смертельно любя, ни за что не могу умереть!

Танго для двоих

Любимой женщины дыхание ловлю,
И в тёмном бархате волшебной доброй ночи
Целую, умираю и молю:
Пусть будет всё, что милая захочет.
Она попросит задержать рассвет,
И мы растаем в страсти и желаньи.
Мы в переулках жизни сотни лет
Искали это первое свиданье.
И всё ещё не верится, что я
Могу купаться в нежности любимой
И тихое признание: "Твоя"
Ни для кого не будет повторимо.
Мы танцевали "Танго для двоих",
Шальная ночь сердца объединяла.
Огонь любви и крови ток не стих,
Вино плескалось в тесноте бокала.
Разгонит ночь улыбкою зари,
И как разнять ласкающие руки!...
Мы расстанемся. Но звенят не зря
Над миром танго трепетные звуки.

Глаза

Зачем я раскрываю тайны глаз?
Не зная их, жилось, наверно, легче?
И не терзал бы болью бесконечной
Чужих страстей отточенный алмаз.

Да, если б сам не бился на лету?
От свежей крови под руками липко.
Казню себя за новые ошибки
И прибиваю к старому кресту.

Глаза, глаза читаю, как стихи.
В них боль молитвы к Богу обращённой
И жажда быть когда-нибудь прощённой
За счастье, как за тяжкие грехи.

Я не забыл. Пусть тяжек был обет.
Пусть пил вино холодное разлуки.
Твоей любви протянутые руки
И глаз твоих такой желанный свет.

2009 г.

Если я далеко – не грусти
Если мне нелегко – не грусти,
Если горькие льют дожди,
Не кричи, не зови, подожди.

Всё равно я к тебе вернусь,
И беда подождёт пусть.
Словно песня в твой дом ворвусь.
Смелой птицей в ночи пробьюсь.

Только ты не грусти, не грусти.
Хватит сил до тебя дойти.
Даже если весь путь в огне,
Потому что ты веришь мне.

Потому что уже сейчас
Я с тобой каждый миг и час.

Будь нежной

Хочешь, я буду добрым,
Хочешь, я буду нежным,
В бурю войду первым
И в ураган снежный.

Буду в беде рядом,
Буду в бою смелым,
Чтобы твою радость
Оберегать верно.

Буду водой холодной
В жаркой степи безбрежной.
Только ты будь доброй,
Только ты будь нежной.

Женщине

Мне не надо о том, как ты раньше жила.
Лишь бы после нежданно-негаданной встречи
Ты любимой была и счастливой была.
Навсегда, а не только на этот вот вечер.

Я тебя не зову в царство страсти и грёз,
В наши годы беспечно ходить над обрывом.
От пустых обещаний, страданий и слёз
До воды наклонились плакучие ивы.

И звездою, поднявшись над миром седым,
Над печалью, изменами, злобой и болью,
Растоплю в твоём сердце неверия льды,
Поделившись печальной и светлой любовью.

Я, поверь мне, хочу, чтоб ты долго жила.
Я хочу в дни дождей укрывать твои плечи.
Чтоб любимой, а значит, счастливой была.
Навсегда, а не только на этот вот вечер.

Март 2009 г.

Знаю

Знаю я, какой бы ни был бойкий,
Истончится жизненная нить.
Уходить придётся ровно столько,
Сколько получилось приходить.

Только я печали не приемлю.
Пусть, куда ни кинь усталый взгляд,
Осень. Грустно. На сырую землю
Листья одинокие летят.

Ничего, мы это проходили.
Мы, бывало, в стылом январе
Явные приметы находили,
Что весна таится на дворе.

Пусть метели выли стаей волчьей,
Мы любили чисто и светло.
Для любимой самой злою ночью
Находили нежное тепло.

Для любви? Какая непогода?
Вот опять хмелеем без вина.
Любим мы в любое время года.
Значит, в сердце всё-таки весна!

2009 г.

Март

Нам не чудо морозы в марте,
Солнце в окна и с крыш капель.
Ах! По белому полю катит,
Смелой конницей мчит метель,

Белой молнией, гладью чистой,
У оврагов вздыбившись ввысь.
Эй, позёмка! Твоим горнистом
Я хотел бы продолжить жизнь!

Пусть поют весёлые трубы,
Не грустите, друзья, обо мне,
Коль, целуя красавицу в губы,
Разобьюсь на лихом коне.

И не надо печальных звонов!
Я воскресну с мечтой одной:
Я хочу на ветвях черемух
Белым цветом побыть весной.

Меня встретит ликующий вечер
Нежной зеленью в юном саду,...
И тогда я любимой на плечи
Гроздью белых цветов упаду!

***

Кто вы, земная Золушка?
Найден ли ваш башмачок?
Для вас, золотое солнышко,
Я песню сложить бы мог.

Да мало ли что я смог бы,
Только уже не любить.
Я сердце собакам отдал,
Чтобы не изменить.

В чужую звезду не верю,
Своей отыскать не мог.
Нашлась ли ваша потеря?
Найден ли ваш башмачок?

Руки любимой

Руки любимой, добрые, нежные руки
Тянутся к солнцу, как веточки белых берёз.
Руки любимой, я вас вспоминаю в разлуке:
Белые руки в копне моих чёрных волос.

Руки любимой – не руки красотки лощёной,
И на ладонях я ссадины вижу опять.
Твердость мозолей и пятнышки кожи сожжённой,
Если не больно – ты мне разреши целовать.

И не стесняйся, что руки ласкать не умеют,
Что от работы они тяжелеют порой.
Только тебе я по-прежнему искренне верю,
И не нужны мне красивые руки другой.

А потому и в мороз, и в неистовый ветер,
И в осеннюю хмарь я мечтаю опять о весне.
Руки любимой зовут меня к счастью и свету.
Руки любимой скучают опять обо мне.

Навстречу

Пасмурно. Холодно. Сыро.
Дрожью пронзает дождь.
Где в неприятном мире
Ты без меня живёшь?

Снова пойду к кассирше:
"Дайте билет скорей,
Милая, хоть за тыщу.
Чёрных не хмурь бровей!"

Там, в незнакомом городе,
В шумном его аду
Ей без меня так холодно,
Словно цветам на льду.

Словно полям в отзимок,
Птицам в ночной мороз.
Жизнь – скорый поезд, мимо
Рвущийся под откос.

Что там опять с билетом?
Сколько вам надо дней?
Я подарю ей лето
В тысячи осеней.

И при любой погоде,
Лишь бы нашёлся след,
Горькой её свободе
Вместе мы скажем: "Нет!".

Вновь под музыку скрипки
Мысли стремятся к ней.
Еду дорогой зыбкой,
Чтоб расцвели улыбкой
Губы моей любимой
В таинстве новых дней.

Тринадцать тысяч

Я не успел, а ты не дождалась
На сухонском обветренном вокзале.
Как громко "Подожди!"... тебе кричал я,
Но не услышала! Чужая чья-то власть
Нас разлучила. Только вот зачем
Сады цвели, весной вскрывались реки?
Зачем болело сердце человека?
И билось всё-таки. Ответ же мне: зачем?
Не укоряю. Бог всему судья.
Поверь, любимая, за все не наши годы
Любви к тебе ни капельки не продал,
Хоть иногда в деньгах нуждался я.
Да, было всё. И страстные слова
Шептал в ночи. Мне тоже их шептали.
И, кажется, совсем-совсем не врали,
В приливе чувств кружилась голова.
Я не могу сказать, что не любил.
Нечестно было бы от слов своих отречься,
Но так легко в костре любви обжечься,
Что вновь поверить не хватает сил.
Последний день я вижу сквозь года.
Лошадка тронулась. Ты вслед бежишь, рыдая,
И падаешь... Не знали мы, родная,
Что можно так расстаться навсегда.
Часы без милой кажутся длинней.
Ты ждешь её, минуточки считая.
А я же, дни разлуки отмечая,
Жду и люблю тринадцать тысяч дней!

12.01.2006 г.

Розы

Ах, розы! Вы так поздно расцвели?!
Так хороши для девушек влюблённых,
Но жаль до слёз, что ваши соловьи
На юг умчались с зарослей зелёных.
И жаль до слёз, что первые снега
Уже Карпат штурмуют перевалы,
А вы беспечны и всё также алы
И лишь шипы защита от врага.
Крепчает ветер, близится мороз.
Как безрассудно всё и обречённо.
И на снегу, ногами истолчённом,
Алеют кровью лепесточки роз.
Так яркая, но поздняя любовь
Вдруг расцветёт красивой, жгущей розой
И упадёт, побитая морозом,
Не принеся желаемых плодов.

1968 г.

***

Ещё морозы будут и метели,
Но сердцем слышу: где-то вдалеке
Уже смеются первые капли,
И чайки собираются к реке.

Ещё разлуки будут и потери,
Но не молюсь, в молчании скорбя.
Пока я жив, я буду просто верить
В единственно любимую тебя.

Ещё дороги будут, переправы,
И новый бой опять несёт беду..
Я всё пройду не ради громкой славы,
А ради твоего родного: "Жду!".

***

Не считайте, кукушки, года,
Не прядите длинную нить.
Годы жизни — в ладошках вода,
Прикоснулся — и нечего пить.

Льётся ткань моих зим и лет,
Боль и радость, и милой окно.
Сквозь улыбочиво добрый рассвет
Мне смотреть на людей дано.

Всё понять и простить могу,
Но сегодня я вновь невесел.
Плачет бисер воды на стругу
С золотых от заката вёсел.

Уплываю в грустный закат.
Где-то плещется водоворот....
Никогда не вернусь назад,
Потому что никто не ждёт.

Отзимок

Что же случилось, любимая?
Дай мне ответ поскорей.
Прервана ль песнь журавлиная
Выстрелом жадных людей?
Слышу, как ивы расплакались.
Сброшен черёмухи цвет,
Белой берёзоньки ласковость
Выпил холодный рассвет.
День наступает изнеженно,
Словно боится остыть.
Мне бы в глазах твоих бережно
Слёзы успеть осушить.
Сердцем, тоской искалеченным,
В небо поднять тебя вновь,
Чтоб ни одною картечиной
Нашу не тронуть любовь.

2011 г.

Рябиновые гроздья

Как ярки осенью рябиновые гроздья!
Поля за синей дымкою грустны.
Какой же путь указывают звёзды
Воскреснувшей любви или вины?
Какой же путь? И что сказать при встрече?
Томятся в сердце нежные слова.
Спасённые от бурь, не гаснут свечи.
И верится: любовь ещё жива.
А коль жива – седлай коня удачи.
Пой песни ей! Пиши в ночи стихи!
Дари цветы! Уж ничего не значат
Разлукой искуплённые грехи.
Осенний ветер обнимая вербу,
На землю стелет жёлтую фату.
Любовь звездой рождена на небе
И падает звездой в темноту.
Да, я смущён своей любовью поздней.
Да, осень. Не тревожат соловьи.
Но снятся мне рябиновые гроздья,
А чаще губы жаркие твои.

14.09.2005 г.

Сон

Приснился сон. Ушла с Земли Любовь,
Не выдержав насмешек, сплетен, злобы.
Она сбежала к Богу с просьбой, чтобы
Не возвращаться к нам на Землю вновь.

А мы, ещё не ведая о том,
В каком-то вызывающем порыве
Плясали на эстрадах, пили, выли
И думали, что всё ещё живём.

Но вдруг померкли краски на Земле,
Дымы раздоров заслонили небо,
И в темноте слепым нам на потребу
Вливали в водку сладостный елей.

В той темноте зарезали страну,
Куски которой кровоточат ныне.
В той темноте заменены святыни
На старого пройдоху Сатану.

Любовь с тревогой выслушал Господь,
Развёл рукою облака и дымы,
Изрёк: "Смотри! С времён паденья Рима
Не буйствовала так людская плоть.

Всё напоказ – похабщина и злость.
Нет места чести в этой пляске жуткой,
Торгуют грязным телом проститутки,
Всему цена – рублей помятых горсть.

И только ты способна их спасти
От опыта Содомы и Гоморры.
Коль я возьмусь, не будет разговоров
И поздно будет милости просить».

Любовь вздохнула: "Лучше я вернусь".
С ресниц смахнув хрустальную слезинку,
Упала с неба белою горлинкой.
Приснилось мне, что прямо к нам на Русь.

Я топал югским мягким бережком
И плачь её услышал на обрыве.
О как же облака её манили,
Но не взлетела, а пошла пешком.
Потом в народе долго говорили,
Что свет сиял, где шла она лужком.

И я проснулся. Стыла тихо ночь.
По "телеку" Буланова страдала,
Жена настойчиво носки мне ушивала,
Похожая на горлинку точь-в-точь.
Я не поверил: руку ей потрогал.
Вот счастье-то, вернулась. Слава Богу.

Сентиментальный романс

Казалось, всё прошёл и был готов молиться,
Свой путь преодолев сквозь тысячи Голгоф.
Тогда ответь, зачем мне снова стало сниться,
Что возвратилась ты, забытая любовь.

Я разбежусь и вновь взлечу усталой птицей
Над доброю землёй людей, цветов, берёз.
И Бога попрошу, чтоб не давал влюбиться
В ту, что уже любил до боли и до слёз.

Я знаю, никуда мне от тебя не скрыться,
Я знаю, что никто на помощь не придёт.
В вернувшейся любви я сам себе убийца.
Напрасно ждут меня топор и эшафот.

И будет над землей пушистый снег кружиться,
Знакомый силуэт мелькнёт в чужом окне.
Не надо приходить, чтобы со мной проститься
И спрашивать друзей, не больно ль было мне?

Казалось, всё прошёл и был готов молиться,
Свой путь преодолев, сквозь тысячи Голгоф.
Я небо освещу бессонною зарницей,
Оставив для тебя бессмертную любовь.

Разноцветная беда

Белая чайка под чёрной волной
Мечется бедная в высверках молний.
Ветром леса вырываются с корнем.
Как же ей справиться с бурей одной.

В сером тумане лебёдушки плач.
Ищет любимого, силы теряя.
Не откликается белая стая.
Где-то невидимый стонет косач.

Синяя птица взлетает в рассвет.
Сокол навстречу, жестокий и смелый,
Рвёт налету беззащитное тело.
Перышко кружит последний привет.

Волки седые идут напролом.
Бьются сердца, словно голуби в клетке.
Красная кровь замерзает на ветке.
Целясь, охотник поводит стволом.

Знаю, не спишь. Тебе зябко одной.
Жутко в большой одинокой квартире.
Бьют беззащитность твою, словно в тире,
Люди бессовестных сплетен стрелой.

Нет, мне не жаль стаю злобных волков,
Лебеда жаль и погибшую птицу.
Всех одиноких, которым не спится,
Дай ты им, Господи, ласковых снов.

Дай ты им, Господи, силы забыть
Всё, что причиною было разрыва.
Розовой чайкой с речного обрыва
Снова взлететь и любимую быть.

19.09.2005 г.

Подражание Марку Георгу

Как только мы на свете появились,
Два ангела тотчас с небес явились.
И судьбы просчитав, помочь решили,
Нам сохранить любовь до поздних лет.

Не знали, что их ангельская милость
Великим испытанием явилась,
На небесах которое не снилось,
И на земле ему названья тоже нет.

***

Любви, не ощутивши крыл,
Под звёздный путь поднявших Млечный,
Ты был лишь листиком беспечным
Во власти сумрачных ветрил.

Коль ты у Бога не молил
Продлить на миг с любимой встречи,
Мне жаль. Ты жёг напрасно свечи,
Коль только сам себе светил...

Просто любовь

Или письма мои не находят тебя,
Иль слова в них жестоко тебе досаждают.
Не гудят поезда и в ночи не дробят
Твои сны. Ничего я, родная, не знаю.

Не могу ничего ни понять, ни забыть.
Стынет сердце в снегу беспросветной разлуки.
Мне бы птицей о лёд, мне бы волком завывать
И сломать от бессилья ненужные руки.

Только вдруг всё не так. И навязчивый сон
Хочет просто убить и любовь, и надежду.
Отвернусь от зияющих тьмою окон
И поверю, что всё остаётся, как прежде.

Просто письма мои не находят тебя,
И в недобрых руках они только игрушка.
И грустишь ты, ревнуя меня и любя,
Доверяя печали и слёзы подушке.

И зовёшь, и не надо мне больше равнять
Свои муки с печалью своей ненаглядной.
Надо всё превозмочь, надо сердце унять,
Обгоняя ветра, мчаться к ней безоглядно.

Прилететь, постучаться в неведомый час,
И, когда торопливо откроются двери
И слезинка блеснёт из распахнутых глаз,
Прошептать: "Я люблю". И понять, и поверить.

Прощальное

Вот уедешь. Полюшком заброшенным
Я останусь, вглядываясь в даль.
Ты прости, прости моя хорошая,
За непроходящую печаль.

Ты поверь, я не умру от старости,
Не по мне столь тягостный исход.
Просто душу, раздарив до малости,
На последний сяду теплоход.

Попрощаюсь с золотой рошею,
И у всех прощенья попрошу.
Да и ты, прости моя хорошая,
Что тебе рукой не помашу.

Восьмое марта

Ах, что-то случится, наверное,
С утра целоваться хочу.
"Какие нас ждут перемены?" –
Кричу за окошком грачу.
А он, отлетев для приличия,
Заважничав, крикнул: "Крак!".
И я перевёл с его птичьего:
"Какой же ты, право, дурак.
Как можно забыть, что восьмое
Гремит за окном число.
Над спящей женою стоя,
Шепчи, что тебе повезло.
Что ты от души поздравляешь
Её с этим радостным днём,
И все ей обиды прощаешь,
Плохие привычки бросаешь,
Табак выжигашь огнём".
"Эй, грач! Пусть сегодня восьмое,
Не надо кричать и учить.
Я выпью за милую стоя,
Пока она спит и молчит.
Наставник, возьми на заметку,
Ты учишь какую весну.
А сам-то грачихе хоть ветку
Поднял для гнезда на сосну?
А я за цветами сгоняю
И праздничный стол закачу.
Уж я-то, наставник мой, знаю
Зачем целоваться хочу".

***

Опавший лист и лист календаря
Лишь знак. Лишь вежа жизнеутвержденья.
Последний "писк" наводят с наслажденьем
Для праздника родные и друзья.
Как судьи строгие, все зеркала честны.
В нарядах видят только недостатки.
Но гости опытные: играют с ними в прятки.
Их осень лишь преддверие весны.
Ах, возраст женщины! Капризное дитя
Непредсказуемо и ложью своей мило.
Шутя, юнцов к дуэли приводило,
И старцев возвращало от могилы
На хрупкую дорогу бытия.
За возраст женщины я поднимаю тост.
Пусть для мужчин он остаётся тайной.
Была б хозяйка доброй и желанной,
Была бы жизнь без горя, зла и слёз.
Чем старше яблоня, роскошней её цвет,
Тем слаще яблоки она к губам подносит.
И лишь глупец, вкушая сладость, спросит:
"Скажите, милая, а сколько же вам лет?"
Когда бы нахал хоть Библию читал,
О возрасте не спрашивал бы даму.
Ребро моложе бедного Адама
И кость к тому же твёрдый материал.
Опавший лист и лист календаря
Лишь знак, лишь вежа жизнеутвержденья.
Так выпьем же за новый день рожденья,
За юность вечную! И за любовь, друзья!

11 ноября 2003 г.

Г.П. Меркурьеву

Слышите?! Поёт его гармошка,
И гитары звон, как звон бокала.
Герман, поиграй ещё немножко,
Чтобы даже грусть светлее стала.
Поиграй! Всё в жизни смех и драма,
Всё пройдёт, и молодость, и старость.
Только лучшей женщиною мама
Для всех нас пожизненно осталась.
Поиграй! Пусть забияка-ветер
Гонит тучи по небесной сини...
Помнишь? Лучших девушек на свете
В песнях мы до звёзд перевозносили.
Май. Над Югом веселится чайка...
Прочь дела, тревоги и печали!
Что нам годы?! Герман, поиграй-ка,
Чтоб друзья улыбчивее стали.
Сладкой болью вскрик твоей гармошки
Всем, что в жизни памятно и мило,
Отзовётся. Поиграй немножко,
Чтоб душе неодинок было!

Декабрь 2001 г.

Храните же своё очарованье...

Вам 20 лет. Вы юны и милы,
Так пусть весенний дождь не навевает грусти.
Ведь это к вам, чтоб объясниться в чувствах,
Летели издалёка журавли.
А впереди – лишь солнечный рассвет
И поцелуи, может, ожиданье.
Храните же своё очарованье
Хотя бы до восьмидесяти лет.

Тост

Восьмое марта — славный день.
Но как нам женщин всех поздравить
И улыбнуться их заставить,
Сгоняя с лиц заботы тень?

Ручьям звенеть, садам цвести.
Решил я тост произнести.
Я поздравляю матерей
За их терпение и ласку,
За жизнь и за ночную сказку
Про доброту богатырей.
И дай им Бог, чтоб без войны
Прожили славный век сыны!

Всем дочерям бы женишков,
А внукам — сладких петушков.
Родне — отличного здоровья
И праздников хмельных раздолья.

Я поздравляю всех невест.
Весна. И парни все окрест
Опять взлетят на мотоциклы,
Последние сжигая литры,
Что к нам с трудом завезены
Из недр ослабленной страны.

Я поздравляю жён любимых,
Красивых, умных, терпеливых.
Всё вынесут, без лишних слов:
И слабость к рюмке мужиков,
И тот приказ: "Ты слышишь, Зин,
Слетала б лучше в магазин?!"
Ты слышишь, Зин!"

Я поздравляю всех вообще:
Казачку юную, горянку,
Нас обманувшую цыганку,
Сафо, Диану и Минерву,
Конечно, ту, что была первой,
Наполнившей бокал сполна
Любовью, что хмельней вина.

Я поздравляю всех мужчин
За то, что им ума хватило
И где-то взяли они силы
Украсть у года день один,
Чтоб подарить его любимым!

Так за любимых этот тост!
За прелесть шелковых волос.
Для вас все лучшие духи,
О вас все лучшие стихи,
Вы радость жизни и грехи!

1992 г.

Это свято

Опять пришло Восьмое марта.
Сказать по правде – зачестило.
Но женский праздник – это свято!
Как не отметить праздник милой?

Ну не хотел я пить, ребята.
Но, к сожалению, придётся
Поднять бокал. Ну это свято:
За женщин, за любовь и солнце!

За всех сестёр и дочерей,
За тёплый день, прилёт пернатых!
Ещё за тещу мне налей.
За тещу выпить – это свято!

Года идут и уж давно.
Мы были тоже молодыми,
И самолучшее вино
На женский праздник приносили.

А как любили мы тогда?
Какими были те девчата!
Таких не будет никогда!
Давай за юность! Это свято!

На свете много есть причин
Сегодня вспомнить про солдата.
Так выпьем дружно за мужчин!
За нас, любимых – это свято!

Ах, март – лукавый бокогрей!
Мы помним главного героя!
За святость наших матерей
Поднимем тост и выпьем стоя!

Вечером

(Ш уточное)

Всё сказано. Всё выпито. "Пока!"
Жизнь развернулась старой амплитудой.
С усталостью и грязною посудой,
С проблемами. И нет же дурака,

Который бы вернулся. Всё так просто.
Мол, шарф забыл. И понял бы дурак,
Что жизнь моя опять пошла не так,
Как обещали праздничные тосты.

Свои проблемы, бросив, как пальто,
Он подбежал бы, глупо улыбаясь,
Мне руки целовал. Такая малость,
А я уже влюбилась, как никто.

А я уже совсем с ума сошла,
Весь мир представив в радостном свеченье,
И новых дней спокойное течение.
Семья. Уют. Неспешные дела.

Мечтать не вредно. Не забыты вещи.
Никто мне не поможет мыть посуду.
Да где дурак возьмётся-то? Откуда?
Когда в стране переизбыток женщин.

Статистика честна. Ей крепко спится ночью.
О рыцарях зачёркнута строка.
И в женский день я пью за дурака.
Ну что с того, что стоя пью и молча.

Март 2010 г.

Эпиграммы

Ирония брака

Мужчины, как известно, женятся от слабости ума, разводятся от слабости терпения и женятся вновь от слабости памяти.

Эпиграмма

От глупости мы поженились однажды.
В реке брачной жизни томились от жажды.
Но вот и закончилось наше терпенье,
Цепей Гименея разорваны звенья.

Казалось, свобода! Гуляй и пляши!
Хоть лаптем хлебай пришлогодние щи.
Пастушка забывчивых гонит ослов
Всё в те же объятия брачных оков.

В. Новодворской

О "коммуняках" двадцать лет
Рычит зимой и летом.
"Никто замуж не берёт
Девушку за это".

Приходит мужик в диспетчерскую и рассказывает, что Ирина Хакамада призналась на "Большой стирке", что якобы её четыре мужа собираются у неё на квартире и не дерутся, а мирно пьют чай на кухне. Не мог не отразить столь знаменательное событие эпиграммой.

Четыре мужа, скатерть бела,
Но Хакамаду гложет грусть.
Пока возможен доступ к телу,
Пойду и пятым запишусь.

Как-то в передаче об Артеке Хакамада жаловалась на худой в нём рацион и ужасный распорядок дня. Я подумал: артековские порядки и людей, там работающих, защитить некому и написал эпиграмму по этому безобразному случаю.

Хотелось быть ей толстою и броскою.
Родители корейкою кормили.
Была бы Хакамада Новодворскою,
Да вот беда – в Артеке заморили.

Жириновский порою, что дикий медведь,
Собчак бестолкова, но "светская львица".
Вот бы скрестить их и посмотреть,
Что из того бы могло получиться...

Курящей девушке

Иду я по вечернему проспекту,
Навстречу девушки смешливы и нежны.
Вдруг грубый окрик: "Дай мне сигарету!"
Девица пьяная идёт ко мне при этом
И тут совсем не надо быть поэтом,
Чтобы понять: аборты всё ж нужны.

Дружеский шарж

Николаю Николаевичу Дроздову,
*который хоть и ошибся однажды в
лягушках, но не потерял народной
любви и уважения.*

Сидел в кустах певец природы.
И все герои вместе с ним.
Лягушками не той породы объелись,
Испытав экстрим.

Испив слабительного кружку,
Он думал: "Кто ж так подкузьмил?
Новозеландскую лягушку
На новодворскую сменил".

Открытие

Лягушками откушал плотно,
И всё раскрылось, нету слов.
А безобидней всех животных
Казался Николай Дроздов.

Пьяная женщина на улице зовёт убежавшего щенка: "Рекс, Рексушка, иди ко мне. Иди, мальчик, к мамочке своей! Иди, мой родной!"

Ты опровергла всякую науку,
Светилам мира поддала пинка.
Мне говорили, что была ты ...ой.
Но кто отец бегущего щенка?

По поводу кариеса

Двум милым красоткам попал как-то дед.
Зубов у дедули давно уже нет.
Но только захочет открыть о том рот,
Они в него мигом направят брендспойт.
За тот недогляд вот который уж год
Мучает кариес юный народ.

О новой щётке

Не страшно дерьмовое слово сказать,
Вот новая щетка явилась опять.
Гуляй, матерясь и срываясь на крик.
Вычистит щётка противный язык.
Ещё она чистит таким даже там,
Но где? Не сказать мне в присутствии дам.

**Эпиграмма на передачу
"Без комплексов".
О пользе мата**

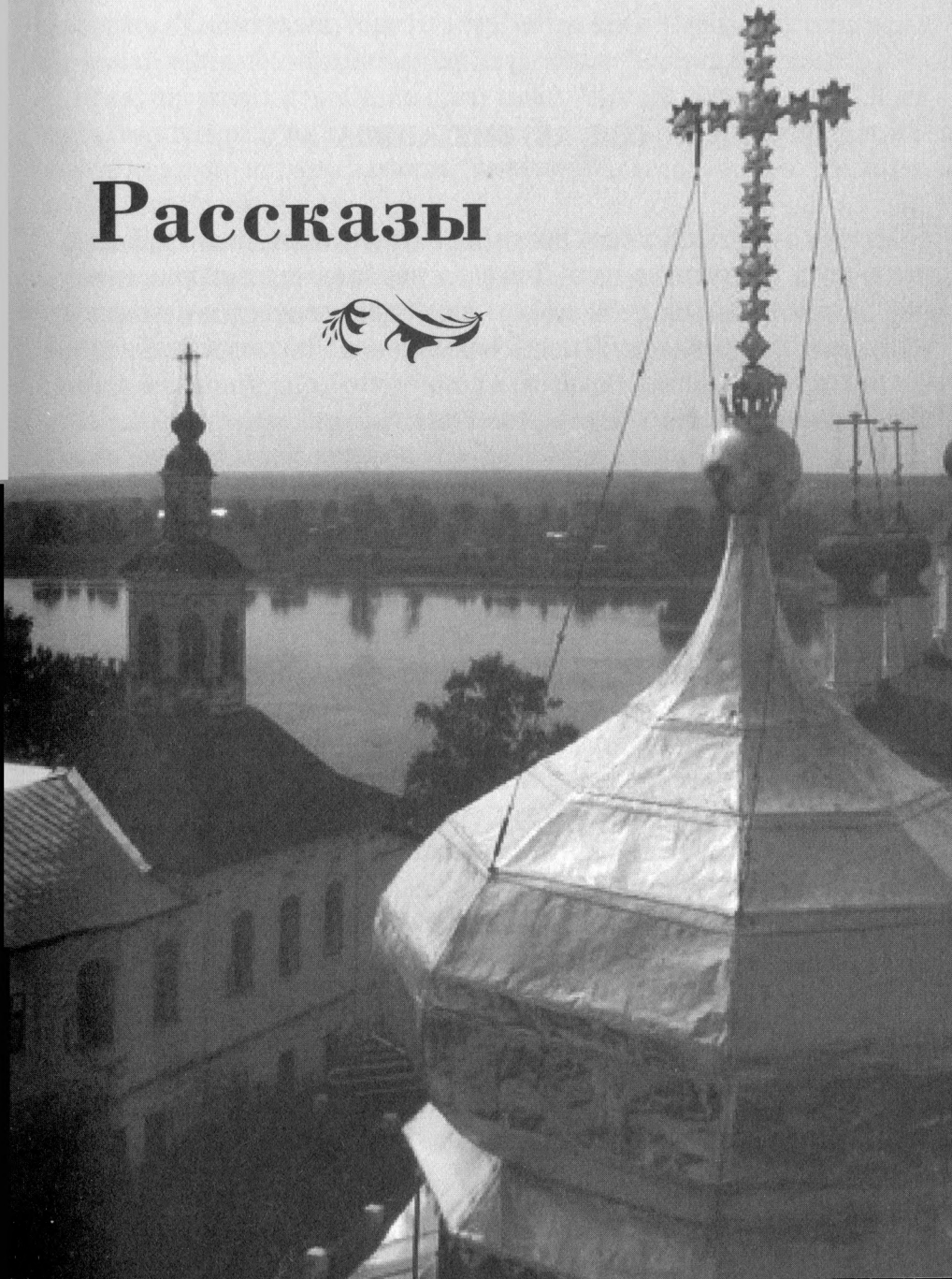
Я тоже этот посмотрел сюжет.
Психолог, психопат – одни и те же лица.
Послушал их и начал материться
И вечером, и утром, и в обед.
И чтоб Лолита поняла эффект
От передачи, ею сотворённой,
В Москву "Без комплексов"
Направлен мной ответ
Одними матюгами начинённый.

"Рама"

Ах, реклама, ты, реклама,
До чего ты довела...
Съела я кусочек "Рама" –
Жаль, колготок не сняла.

Рассказы

И смех и грех. Улыбнитесь

СОН АВТОМЕХАНИКА *(Шуточный рассказ)*

Механик автобазы Колесов Викентий Экибастузович после работы зашел к другу, где выпил в честь Дня работников автотранспорта, именуемого в простонародье днём шофера, посмотрел концерт, посвящённый этому знаменательному событию, и пошёл домой. Викентий Экибастузович никогда не выпивал лишнего, а потому, чтобы не ругаться с женой, лёг на диван, взял томик Чехова и стал читать.

После рассказа "Живая хронология" сон победил его, и механик вырвал книгу из ослабевших рук... И приснилось ему, что сидит он на симпозиуме, посвящённом теме "Вред и польза колеса". Симпозиум ещё не начался, и, осматривая зал, Викентий Экибастузович обнаружил, что присутствующие — сплошь и рядом чеховские герои. Тут и отставной урядник Войска Донского Василий Семи-Булатов, и помещик Гауптвахтов, студент Гвоздиков, унтер Пришибеев, борец за правду Дездемонов, статский советник Шарамыкин... В общем, все из тех времён, когда Антон Павлович Чехов был ещё Антошей Чехонте. Викентий Экибастузович, наблюдая рядом с собой людей столь знаменитых, сконфузился и мышонком забился в уголок, так как тема для него, коренного автомобилиста, была, прямо сказать, душещипательная, и своё присутствие он счел крайне необходимым.

Председательствовал Григорий Петрович Запойкин, который, если вспомнить рассказ "Оратор", на похоронах Кирилла Ивановича говорил прощальное слово живому столоначальнику Прокофию Осиповичу. Секретарила дочь Альбиона — англичанка, более известная по изречению одного чеховского помещика как "чёртова кукла". Она уже выучила русский язык, но это не убавило в ней английской спеси и надменности.

"Так-с, господа, — громовым голосом рявкнул Запойкин. — Тема на-

шего сегодняшнего симпозиума – "Вред и польза колеса". Дело, я скажу, серьёзное, подходить к нему надо так же, как к похоронам". В зале засмеялись и зашумели. Запойкин стукнул по столу так, что все разом затихли и лишь "чёртова кукла" продолжала невозмутимо что-то записывать. "Слово экзекутору Ивану Дмитриевичу Червякову, с которым вы имели честь познакомиться ещё в рассказе "Смерть чиновника".

Экзекутор вышел к трибуне и сразу начал: "Колесо. Зачем колесо? Я вот статскому генералу на лысину чихнул. Вот это конфузия. Умер Брижжалов-то через это неудовольствие. При чём тут колесо?" Червяков плаксиво хлопнул бровями и сел.

Председательствующий встал и объявил: "Алексей Иванович Козулин из рассказа "Торжество победителей" просит слово".

Козулин важно вышел к трибуне: "Колесо надо, как же без колеса. Вот возьми блины, какую форму имеют? Надо колесо, а то как же на масленицу без блинов..."

Не успел Козулин сесть, как без объявления к трибуне вышел Марк Иванович Кляузов. Мечтательно посмотрев в зал и помотав гривастой головой, он начал: "Подумать надо, а у меня опять башку ломит. И чем это они меня дома поят?! Да, да... А как же без колеса? Ведь эти чеховские сыщики, не будь у них шарабана на колёсах, так и не нашли бы меня в бане у Становихи, где я жил три недели, питаюсь исключительно водкой и закуской. А если бы не нашли, если бы шарабан оказался без колеса, то, позвольте вас спросить, этот шелкопёр Чехонте написал бы "Шведскую спичку"? Колесо нужно! Давайте выпьем!" Зал зааплодировал.

"Слово предоставляется..." – председательствующий осёкся. По проходу зала, чеканя шаг, маршировал унтер Пришибеев. Он встал за трибуну прямо, словно проглотил штык, и вдруг хрипло заорал: "Разойдись! Не толпись! По домам! Колесо есть вред. Сколько подлецов под колесами погибло?! Запретить! Всем домой марш!" Все загалдели. Послышались крики: "Долой! Пристава!" И действительно, вбежал становой пристав Прачкин, недавно проигравший воинскому начальнику восемь рублей, а оттого страшно сердитый, и прогнал Пришибеева вон.

Все понемногу успокоились. Председательствующий торжественно объявил: "Слово имеет полицейский надзиратель Очумелов". Очумелов вышел к трибуне, вытер рукавом пот со лба, кашлянул, пошевелил бровями и начал: "Как у любого естественного факта, есть две стороны –

чёрная и белая. Черная, как вы понимаете, плохая, белая, как вам думается, хорошая. То, что, как сказал предыдущий оратор, много подлецов под колесами погибло, наводит на мысль о политической нужности колеса и его, так сказать, содействии полицейским чинам. — Выступающий снова вытер лоб. — Но если неразумное колесо будет наезжать, например, на генералов и губернаторов, что тогда получится? Потому вопрос очень серьёзный, и если любому мерзавцу я могу показать "кузькину мать", то что взять с колеса? А потому я пришёл к такому выводу: если колесо на какой-нибудь подлой тележонке-навознице, то и назначение его подлое. Но если на карете, к примеру, генерал-губернатора или там градоначальника, то и назначение его благородное. Я всё сказал". Очумелов вытер пот с лица и, нетвёрдо ступая, прошёл на своё место.

"Ну и хамелеон!" — с места воскликнул юноша в студенческом костюме с худым безбровым лицом. Председательствующий зазвенел колокольчиком и сделал замечание: "Без выкриков и рецензий! Слово предоставляется госпоже Мурашкиной!"

"Милостливые государи, я, как вы, конечно, помните, "разрешилась от бремени драмой", то есть произведением. Именно меня ударил пресс-папье писатель Павел Васильевич. Сейчас это пресс-папье у нас в семейном музее. Так вот, по поводу колеса скажу. Обязательно, обязательно нужно колесо! Женщины и так довольно крутятся между исполнением своих супружеских обязанностей и настоящей пламенной любовью. Так вот, поверьте мне, имеющей большую жизненную школу, что крутиться между мужем в Москве и любовником в Ницце гораздо приятнее и романтичнее в карете, фаэтоне и уж верх всякого удовольствия — в поезде".

"Глафира Дермидонтовна, в ваши-то сверхпочтенные годы! Не наговаривайте на себя, Христа ради!" — взмолился председательствующий и объявил следующего выступающего. Им оказался как раз тот студент с писклявым голосом, который обозвал Очумелова хамелеоном.

"Свобода, равенство, братство! — воскликнул студент фальцетом. — Нет колесу! Оно топчет в нас самое лучшее. Вот намердись проезжал мимо станции, с меня слетела шляпа. А на что я другую куплю? Я записал об этом в жалобной книге. Если вы её читали, там есть такая запись: "Никандров — социалист". Так вот я и есть Никандров. Долой колесо. Да здравствует свобода!"

К трибуне вышел отставной генерал-майор Буддеев. У него, как и тог-

да, когда он не смог вспомнить лошадиную фамилию заговаривающего зубы, на голове присутствовала повязка. Бедняга снова страдал зубами. Он начал так: "Оно, конечно, если смотреть в корень, то там ничего не увидишь, поскольку земля непроницаема человеческому взгляду. Тем не менее мы должны сделать далеко идущие выводы вслед за соображением, почему колесо, а не квадрат или не параллелепипед! С одной стороны, как мне кажется, оно быстрее крутится. Но почему оно так стучит, к примеру, на железной дороге? Каким углом?! Следовательно, надо предположить, что если колесо, как уже говорилось, похоже на блин или, к примеру, калач – оно, безусловно, полезно. Если же на пустую консервную банку – абсолютно нет. Таким образом..."

Генерал говорил еще пятьдесят минут. Многие в зале уснули. Председательствующий вдруг уронил голову на стол и всхрипнул так, что "чёртова кукла" долго ругалась по-английски.

Механик Викентий Экибастузович тоже задремал. В новом своём сне увидел он, что собрание продолжается уже на современном этапе развития общества и что инструктор Андрей Катаков стоит за трибуной и говорит: "Колесо колесом, но большое значение в том, чтобы оно держало накачанный воздух, имеет... – Андрей высоко поднял палец над головой. – Что вы думаете?" Зал притих, пытаясь угадать следующее слово. Но как бывает в таких случаях, ничего путного не придумывалось. И вдруг Андрей, торжествуя, произнес: "Шина! Прокололась шина – и хана колесу. Тем не менее как человек, не мыслящий себя без баранки, я – за колесо!"

Все заплодировали.

И вдруг встал сам начальник автобазы товарищ Придирчук.

"Я буду краток, – сказал он, почему-то раскачиваясь. – Если бы не было автобазы, колесо было бы не нужно. Но коли она есть, пусть будет и колесо, и даже маленькие колёсики".

Бурные овации потрясли зал. Все встали и запели "Интернационал", который почему-то начинался словами: "Ветер за кабиной уносится с пылью". Успокоенный Колесов Викентий Экибастузович дальше спал без сновидений...

Читайте Чехова, господа.

Осознание того, что в старые времена были чеховские герои, поднимет вас в собственных глазах.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Летний вечер. Далеко на западе собирается гроза. Молния и зловещий гром.

Муж приходит домой изрядно подшофе. Он не был дома сутки. Раздевается и усиленно ищет что-нибудь поесть. Жена выходит из комнаты и, уперев руки в бёдра, обращается к мужу:

– Здравствуйте. Опять налакались?! Какой сегодня праздник?

– При чём тут "здравствуйте"? Сегодня утром я тебя видел. И потом, у меня не праздник, а горе – наши проиграли.

– Не знаю, кого ты сегодня утром видел. Кому проиграли? И кто теперь наши? Ты хоть встретил того мужчину, который спас меня, когда я тонула?

– Да. Он приходил ко мне ...Просить прощения.

– Ну и...

– А я сказал, что такую подлянку могу простить за три коньяка и сто "баксов".

– Что мелешь? Какие баксы? Он меня спас и с него ещё баксы? Допился.

– А я его просил? Увидел – чужая баба плавает в гордом одиночестве и сразу хватать! Свою бы, небось, и не заметил. Спасатель нашёлся.

– Ты чего, совсем тупой? Это я схватила его за волосы, когда стала тонуть.

– Постой, постой, да этот твой спасатель лысый, как глобус. Какие волосы?

– Ну, может, в парике был. А, кстати, где ты шлялся целые сутки?

– Выбирай выражения. Шлялся! К Витьке, армейскому другу заглянул, пивка выпили, футбол посмотрели, в картишки, опять же, срезались. Время быстро прошло.

Жена подходит к телефону, звонит: "Витя, мой у тебя был?"

Голос в трубке: "Был, был, как же не быть. И сейчас еще сидит".

Жена бросает трубку и кричит, наклонившись к мужу:

– Ты сейчас где?

– Если это ты, то дома.

– А я у Витьки.

– А с каких ковриг ты сюда припёрлась. Я бы и сам до дому дошёл?!

– А я к Витькиной Верке в гости пришла.

– Значит, к Верке пришла. Умница ты моя. А кто Верку в Сочи два дня назад провожал? Со слезами на глазах... А? Понятно, Верка в Сочи. А ты к Витьке с благотворительной помощью. А, кстати, где он? Эй, Витя, Витёк! Твоя мать пришла, молочка принесла. Грудного. Витя!

Заглядывает под стол, кухонный шкаф. За газовую плиту.

Жена:

— Сдвинулся. Горячка белая! Ты чего, не видишь, где находишься? Кот драный! На чьём стуле сидишь и за чьим столом?

Муж:

— А, уже и мебель к нему перевезла? Шустрая, как электровеник!

А Витька-то, друг называется: свою собственную женщину чёрт знает кому отправил, а сам, как подлючий Гитлер, на мою территорию позарился! Да если бы он тебя не знал! Ведь при нём на пикнике тебя змея в ногу укусила. Околела моментально. А когда ты с соседкой Настей из-за мытья подъезда схватилась, кончик языка с булавочную головку всего и откусила, а когда выплюнула — семь собак сдохло! Тебе ещё семьдесят рублей премию из ЖКХ принесли. За уничтожение бродячих собак. С Витькой же и оприходовали. По пьянке ещё на твоей базе ЧП мечтали открыть, название таковое придумали: "Кобра". Рекламу сочинили: "Деньги шлите нам на счёт, гарантируем — умрёт. Срок гарантии — вечность".

И это с тобой Витька планирует интересные отношения?! Любовник — самоубийца. У него же иммунитету на тебя нету. А я твой яд с любовью мешал и малыми дозами принимал. Потому и жив до сих пор.

А!.. Что про тебя говорить? Куда ни пойдёшь — одни неприятности. Уже в воду зашла, уже тонула — и всё равно хватать за волосы какого-то чёрта лысого...

Извращенка! А ну марш домой и чтоб все чики-чики было!

От длинного монолога муж несколько протрезвел. Ещё раз окинув взглядом кухню и поколупав прорезанную когда-то им клеёнку, он долго смотрел на заплакавшую жену в недоумении и вдруг, хлопнув себя ладонью по лбу, воскликнул: "Во чёрт! А мы уже дома! Фантастика! А чего это ты ревёшь? Ну-ка скажи, кто тебя обидел. Я ему все кости переломаю. Из-за меня ревёшь? Плюнь, кому я нужен. Да и как там в стихах: "На кого я тебя променяю, золотая растрёпа моя". Пойдём лучше спать. Люблю я тебя. Поздно уж неядовитых искать. Да успокойся, не возьму я с твоего спасителя коньяк и "баксы". Сам ещё литру поставлю. И спасибо скажу. Да улыбнись же! Вот так. Слезёнки с глазок уберу. Ну вот, видишь, любо посмотреть, вылитая Мерилин Монро. Не верится даже. Дай хоть потрогаю. Ты ли это?"

Чёрная туча обходит город стороной. Через открытое окно легкий ветерок несёт упоительную свежесть. Солнышко вынырнуло из уплывающих на восток облаков. Подмигнуло весёлым лучиком и скрылось за горизонтом. Завтра будет хороший день.

ОБИДА

Лежу иногда в ванне — и обидно. Тепло. Сыро. В спальне — "стенка" за три тысячи, в зале — "видик" за пятьсот "баксов", на кухне — жена на семь пудов, а всё равно обидно: сосед по лестничной площадке на десятку больше меня получает.

Нет, как зовут — не знаю, где работает — не знаю, а то, что на десятку больше — знаю точно.

Мне Митька, знакомый бомж, говорил, что сосед с полочки ежемесячно ему десятку отстёгивает.

Значит, больше меня получает. Я же не отстёгиваю. А он — десятку?! Обидно!

Недавно у него квартиру обчистили. Я видел, как унитаз и ванну выносили. Но думаю, чего шуметь, чего милицию беспокоить. Тем более, что он на десятку больше меня получает.

На душе радостно стало, хорошо так. Жену поцеловал в приливе чувств — впервые за двадцать лет после медового месяца.

Ну, думаю, поживу спокойно. Только не выгорело. В обед слышу: грохнет что-то. Выглянул — батюшки, царица небесная! Оказывается, соседу, как пострадавшему, на работе новую обстановку купили. И что самое обидное — унитаз голубой. Нет, вы подумайте. У меня белый, а у него — голубой, и ещё на десятку больше меня получает.

Вечером опять грохот. Смотрю, соседу украденную обстановку четыре бритых бугая обратно прут. Спрашиваю: "Ребята, вы с ума сошли? За чем?"

Один жвачку сплюнул и говорит:

— Чёрт его знает. Пахан осмотрел эту обстановку, как заорёт: "Вы бедного человека ограбили! За то, что он живёт при такой обстановке, ему доплачивать надо. Всё обратно! Извиниться и отдать ему тысячу долларов отступных, а то ещё посадит из-за этого хламья!" Мы люди маленькие.

Меня "кондрашка"хватила. Прямо у двери. Жена "скорую" вызвала, а я головой об пол бьюсь. Врач со "скорой" приоткрыл пальцами мой правый глаз и со словами "это неизлечимо" ушёл к машине.

Встал я, выругал жену за то, что, когда я башкой об пол колотился, коврики не подстелила.

Пошёл к соседу.

Говорю: "С тебя пятьсот "баксов".

Он: "За что? И почему пятьсот?"

Я: "Дурачком не прикидывайся. Двести пятьдесят за то, что я в милицию не позвонил, когда тебя "чистили". Кумекай, ведь если бы я позвонил, было бы у тебя сейчас две обстановки с голубым унитазом, да ещё тысяча "баксов"?"

Он: "Ну, допустим, не было бы. А за что еще двести пятьдесят?"

Я: "Как это "за что?" Неустойка за несбывшуюся радость. Когда тебя "чистили", я радовался? Да радовался. Жену целовал? Целовал. Но получается, что все это зря. Бесплатно, получается, радовался, бесплатно жену целовал. Гони "баксы"!"

Он: "Сейчас принесу, только собаку отвяжу. Слышишь, от злобы что-то по квартире таскает. Тебя слышит. Собачка — зверь. Овчарка кавказская. Мёртвая хватка. Подожди минуту, отвяжу."

Выскочил я, как ошпаренный, и пришла мне в голову мысль. А не нанять ли кого, чтобы мою квартиру "обчистили".

Ох, я уж тогда бы своё взял. Я бы эти месткомы-исполкомы, райсоюзы, профсоюзы — десять лет в чёрном теле держал. Не веришь? Не верь. Но когда я в восемьдесят четвёртом по пьяному делу ногу вывихнул, я так за них взялся, что они мне не только мотоколяску, так и медаль "Мать-героиня" второй степени под оркестр вручили. Да и куда им было деться? Я бурную деятельность развернул! Письма в восемнадцать инстанций написал. Женам главных начальников сорок четыре анонимки состряпал. Мне их знакомый журналист за литру "самопалу" на машинке отстукал. Видел бы ты, какую гадость я там наворотил, журналиста три дня рвало, а машинку пришлось везти в ремонт. На сорок пятой анонимке заклинило.

Но зато, что потом было! Военные действия в мирное время! Особенно избалованные ревностью жены ураганом врывались в приёмные, размазывали импортную косметику по лицам испуганных секретарш, громили счётную и пишущую технику, а одна в ярости сорвала с кабелей японский компьютер и вышвырнула его в нераскрытое окно.

Срочно собрали симпозиум. И вот она — мотоколяска, а вот — медаль. Я её только по праздникам одеваю. Заслужил. Экую баталию выиграл.

На соседа обидно. Вот и собаку ему друзья подарили. Меня всякий раз облает. Нет, ко всем ласковая, а как меня увидит — задыхается в ярости.

Яду купил, а на соседа жалобу сочиняю. Обидно мне на него, на целую десятку больше меня получает, унитаза голубой, тысяча долларов, собака. Ну, просто зло берет. Ведь надо же, какой человек уродился: не пьёт, не курит, регулярно на работу ходит, в общество книголюбов вступил и ещё больше меня на десятку получает. Куда правительство смотрит? Ведь если все такими будут, то тюрьмы и вытрезвители без работы останутся. А спиртное и сигареты кто уничтожать будет? На что акцизы поднимать, ведь это экономическая трагедия!

И всё из-за какого-то соседа. И уж какую только пакость я ему не устраивал. Как-то в гости пригласил, слабительное со снотворным в коньяк подмешал. Ну, думаю, неожиданный эффект получится. И получился.

Дворник Леха с соседнего квартала заскочил, наливает стакан коньяку. Хват! Улетел, как реактивный, под стол и уснул.

И такого я вам скажу наделал...

Пришлось в гости в деревню ехать. В "родные", так сказать, "пенаты". Подкатил. Только за огород перелез, смотрю — бабы стоят, между собой что-то калякают, в мою сторону посматривают. Ну, думаю, рады городскому человеку, встречают. Только вдруг одна выходит с вилами наперевес и глаголит: "Ты, Витька, с детства поросёнком был и, надо понимать, в ба-а-альшую свинью вырос! Убирайся благословесь, а то приколю невзначай. И без тебя тошно".

Ретировался я обратно за огород, ещё жердь сломал на память.

Приехал в город. В квартиру захожу. Тишина. Записка на столе. Читаю. Жена сбежала. Нет, не к другому. Просто сбежала, и всё. Это раньше за мной хоть на край света. А сейчас пишет, готова и на тот, лишь бы без меня. Упал в кресло и вдруг понял, что сбежало семь пудов хорошего человека. Откормил на свою голову. Не подумала, небось, что я сам от себя задохнусь.

Что сосед раньше на десятку больше меня получал, так это она виновата. А сейчас на ком я зло срывать буду по этому поводу?

Никто ведь не зайдёт. Вот и буду себя грызть. Мне даже на себя противно смотреть, зная, что он на десятку больше получает.

Обидно, чёрт побери.

КУПАНИЕ В СЕНОКОС

Мой отец говорил: "Хитрая болезнь — радикулит!". Вроде как геморрой: ни себе посмотреть, ни друзьям показать. У нас в деревне мужик такой был, его всегда радикулит именно в сенокос прихватывал. Прихватывал, правда, в основном днём, поскольку ночью он для своей коровы корма заготавливал. Так-то копны к его дому сами приходили, здоровые такие, ног даже не видно, радиоуправляемые, наверно. Идут другой раз — вдруг шелохнётся что-то на улице — сразу остановятся. Это понятно, чтоб империалисты не догадались, что мы и ночью корма накапливаем. Днём, правда, дурака валяем, но это исключительно ради конспирации. Как-то раз и меня радикулит сшиб. Пришлось штаны перед молодыми сестрами прямо днём снимать. Кто придумал именно в это место уколы ставить? Ненормальный был, или с женой ночью поругался? Но хуже всего, что в сенокос. Это по крестьянскому делу никак невозможно. Начальство и то сказало: "Ну ты даёшь — в сенокос болеть". Сказало — и на курорт в тот же день укатило. Да, их понять можно. Им коров кормить не надо. Да и своя-то жена за зиму кому не надоест. А в сторону не моги: у нас города небольшие — все-равно засекут. Ну, и считай, что тебе Ближний Восток обеспечен, не отходя от кухонного стола.

В соседнем колхозе директор и инженер любили одну секретаршу. Она, понятно, понесла. Они её на курорт в отпуск на юг отослали. Сами ездят, проведывают. Инженер уехал как-то, директору телеграмма: "Маша родила двойню, мой умер, что делать с твоим?" Не помню уж, как они потом разобрались. Так что без курорта неловко. Там бабы день и ночь загорают. Дома, может быть, и не посмотрел бы, а тут — глаз оторвать невозможно.

Отлежал я три недели, как порядочный. Помогло. Выписался. А на улице жара. Пойду, думаю, искупнусь. Прямо под городом купаться постеснялся. Мои трусы сразу бы привели в восторг всё население пляжа. Пошёл за город, иду и думаю: "Во — жизнь, всё в дефиците, а девицы на пляже свободно валяются".

Подобрал местечко, народу немного и берег песчаный. Разделся, плаваю себе. Вдруг передо мной вода вскипела — и голова! Во какая! На меня очумело так посмотрела, глаза на лоб вылезли, рот открыт, и — бух! Опять утонула. Я с испугу кричу: "Человек за бортом!" А всем наплевать. У нас, если один-два человека утонут — не считается, вон сколько запас-

ных на берегу лежит. Но мне-то неудобно, чёрт его знает, может, родственник будущий тонет. Два парня у меня растёт, может тесть их. Нырнул, схватил за какую-то ногу, потащил, гребу, как Чапаев, одной рукой, потом подумал: "А чего это я гребу – воды-то по пояс". Встал, того ташу, тяжелый такой "родственник" попался, пудов девять живого веса. Вытащил, на живот положил, надавил. Ведра два из него вылилось. Очнулся он, сел. Но только на меня взглянул, и упал на спину. Я ничего понять не могу, чем я ему не нравлюсь? Мужика одного спрашиваю: "Слушай, я нормальный?"

Он говорит: "На вид – да".

– Так какого лешего он в обморок падает?

– Не обращай внимания, может быть, с детства припадочный, – сказал мужик.

Ну, думаю, если "тесть" припадочный, то какова же дочка? Но жалко его стало. В общем, разбудил я его, хлопает глазами, но в обморок не падает. И вдруг как заорёт: "Ты кем работаешь?" Я спокойно отвечаю: "В больницу попал директором совхоза, может, ещё не сняли". "Вот я и знаю, что ты – директор. Так какое право ты имеешь купаться в сенокос? Ты на передовых рубежах должен быть! На зареде с вилами тружеников села вдохновлять должен. Я через твоё безобразное купание чуть не утонул!" И пошло, поехало. Он орёт, а я думаю: "И чего это я его ташил? Этого бы и не корми". А он: "Я бы на твоём месте утопился". Я тут же два шага назад делаю. Говорю: "Вот я сошёл со своего места, вставай и топись, а мне некогда, три недели в совхозе не был, надо ехать. Сенокос все-таки". Он опять на спину хрястнулся, удачно так, аккуратно затылком о камень. Пошёл я за "скорой помощью". Дочку его жалко, больная, да ещё осиротев.

С тех пор я сменил работу и не купаюсь в сенокос.

2002 г.

ЛЕТАРГИЯ

В году этак 1987, во времена невыносимого разгула обществ трезвости и первых ростков демократии зубной врач Александр Петрович Дранкин вышел из ресторана "Великий Устюг", зашёл в парк, сел на скамеечку и уснул. Честные граждане шли мимо. Но когда ночь нахально изгнала день, дотошный милиционер увидел в спящем Дранкине нарушителя общественного порядка и вызвал дежурную машину. К несчастью, от Дранкина попахивало, и его определили в вытрезвитель.

Надо сказать, что был Дранкин ярым холостяком и замечания медбратьев неизменно парировал чьим-то афоризмом: "Лучше умереть на баррикадах, чем жениться на хохотушке". Баррикады в те благословенные времена были не в моде, а поэтому Дранкин жил себе, поживал, в тайне надеясь, что ветры политических перемен надуют и ему что-нибудь стоящее.

Друзей у него тоже не было, потому что, как только они появлялись, сразу начинали ходить в гости, иногда одни, иногда с женщинами, долго и нудно распространялись о способах спасения Руси, всё съедали, выпивали и, прощаясь, шепотом просили вылечить зубы всем родственникам с третьего по пятое колено.

К несчастью, ночь отдыха в вытрезвителе совпадала с первым днём отпуска, и назавтра Дранкина никто не хватился. Кому нужен человек в отпуске?

В учреждении ждали, когда Дранкин проснётся и рассчитается за услуги, но тот продолжал спать. Боясь расходов на похороны, работники вытрезвителя вызвали "скорую помощь", и молоденькая фельдшерица, сама себе удивляясь, поставила точный диагноз: "Летаргия".

Когда Дранкина привезли в больницу, знавшие его коллеги завидовали и сплетничали о том, что сон Дранкина есть хитрый маневр, чтобы пережить этап преобразований и реформ, и, как только всё наладится, он проснётся, получит больничные и отпускные, и будет себе рвать зубы в обновлённой России.

Весной 1992 года Дранкин проснулся.

Едва протерев глаза, он командирским голосом потребовал свою сберкнижку, ведомости по зарплате и счёт из ресторана. Вообще-то Дранкин, человек тихий и даже нудный, после летаргии стал проявлять себя как чиновник налоговой полиции.

Это всех веселило, но когда Дранкин сделал замечание главному врачу ЦРБ по поводу курения на работе, веселье кончилось. Все вдруг поверили, что перед ними и впрямь кто-то из министерства, и стали прислуживать наперегонки: "Добрый день, Александр Петрович! Как здоровье, Александр Петрович?" И всё с улыбочкой и реверансом. Однако нужные бумаги ему так и не принесли, и, чтоб хоть как-то загладить вину, принесли ведомость на аванс, где в одной графе со своей фамилией Дранкин увидел шестизначную цифру и обомлел: "Это мне? Аванс? Сто шестьдесят тысяч?!" Он дотронулся до одетой в белое кассирши и спросил:

– Я не сплю?

– Нет, вы не спите. Распишитесь и получите.

Дранкин дрожащей рукой расписался, схватил отсчитанные деньги, дважды пересчитал их и, оглядываясь, сунул под подушку.

Назавтра его выписали. Мы выходили вместе. Александр Петрович, возбуждённо махая руками, почти кричал: "Слушай, рванём в ресторан, а?! Кутнём! Обмоем первую после летаргии получку".

День был скучный, дождливый. Я согласился. Мы зашли в ресторан, и Дранкин со словами "Гулять так гулять!" заказал две бутылки пива и по пятьдесят грамм водки. На закуску он взял два луковых салата.

Ожидая, пока принесут, Дранкин открыл, видимо, мучившую его тайну. Оказывается, в летаргическом сне он был главным врачом земской больницы и женился на дочке самого генерал-губернатора. На деньги тестя он скупил все зубные кресла в губернии, нанял врачей и занимался по совместительству исключительно зубопротезным бизнесом, заменяя золотые коронки на чищеную медь, а импортные материалы – отечественным цементом.

Однажды молодой врач удалил золотую коронку и заменил её, как и полагалось, на чищеную медь троюродной сестре генерал-губернатора. То ли медь оказалась плоха, то ли женщина слишком ядовита, но коронка потускнела, а на утро на зубах появился сине-зеленый налет медного купороса. Перед уходом на работу дама, повертевшись у зеркала, оскалила зубы. Ноги ее подкосились, а покрашенный рот издал такой вопль, что вызванные жильцами сотрудники полиции приравняли его разрушающие последствия к взрыву пятисот граммов пороха.

К счастью, никто не пострадал. Вылетевший зуб разбил зеркало и был увезён на экспертизу.

Система открылась. Шум, скандал. И когда за спинами следователей Дранкину почудилась тюремная решетка, он в ужасе проснулся.

...Мы уже полтора часа тянули маленькими глоточками пиво, а Дранкин всё говорил и говорил.

Наконец, белокурая официантка Элла положила на наш стол серенькую бумажку-счёт. Я взял её. В итоге стояла сумма 30 тысяч рублей. Дранкин взял счёт, посмотрел в него и с криком "Грабёж!", шумно хватанув воздуха, брякнулся под стол.

Вызвали "скорую". Мои опасения подтвердились. Мне пришлось оплачивать счёт, так как Дранкин снова уснул.

Он и сейчас спит. Возможно, с той дочкой генерал-губернатора, если его, конечно, не посадили за мошенничество.

Бедняга так и не узнал, что 30 тысяч его кровных денег равны, всегонавсего, 30 рублям тех, при которых в первый раз его настигла летаргия.

ПАЛАТА №5

Сначала кольнуло, потом стрельнуло, потом спину схватило так, что из всех способов движения стал возможен один – на четвереньках, а в связи с тем, что способ этот забыт нами ещё со времен превращения голых обезьян в одетого человека, пришлось обратиться в больницу.

Серьёзный врач в белом колпаке сначала попытался меня выправить, но когда это не удалось, послал меня в палату №5.

Палата хорошая такая, одиночка. Солнечная сторона. Лежу смирно.

Слышу – зовут. Кровь из пальца. На сердце тоска. Вот она сидит, кровососка несчастная. Сейчас ткнёт в палец – и глубокий обморок. Смерть, не приходя в сознание. А она уже сосёт в трубочку. Спина стремится к вертикали. Ушёл с мыслью о мести.

Снова зовут. Кровь из вены. Батюшки, царица небесная, как будто она не одна и та же. Иголка-то – лошадь не выдержит. Сейчас ткнёт в вену – и шабаш, радостные похороны с бесталанной водкой. Вот она, родная, так сказать, кровь. Чего на меня смотришь, за насосом своим смотри, а то перекачаешь! Этого не хватало: кровь бесплатно проливать в мирное время!.. Наконец-то закончила. Канистру, поди, накачала. Дыру в вене ватой заткнула. А чего её затыкать – всё равно в ней уже крови нету.

Нет, я их ещё прищучу! Я в райздрав жалобу накалякаю.

Спина стремится к вертикали. Прилёт. Свернулся клубочком. Переживаю пройденный этап.

...О, опять кого-то чёрт несёт! Капельница с неизвестным раствором. Во бардак: кровь сосут, воду вливают. Я в минздрав напишу, я депутату телеграмму дам!

Целый час в меня что-то течёт. Лежу тихо. Делаю вид, что сплю. Может, забудут, что я есть.

Вдруг слышу: радостно так кричат: "На уколы!" Изверги окаянные! Вот она вся в белом, лицо повязкой скрыто, чтоб не узнали потом на улице. Женщина как женщина: смесь красивых глаз с укусом кобры. Нет, не уколы, а бульдожья хватка с отрывом кожи. И в руку и в более интимные места. Всю шкуру испортила. На свет, поди, посмотреть – сплошная дырка. Но я-то это так не оставлю. Я в ООН такое накорябаю! Мало не покажется.

Спина стремится к вертикали. Заходит врач с молотком. Здоровый, та-

кие на одесской бойне быка одним ударом — насмерть. Молоток вправо, молоток влево. Слежу глазами. Одна мысль — успеть бы увернуться, когда по центру бить будет. А он по колену — хлоп! Нога дернулась — молоток под стол улетел. Так, говорит, хорошо, хорошо. За молотком слазил. Ещё массаж сделаем — и порядок. Ну, думаю, я тебе устрою массаж. Я твоей жене такую анонимку сочиню — посуды в твоём доме не хватит. Всю расколошматит о твою гиппократовскую голову. И следующим пациентом в этой палате уже ты будешь.

И весело мне стало. Представил, как тарелки у него по квартире летают. В небе — НЛО, в квартире — тарелки. Даже спина болеть перестала.

Но зовут на массаж.словно на амбразуру вражеского дзота бросаю своё бедное тело на обжигающий холодом дерматин. С первых же прикосновений рук к больному месту начинают приходить на ум слова и даже целые выражения. Вспоминаю "дело врачей" и репрессии. Теряю сознание. В туманной дымке наблюдаю собственные похороны. Пока всё идёт хорошо. Народу могло бы собраться и побольше. Занятия в школе могли бы отменить. То-то было бы радости у ребятишек! Оркестр за сто рублей. Наверное, военный. Жена в чёрном. Еще какие-то бабы. Красивые есть. И чего это я умер в такую рань?.. Речи о том, какой я был хороший. При жизни слова хорошего не услышишь, а тут прорвало. Поздно, господа, поздно. Нет, пожалуй, рано. Вроде как я ещё не умер. Это массажистка из ума вышибла.

Спина стремится к вертикали.

Через три недели боль прошла. Скоро на выписку. А пока нахожусь в палате №5. Любуюсь апрельским солнышком и пишу юмореску. Хочу подарить её так и не доконавшему меня персоналу неврологического отделения с улыбкой, благодарностью и любовью.

БЕДА

(О странностях любви)

На первом этаже поселенческой администрации, в комнатке, где едва разместились стол и два стула, сидит участковый. Он молод, хорош собой; из-под слезшей на затылок фуражки выбился лихой казачий чуб цвета воронового крыла. Чёрные глаза под роскошными, почти сросшимися бровями смотрели на сидящую напротив довольно пожилую женщину строго и с укоризной.

– Что у вас, Глафира Прокопьевна? Опять с мужем не лады?

– С ним, окаянным. Разве я бы из-за кого другого пошла.

Женщина явно нервничала. Руки её, лежащие на коленях, постоянно гладили цветастую юбку.

– Ну чего он опять отчебучил? Ты у меня только в этом году пятый, по моему, раз с жалобами приходишь?

– Да ведь как не приходиться, коли мер не принимаете!

– Так что опять?

– Пьёт, зараза такой, кажинной день пьяной.

– Хорошо. Разберёмся.

– Чего уж тут хорошего. Пьяный дерётся.

– О, за это он и загреметь может.

– Так и это бы ладно. Ещё за юбками чужими охоч.

– Ну, Прокопьевна, за это статьи как бы и нет. Но пиши заявление. Участковый достал из стола чистый лист бумаги, ручку и подвинул их к женщине.

– А чего писать-то?

– Да ты только что говорила, что муж у тебя пьёт!

– Пьёт, – утвердительно кивнула головой женщина.

– Бьёт?

– Бьёт. Как же не бить, если пьяный?!

– За чужими женщинами, так сказать, ухаживает?

– Как же не ухаживает-то. Тоньку-пекариху чуть в тесте не уходил. Крышка у дежи-то старая была. А они такие здоровые оба, вот и лопнула.

Участковый сдвинул фуражку ближе к бровям. И чуть не прыснул от смеха, представив ситуацию.

– В-общем, пиши заявление Прокопьевна, и я его посажу.

– Ничего себе "посажу". А кто картошку копать будет? Хочешь, чтобы под снег ушла? Ты лучше его построжи, построжи и попугай.

– Построжи, попугай. Пуганый он у тебя. Пиши заявление.

– Дак чего писать-то?

– Он у тебя пьёт?

– Ох, пьёт. Куда и лезет.

– Бьёт?

– Бьёт, а трезвый извиняется.

– За женщинами ухлёстывает?

– Сама не видела. Про Тоньку-пекариху бабы сказывали. Поговори ты с ним, мил-человек.

Участковый занервничал. По существу, он мог выставить жалобщицу за дверь, поскольку заявление она вряд ли напишет.

Но врезались в память слова майора, которого неделю назад провожали на пенсию.

– Нам, – сказал уже старенький майор перед строем, – доверены не только погоны и оружие, а порой и судьбы человеческие. Как-то бережливее, добрее, что-ли, надо к ним относиться. Закон – меч. Ваша душа – щит для окружающих. Вторым пользуйтесь чаще.

И участковый предложил женщине:

– Давай так. Ты заявление-то всё-таки напиши, а я пока ему ход не дам.

– Как это "не дам"? – всполошилась женщина. – Он пьёт, меня бьёт. С Тонькой опять же в дежу упал. Пришёл домой, как лещак, весь в тесте. Наврал, что муку в дождь выгружал. А не какой муки в тот вечер не привозили.

– Тогда я его застрелю, – как-то устало произнёс милиционер и потянулся к кобуре, но вовремя вспомнил, что пистолет в сейфе.

– Нет, – заполошно вскрикнула женщина.

– Чего его стрелять? Пусть сначала дома всё приделает, а то крыша вон потекла, корову сдать надо. Давно хотела, да как сдашь, если он с похмелья три литра молока утром выпивает. Огород вон повалился. Пусть всё приделает. А ты его покарауль, мил-человек.

Участковый выскочил из-за стола и, грозя посетительнице пальцем, словно выдохнул:

– Ну знаешь, Прокопьевна, я твоего мужика караулить не нанимался. Всё. У меня кража не раскрытая висит.

– Да ты не ругайся, сынок. Я ведь тебе говорила, что он у меня пьёт, дерётся. Опять же с Тонькой в дежу упал. Думаешь, мне не обидно?

– Так я-то что могу сделать? – Милиционер бросил на стол фуражку, потом снова схватил её и, выскакивая из кабинета, крикнул:

– С кражей разберусь и всё равно застрелю твоего мужика. Пусть пока картошку копает.

Женщина вышла вслед и, пристально посмотрев вслед удаляющемуся милиционерскому мотоциклу, погрозила поднятым кулачком и выкрикнула: "Я тебе посажу, я тебе застрелю! Что, моему мужику так и выпить нельзя?"

КЛЮКВА

Год 2150. Поезд на воздушной подушке летит напрямую по маршруту Великий Устюг – Нюксеница – Санкт-Петербург. Изредка приземляясь и забирая немногочисленных пассажиров, поезд вновь набирает десятиметровую высоту над пустынной, ввиду глобального потепления и вырубки лесов, Вологодской областью. Недалеко от меня расположились двое мужчин, представляющих явный контраст. Первый – седой человек с профессорской бородкой (а-ля Чехов), с чёрными бойкими и умными глазами, жадно рассматривающий пустынный пейзаж за стеклом, одет весьма прилично: немнущийся мышинового цвета костюм, галстук за тысячу долларов цвета пустыни Невада или кабачковой икры, лаковые ботинки с самовосстанавливающимися подошвами и каблуками. Второй – обросший мужчина, неопределённого возраста, со скучающим взглядом в поношенном фраке и китайских кирзовых сапогах. Рядом с ним трехведерный короб без крышки с крупной, выбранной клюквой. Едва поезд садится, он бежит навстречу новым пассажирам и кричит: "Клюква, свежая, вчера ещё росла. Недорого. Вместе с тарой. Купите!" Но никто не покупает. Мужик приходит на место, вздыхает и ещё более сутулится. Наконец-то весёлая дамочка лет этак двадцати с приличным хвостиком, не спрашивая цену, набирает большой пакет клюквы. Мужик называет цену в долларах. "Приличный хвостик" дёрнулся, рот её перекосило. Из него рванул словесный поток грязи, сравнимый разве что с промышленными выбросами Сокольского ЦБК на заре третьего тысячелетия. Завершая своё возмущение, дамочка прониклась экологическими проблемами, провизжав: "Какое-то калифорнийское искусственное дерьмо продаёт, как нашу вологодскую ягоду! Наглец! Да я за эти деньги вынуждена вкалывать чёрт знает с кем и чёрт знает где, а ему хоть бы что! Подавись своей американкой", – и дамочка бросила пакет мужику в короб. Профессор, уставший от долгого молчания и поражённый свинством "приличного хвостика", так он окрестил даму, заговорил, обращаясь к невезучему продавцу ягод. Разговор обещал быть интересным, и я записал его почти полностью.

"Ах уж эти женщины! – произнёс профессор, поправив при этом галстук цвета Невады и седые волосы. – Пришла, нахамила, ушла – типичная сцена нашей жизни. И всё женщины, женщины. Какой бы скандал

ни был, дорожный, воздушный, кухонный или международный, причина одна — женщины. Учёный мир всегда беспокоил женский вопрос. Нужны ли они в столь громадных количествах в век эмансипации, клонового разведения человека и кухонных роботов? Горячие головы преклонных лет считают, что без женщин можно жить, даже более сносно, чем мы живём сейчас. В крайнем случае, предлагают они, их можно содержать в резервациях, в минимальных, не опасных для планеты количествах. Свои предложения эти корифеи науки обосновывают глобальным потеплением, перенаселением планеты и исключительной зловредностью особой женского пола ещё с библейских времён. Но тут сразу воспротивились писатели, поэты, художники, юмористы и сутенёры. Этот кусок творческой интеллигенции поставил вопрос ребром: кому они будут посвящать свои эпосы, опусы, картины и анекдоты в условиях полного обнищания природы, отсутствия женщин и зловещего практицизма. А кто будет вдвухивать в них волшебную силу вдохновения. Сутенёры всех стран вообще взвыли: "Последний хлеб отбирают!" Пригрозили забастовкой. Всё это заставило наиболее молодую часть учёных посмотреть на проблему под другим углом. Они предлагали оставить женщин, внимая просьбам трудящихся, но подумать, как обезопасить мужское существование рядом с ними. Разгорелся конфликт. Профессора международного института Человека, к славной когорте которых я имею честь принадлежать, оказались не готовы его погасить. Кто-то робко предлагал отсылать женщин на необитаемые острова или в деревни, что по уровню социальных услуг было равнозначно. Но и это не было принято из опасности, что многие молодые люди, включающие компьютер только ради того, чтобы почитать "Декамерон", немедленно атакуют эти резервации и где гарантии, что не возьмут их. Кстати, — профессор наклонился к собеседнику, — разрешите представиться. Леспромхозов Иван Иосифович. Доложу вам, милостивый государь, что мой достопочтенный прадед был отмечен в архивах как ударник социалистического соревнования по рубке лесов. Весёлое, — читал я, — было время. Звенели топоры, летели щепки, для борьбы с лесом, загораживающим перспективы развития по западному пути, создали спецмашины. И они победили. Осматривая сегодня пустынные дали, вам и в голову не придёт, что здесь шумел лес, ревели медведи, бежали реки и пищали комары — страшное зло для человечества. Кстати, как вас звать-величать?" — спросил Леспромхозов и протянул узенькую ладонь. "Адам

Смит, — лениво представился мужчина и тоже протянул свою ехидно подрагивающую руку. — Где родился, не помню, кто родители, не помню, живу сейчас в поселении Лас-Вегаскино, что в переводе обозначает "Кривой жеребёнок". Слушай, профессор, выручи. Всю клюкву и короб отдаю за виски (0,56 л), может, не дашь умереть, а? — Леспромхозов хитро улыбнулся, достал из-под столика бутылку с этикеткой, изображающей Санта-Клауса, чуть глотнул из горлышка и подал Адаму со словами: "Ягод твоих мне не надо, а вот выпить за твоё редкое имя даже я согласен". Мужик в два глотка выпил содержимое и как-то сразу повеселел. Подвинув к профессору короб, он уверенно достал из-за голенища кирзовых китайских сапог гаванскую сигару, ловко надломил её, поджёт старинной газовой зажигалкой и, блаженно затянувшись, спросил: "Продолжайте, профессор, что вы там о бабах шп्रेхали?"

Леспромхозов словно этого и ждал: "Да, да, я говорил о женском вопросе, об опасности перенаселения и о недальновидности всякой творческой интеллигенции. Как умный человек вы, безусловно, понимаете, что возможность женщины рожать из-за каждого пустяка чревата катастрофой. А потому по инициативе китайцев нами был собран тайный международный совет, с которого я и возвращаюсь. Пять дней учёные всего мира выработывали стратегию избавления от слабой половины человечества. Дело доходило до рукопашных схваток. Переводчики пыжились и краснели, выбирая более или менее приемлемые в дипломатии выражения. В пылу атак никто не заметил, откуда взялось предложение о женщине с максимально упрощённой анатомией. Вы, конечно, думаете, господин Смит, что такое предложение мог внести только какой-нибудь "Лев" мировой науки или "Слон" анатомии и физиологии. Ничего подобного. Упрощённую схему строения будущих дам предложил возвращающийся с пляжа великоустюгский мещанин Вениамин Кротов. Заглянув на шум и выяснив причину острой борьбы учёных, он одел штаны, не спеша вышел к трибуне, снял пилотку без опознавательных знаков и на основе простых, как пробка, умозаключений подвёл нас к выводу, что перспективная особь женского пола должна иметь только уши и ноги плюс самое необходимое количество внутренних органов. Кто-то сразу засомневался в необходимости ушей, но Кротов легко развеял эти сомнения, пояснив, что уши женщине нужны, чтобы слышать команду мужа, в какой сельмаг ей идти за виски со льдом. Смит умоляюще посмотрел на

Леспромхозова, и тот со словами: "Выпьем за гениальности Вени Кротова" — нырнул под столик и достал новую бутылку. Выпили по два глотка. Закусили клюквой. Помолчали, вслушиваясь, как виски разгоняют тепло по телу.

Затем Иван Иосифович продолжал. "Так вот, Адам... — многозначительно подняв вверх указательный палец, произнес Леспромхозов. — Этот мещанин Веня Кротов, отвечая на ехидные вопросы "гиппопотамов" международной науки, нарисовал удивительную перспективу мирного сосуществования нового женского создания со старыми, обвешанными болезнями и дурацкими привычками мужскими особями в условиях таяния ледников. Я думаю, что вы, Смит, в отличие от этих зверей науки не будете задавать глупого вопроса: "Зачем женщине ноги? Мол, как же без ног в сельмаг?" Или: "Если не будет ног, то на что она будет одевать колготки?" И будешь прав. Но ты никогда не догадаешься, что, оставляя женщине ноги, мы решаем проблему творческой интеллигенции, о которой я уже говорил. Так вот, именно эти конечности мы бросаем всей измученной и балованной творчеством братии. Натё! Восхищайтесь, мечтайте, любуйтесь, пишите свои стихи и анекдоты, рисуйте в любом ракурсе. В конечном счете это никому уже не мешает, не требует дополнительных расходов газа, нефти и атомной энергии. К тому же мы бросили вождьеленный кусок рекламодателям, которые взяли за правило даже зубную пасту и консервы рекламировать с участием женских ног. Тема о внутреннем содержании модифицированной женщины обещала быть затяжной, и мы сделали перерыв. Каждый мучился чёрной завистью: почему не он, а какой-то не известный науке Кротов сделал такое умопомрачительное открытие. Перерыв кончился, и Кротов вновь вышел к трибуне. Помолчав, пока стихли аплодисменты, он предлагал новое в строении внутренних органов дам спокойно и аргументированно.

"Во-первых, — сказал он, — я предлагаю несколько укоротить такой полувнутренний у женщин орган, как язык, и мотивирую это тем, что если бы Ева вообще была немой, Адам и всё прогрессивное человечество не было бы ввергнуто в постоянное добывание насущного хлеба "в поте лица своего".

Присутствие желудка он также счёл неуместным, во-первых, потому, что женщина любит ушами, а не желудком, как это присуще мужчинам. Ну и пусть любит. Во-вторых, присутствие желудка подразумевает желу-

дочные болезни, а это расходы, не предусмотренные сметой. В-третьих, многие эмансипированные барышни, даже очень любящие сладости и другую вкуснятину ставят на первое место духовную пищу. А для её переработки, как вы знаете, желудок не нужен. Овации длились пять минут. Кто-то даже крикнул: "А сколько продуктов сэкономим!" Аплодисменты уже начали стихать, когда какой-то неуч, нарушая регламент вопроса, выкрикнул: "А что будет с руками? С руками как?" Зал грохнул. Понеслись реплики типа: "Это у кого руки – внутренние органы?"

Но Кротов, нимало не смущаясь, предложил учёным обсудить этот вопрос без очереди. Некоторые из выступающих из числа помнящих лихие затрешины, изъеденных ревностью жён, категорически отрицали их нужность. Докладчик не согласился и убедил, что не очень большие ручки, способные поддерживать что-то незначительное, например, рюмку коньяка для мужа утром, всё-таки необходимы. Проголосовали. За сохранение небольших ручек было большинство и лишь два язвенника и три старца, которых давно не интересовали женщины, проголосовали против.

Опираясь на медицинскую составляющую, новую женщину хотели начисто лишить сердца (мол, то и не болит.) Но тут слово взял я. Лес-промхозов наклонился к Смиуте и, переходя с шёпота на крик, продолжал: "С красноречием и напористостью Сократа я убеждал коллег, что отсутствие сердечной мышцы, как аккумулятора любви, не только грозит нравственности, но и чревато большими расходами на расширение Тверской и других зланных мест в мире, так как ночных бабочек будет больше, чем дневных. А это путь к таким негативным явлениям, как бросание мужей, детей, распространение болезней и в конечном счете приведёт к повторению Содома и Гоморры. Бог нам этого не простит!" – закончил я. Бурные овации оставили женщинам сердце.

Перешли к экономическим выгодам новой женщины. Профессора с медицинским уклоном настояли на закрытии всех отделений больниц с созданием одного нового: "Ухо, ноги". Экономический эффект от этого не поддавался исчислению, зашкаливали даже компьютеры последних моделей. Профессор, чей институт разрабатывает вооружение для войны с инопланетянами, ликуя, произнёс краткую речь: "Как я понимаю, основной формой одежды нового изобретения будут капюшон и колготки, открывается широкая перспектива переброски высвободивших-

ся средств с лёгкой промышленности на тяжёлое вооружение. Я верю, что это заставит инопланетян уважать нас. Это то, чего мы добивались столетиями, так как другой причины войны с ними у нас просто нет”.

Леспромхозов и Адам вновь приложились к заветной бутылке, и когда мимо проплыла высокая стройная блондинка, переглянулись и ахнули: "Новая! Ноги из ушей! Уже вывели. Только ещё не переодели! Вот это прогресс, сутки назад такое создание было только в мыслях Кротова. И вот она уже существует!" – воскликнул Леспромхозов. "Это надо отметить", – подхватил Смит. "Да, да!" – подтвердил Иван Иосифович, произнёс тост за прогресс и милых дам, отглотнул виски и подал бутылку товарищу.

Затем они пели старые песни о главном. Правда, одновременно и разные, но всё равно получалось душевно. В перерывах они обнимали друг друга и даже всплакнули, но чаще всего по очереди провозглашали тосты: за женщин, за дам разных национальностей и вероисповеданий, за нежность и пять раз за любовь. Несведущие пассажиры так и не могли понять, каких женщин они имеют в виду: старого или нового образца. Наверное, это выяснилось бы позже. Но крепкий сон вскоре одолел таких разных, на первый взгляд, мужиков.

14.11.2005 г.

РУКОВОДСТВО ПО ОХОТЕ НА КРУПНОГО ЗВЕРЯ

Кто-то говорит, что охота — это болезнь. Вроде чесотки; чешешь и чесаться хочется. Иногда заразная. Но это уж кому как. Для меня же это что-то необъяснимо волнующее и близкое к чувству любви, особенно в годы нашей счастливой юности. Конечно, испытывая её, мы не падаем на колени, не говорим страстных слов, не бросаемся под идущий не в нашем направлении поезд.

Но! Мы просто не мыслим без неё жизнь. И в этом главное сходство. Она счастье, в конце концов, или по крайней мере его ожидание. Начитавшись охотничьих рассказов, не предполагая, что в них изрядная доза преувеличений и вымысла, как, кстати, и в любовных романах, всё новые и новые любители острых ощущений уходят в лес для испытания себя охотой на крупного зверя. Чтобы развеять их чрезмерный оптимизм и сберечь от многих разочарований и огорчений, взялся я за неблагодарное дело написать это руководство. Надеюсь, что с первого шага по охотничьей тропе оно сбережёт молодых охотников от неприятных сюрпризов.

Ну что ж, если вас не страшит изучение моего труда до его последнего слова, вас не пугают тёмные осенние ночи, звериный рык, судороги в ногах от многочасового и часто бесполезного лазания по логам и болотам, идёмте. Естественно, что сначала нужно снарядиться.

Снаряжение

Главное — не забыть ружье, патроны, топор и, конечно же, нож, на случай рукопашной схватки. Учитывая, что зверь крупный и попасть в него пульей не составит труда, вы, конечно, посчитаете необязательным пристрелку оружия, чем, безусловно, поможете зверю благополучно с вами расстаться и вызовете умиление у разодетых в меха барышень из природоохранных организаций. Говорят, что хороший эффект даёт оклейка стволов водостойкими обоями, это уравнивает ваш и звериный шанс вовремя их увидеть.

Одеться надо так, как будто вы собираетесь на Северный полюс. Предварительно вымыться в бане, надеть чистое нательное бельё, побриться — всё это при несчастном случае намного облегчит хлопоты родственникам. Очень приятно вылить на себя пару-тройку флаконов одеколona, но

если вы идёте на встречу с холостой медведицей, подойдут французские духи "Шанель №5" и пара полноценных рюмок устюгской водки для уверенности и храбрости. Но об тонкостях парфюмерии и охотничьей кухни мы поговорим позже.

Что же положить в рюкзак? Вы, конечно, понимаете, что идёте на серьёзное, мучительное дело, что зверь, тем более крупный, не планирует быть съеденным, а потому жареная курица, килограммовый шматок сала, кусок копченой колбасы, десяток яиц только вначале покажутся вам тягостью.

Трёхлитровый термос чаю разгонит кровь и согреет в засаде, а десяток пачек сигарет помогут перенести часы тоскливого одиночества и страха, вызванного то душераздирающим криком невидимой ночной птицы, то топаньем зайца или шуршанием в жухлой листве мышей.

Возьмите с собой аптечку – бинты, таблетки, особенно сердечные и закрепляющие, и обязательно инструкцию по оказанию первой помощи при несчастном случае. Если идёте вдвоём с товарищем, отстающим от вас в знании техники безопасности на охоте, не худо иметь бронежилет.

Если вы надеетесь на удачу, то котелок, специи и справочник "Кулинария для всех" не составят вам тяжести.

Итак, вы готовы.

Но кого же убить? И каким способом? Тигров, львов, зубров у нас нет, и мы не будем вдаваться в описание этих охот. Начнём с охоты на медведя. Распространённые в России охоты на медведя следующие: на овсах, на приваде, с подхода с лайкой, с рогатиной и на берлоге. Основное правило техники безопасности: никогда, ни при какой погоде не встречаться с медведем. Второе: не верьте никому, что перед падением медведь встает на дыбы, чешет под мышкой, а потом идёт на потенциального врага и перспективного покойника во весь рост. Третье: встретив медведя в лесу, не медля ни секунды, с криком "Сдаюсь!" выбегайте на чистое поле и приготовьтесь к обороне. Вид вашего удаляющегося зада, как правило, оскорбляет высокие медвежьи чувства, потому бежать желательно, как выражается великий и хитрый народ, – взад пятки. Медведя такой способ бега настолько озадачивает, что, как говорят опытные бегуны, заставляет его чесать затылок, и вы спасены.

Охота с лабаза на овсах

Помните, что хороший охотник всю ночь способен высидеть на двух палках, поэтому не утруждайте себя мучительным креплением на деревьях стульев и раскладушек. Если вам все-таки страшно, подходя к лабазу, вымажьте сапоги в дорожной грязи: звук отпадающих кусков высохшей грязи надежно уберезёт вас от встречи с окаянным зверем. Выстрелите дважды, покричите страшным голосом, закурите и уже потом залезайте. Возьмите с собой фотографию жены и детей. Неплохо знать несколько молитв, ибо прочтение их вслух при появлении зверя благотворно действует на вас обоих. При каждом шорохе палите в темноту. Если вместо рычания зверя вы услышите крик грибника, рёв коровы или храп лошади, снова читайте молитвы и радуйтесь, что ружьё не пристреляно. В противном случае прямо с лабаза можно угодить в казенное место.

Если медведь всё-таки вышел на вас, немедленно читайте молитвы и мысленно прощайтесь с родней. Отвязывайте ружьё и нажимайте на все курки по несколько раз. Если зверь упал, у вас есть ещё два варианта: вы или сидите до утра, тем более, что табаку и продовольствия у вас достаточно, или прыгаете вниз и подбегаете к поверженному зверю с головы, держа нож в зубах. Если зверь начнёт подниматься вам навстречу, выбросьте молитвенник и притворитесь мёртвым. Медведь, как правило, брезгует умершими от страха, потому что они плохо пахнут, и вы снова спасены. Спросите, зачем на охоте фотографии близких родственников? Отвечаю. Исключительно как напоминание, что стрельба по медведице с медвежатами запрещена.

Охота с подхода

Чуть брезжит. И вот уже на расстоянии двадцати шагов вы сможете увидеть всё, что величиной с медведя. Тогда вы идёте на охоту. Дойдя до овсяных полей, немедленно снимайте всё, что при соприкосновении с овсяной бронью издаёт хоть малейший звук. Как правило, это сапоги и штаны. Не обращайте внимания, что лесные травы покрыты инеем и на лужах поблескивает ледок. Такая охота требует жертв. Чтобы их было меньше, не забудьте то место, где разделитесь.

Продвигаясь кромкой поля, пересекая лесные пролески, вы должны двигаться так, чтобы ни в коей мере ни один сучок не треснул под ногой, а остатки вашей одежды не колыхнули наклонившиеся над полем

или тропинкой веточки. Зрение, слух, нюх должны быть напряжены до предела.

А вот и медведь.

Выстрел. Быстрая перебежка на безопасное место, взлезание на очень холодное дерево. Нервная лихорадка. Медленное слезание с мыслью: "Как это я забрался на такую высоту?" Подход к "медведю" и труднопередаваемая радость, что стреляли вы в прошлогоднюю копну соломы.

Возвращение к одежде. Как трудно при душевном напряжении и дрожи попасть в собственные штаны, наверное, лучше расскажут любовники, по воле рока застигнутые возвратившимися мужьями. Да, может, вы это испытывали сами и не буду задерживать внимание на описание столь душещипательной оказии. Быстрый переход к охотничьей избушке и увлекательный рассказ проспавшим товарищам о том, как вы, мучимые холодом, отважно подкрались к медведю, но... промахнулись.

Рюмка водки. Приступ радикулита. Палата №5 в неврологическом отделении.

Охота на медведя с собаками

Начинаю эту главу, а у самого перед глазами, словно в медленном старом кино, "вьюном вьются", "кипячком кипят", радуясь охотничьему полю, мои замечательные, мои любимые охотничьи собаки. Одни клички, что значат:

Джек, Мухтар, Мишка, Вьюга, Игрушка, Потеха, Белка. Да разве всех упомянешь.

И разве есть такие слова, способные оценить собачью преданность, мужество и мудрость в самом высоком значении их. Какими лесами несётесь вы, радуясь совпадению своих природных инстинктов с возможностью послужить человеку.

Какие реки переплываете, у каких костров лежите, свернувшись калачиком, даже во сне чутко улавливая звуки и запахи. Мне грустно без вас. Как много бы я не понял, не ощутил, просто не знал бы, если шёл охотничьей тропой, длиною в жизнь, без вас, моих четвероногих, верных друзей. Считаю, что столь объёмное лирическое отступление будет оправдано всеми читателями, коих, хоть однажды из своих секретных чувств, лизнул щенок.

Лайки, работающие по крупному зверю, несколько теряют сантимен-

тальность, но всегда отзывчивы на ласку. Иногда диву даёшься: только что перед тобой был свирепый зверь, способный разорвать дорожную шкуру на живом медведе, и вот уже он подходит к тебе, трётся о колени, ластится и преданно заглядывает в глаза. Но вернёмся к охоте.

Говорят, чтобы определить, будет ли лайка работать по медведю, надо натравить её на поросенка. Понятно, лучше на чужого и, конечно же, в отсутствие хозяев. Но как рассказать собаке, что поросёнок денег стоит и что всякие там захваты за промежность недопустимы, руководства по натаске умалчивают. Умалчивают они и о том, как собаке определить, что приближающаяся с рёвом женщина и есть чистокровная хозяйка неистово визжащего порося. Ещё в более печальном положении вы окажетесь, если наученная таким образом взматеревшая собака будет давить весь подильный ей домашний скот. Потому лучшим способом воспитания хорошей зверовой лайки всё-таки остаётся охота. Собака по поведению хозяина распознает, что ему нужно, и, если обладает изрядной долей смелости, легко усваивает новые виды охот. При этом вовсе не надо, увидев медвежий след, вставать на четвереньки, кататься по нему и тыкать в него носом порядком озабоченную вашим поведением собаку. Молодая собака примет это за игру и всего скорее облает вас. Более опытная отскочит и изобразит такое сожаление, которое в русском переводе звучит: "Вот, ещё один знакомый с ума сошёл".

Но вот лайка поняла задание и не упускает случая нарвать штаны всякому праздно шатающемуся медведю, и вы идёте на охоту. В представлении не охотника это выглядит так, как рассказывал мне славный мичман Балтийского флота и чудесный человек Николай Петрович. "У нас в деревне до войны охотник был. Много медведей убил. Собака у него, Шариком звали — здоровая, как теленок. Осенью медведи на овёс ходят. Вот тот охотник построит лабаз, затащит на него Шарика и ждёт. Медведь выходит, собака прыгает на него сверху и держит за правое ухо. Да-а. Ну, а тут уж хозяин поспекает с ножичком. Только под левую лапу бил. Поднимет повыше и хресь. Я так поросят во хлеве и сейчас бью. Всегда на смерть. Чего ты смеёшься? Да любого спроси, подтвердят".

Чтобы не обижать прошедшего войну, золотого русского мужика, двадцать семь лет отдавшего флоту и единолично построившему дом, натаскав предварительно лесу с реки на "крЫльцах", то бишь на плечах (в сельсовете не дали для этого лошади), я соглашался с Петровичем.

Но вам, дорогие мои читатели, не советую использовать его рассказ как руководство к действию. Шибко мудрёно. Да и как собаке заткнуть рот при подходе медведя?

Есть способы проще. Утром, когда ещё только особенно нервный, страдающий бессонницей петух раскроет клюв, вы, отмахиваясь от телячьей радости и восторгов собаки, уходите к овсяным полям или заранее выложенной приваде.

Иногда собака тут же прихватывает свежий след и уж через каких-то двадцать—тридцать минут "оседлает" зверя, и если тот вместо того, чтобы просто убежать (что он в состоянии сделать при любой злобности медвежатницы), начнёт с ней возиться, ваши шансы на удачу возрастут. Тем не менее разрешите мне просить вас о ненападении. Чего вам не хватает? У вас любимая жена или то и другое в двух исполнениях, у вас дети или ещё нет их и ещё не понятно, что делает вас счастливее: их отсутствие или их присутствие. Но при чём тут медведь, который ударом способен сломать позвоночник лосю? Или вам не хватает денег, или тёща достала? Да, поверьте мне на слово, это такие пустяки по сравнению с обиженным вами медведем. Поверьте, ритуал похорон так тяжёл и расходен, что лично я даже на своих предпочитал бы отсутствовать. Отступитесь! Ну потренировали собаку и хватит.

Тем более, что лекарства вздорожали, а среди хирургов всё чаще попадают вегетарианцы и защитники природы. Что касается выпить, то это не обязательно делать на медвежьей туше. Всё равно пойдёте? Что ж! Я предупреждал. Чего вызывать-то? Трактор или "скорую"? Сам придёшь? Дай-то Бог!

Иди-то хоть из подветра, да зубами не стучи. У медведя слух ого-го, не смотри, что уши маленькие. Прощай!

Охота на медведя у привады

Берёте корову, лучше опять же не свою, и создаёте такую ситуацию, при которой сытый осенью и вполне добродушный вегетарианец-медведь всё-таки задирает эту корову или она отбрасывает копыта по каким-то её коровьим соображениям. Затем, если сам он её не утащил в лес, тащите вы. Конструируете лабаз. Садитесь, а потом всё как при охоте на овсах. Есть новшество: многие охотники, чтобы облегчить свою участь, используя силу мощной техники, наклоняют вершину крепкого на слом дерева,

цепляют к ней тросом или веревкой бедное животное и рубят трос. Упругий ствол поднимает приваду на нужную высоту. К подвешенной таким образом жертве, медведь вынужден залезать, и бьют его, как утку, в сумерках на фоне всегда более светлого неба.

Вот, в принципе, некоторые особенности, если не считать, что специфический запах, как правило, перебивает запах французских духов. Да, чуть не забыл, если привада находится на земле, её надо привязать. Иначе, пользуясь темнотой, медведь запросто утащит её с таким же успехом, с каким ваша неутомная жена каждый день таскает, едва ли не превосходящие её по весу, покупки из дальнего магазина.

Охота на берлоге

На свете бывают чудеса. Но чаще они происходят в жизни неутомимых и вечно жаждущих этих чудес охотников. Не кусок мяса, не самоутверждение, а встреча с чем-то удивительным и невероятным заставляет охотника уходить в ночь при любой погоде, лишь бы с рассветом оказаться там, где рябчики по пуду, куницы исключительно голубые и зайцы, с испугу напоровшиеся на изгородь, выламывают по три прясла. В твёрдой уверенности, что такие местечки ещё есть, ищет их порой уж помятый судьбой человек, и поверьте, счастливее его никого на этом свете нет. Иногда не найдёт он того, что грезилось долгими зимними ночами, но счастье так и останется в его душе до последней минуточки жизни. А пока в кругу друзей он, с горящими от радости глазами, будет рассказывать о редких, но удивительных встречах с лесными обитателями. О их ловкости, силе и красоте. Ну приврёт маленько! Эка беда. Если кому не интересно, включай телевизор и внимай уже другой, более изошрённой лжи. Такая уж, видимо, твоя судьба. Зря потом винить Господа, что жизнь прошла мимо. Пока я рассказывал вам о сущности охотничьих устремлений, пришло известие, что в лесном квартале, в километре от жилья, возможно залёг медведь.

Вот оно чудо. Исползаны десятки километров сузёмов. Обследованы лога и рёлки. Прочёсаны истоки ручьёв и речек. А какой-то сшибатель чаги натывается на берлогу на расстоянии слышимости петушиного крика и собачьего лая. Второе чудо, если он не подшумел зверя и не выгнал его из собственного жилого фонда.

Я не великий спец по охоте на берлоге, потому, чтобы не вводить в за-

блуждение молодых охотников и не повторять того, что можно прочитать в любом охотничьем издании, послушаем тех, у кого, как говорится, "бывали рога в торгу". Эти храбрецы и самородки не любят шумных и часто бестолковых охот и только с возрастом или по приглашению участвуют в них.

Вот что рассказал мне профессиональный охотник Фёдор Макарович, с которым меня свела судьба уже в семидесятые годы.

— Лично мне дважды приходилось находить берлоги. Гораздо чаще делали это собаки и в то время, когда медведь ещё не улежался. В результате "рёв и стон"— собаки по медведю орут, как по незнакомому человеку. Сразу ясно. Чаще всего медведь не выдерживает их площадной брани и удирает. Но, если и остаётся, это ещё не значит, что он у тебя в кармане. Каким-то образом он учует твой подход и метнётся из берлоги именно в тот момент, когда ты не видишь "чело". Для выстрела остается времени не более, чем при стрельбе по вспорхнувшему рябчику.

— А чего же собаки? — спрашиваю.

— Собаки молодцы, но им держать зверя, всё равно, что лошадь танк давить.

Есть из нашего брата "архаровцы", доказывающие, что их собаки медведя держат. Не верь. Мне один такой о своём гончаке травил: "Выхожу утром на задворки, смотрю на той кромке поля заяц чешет. Нагло так, неспеша. Я кричу: "Шарик, заяц!" Он ко мне кинулся и говорит: "Где!" Во собака, а?" — Макарович смеется. — А медведь, кроме того, что сильный, ещё и умный, дьяволёнок. Меня и то объегорил. Наткнулся как-то на песчаный холмик и ни одного на нём листочка нет. А уж листопад заканчивался. Пошёл смотреть. Вижу, нора большая. Нагнулся, а косолапый там порядок наводит. Неловко мне стало. В стволе заячья дробь, в кармане тоже. Но не учуял меня. Так я его в хлопотах и оставил. Отошёл, затески ножичком сделал. Мол, по снежку навещу. А ещё до этого друзья уж шибко просились на медвежью охоту. Снег выпал. Зову, приехали. Аж тринадцать у нас стволов в суммовом выражении. Наверно, впрямь цифра несчастливая пала. Отступил от еловой подсады, где берлога была. Расставил всех в редком лесу. А сам за собакой сходил, подвёл поближе и спустил с поводка. Она сразу в берлогу ух и... вылезает оттуда. Посмотрела на меня с укоризной и унеслась по своим собачьим делам. Порядком патронов мы тогда сэкономили. Никто не обиделся на медведя. Он имел пол-

ное право оставить нас ни с чем. Да разве это мало встретиться с друзьями в лесу, слегка прикрытом легким одеяльцем первого настоящего снега. Медведя не было, но то, что каждый из нас пережил в короткие минуты его ожидания, уже обогатили душу новым, ранее не изведанным чувством.

Помню, когда сидели у костра, я им отцовскую байку рассказывал. Он тоже охотничал с детства. Ещё в молодости наткнулись они с товарищем на берлогу. Чего делать? Ружьё одно на двоих, из винтовки приспособленное. Рогатины уж тогда редкость были. Нашли вилы ломаные у недалёкого от того места зарода. Лишние рога поотломали и айда снова к берлоге. А как медведя выгнать, не знают. Стожар, правда, от зарода притащили, не поленились.

Вот один в челе орудует, а другой с ружьём наизготовку стоит. А медведь, видно, опытный был. Не вылезает, хоть реви. Матерится там. "Пождите, грит, черти. Дайте хоть сон до конца посмотреть. У меня уж всё намази. Уж медведицу на овсе встретил. А тут вас лешак принёс". И лапой, из берлоги высунутой, погрозил. Ребята-то и сомлели. Может, и впрямь у медведя предбрачный сон. Пусть досмотрит, а уж завтра мы его возьмём под "микитки".

На самом деле шибко им боязно было перед берлогой стоять. Сами и повод придумали, чтоб медведя в покое оставить. Убежали домой. Утром чуть свет снова к берлоге. А медведя и след простыл. На снегу только коряво так написано было: "Спасибо, робята". Поговаривали в деревнях, что в ту зиму шатун в лесу появился, но никого не трогал и при встрече с людьми почему-то низко им кланялся. Да и понятно: ребят-то он из берлоги не видел. Вот и считал за них всех проходящих. Ошибался, понятно.

Макарович тогда о чём-то задумался после этих слов, а потом продолжил: — Всю жизнь я охотничал, но чем старше, все жальчей и жальчей к зверю и птице становлюсь. По молодости-то хват был. А счастье охотничье как-то глубже сейчас ощущаю. С жадностью и выгодой оно у меня и рядом не стояло. Вспоминается только то, что трудом досталось и сноровкой. Рассветы и закаты охотничьи и сейчас в глазах. На войне и то их вспоминал и к ним стремился. Вот так-то вот.

На этом и я закончу свое повествование об охотах на берлогах. Рад буду, если найдёте в нём что-то для вас новое.

Рассказывать об охоте с рогатиной не буду. Причин две: первая — мои фантазии на эту тему могут ввести вас в заблуждение.

Во-вторых — я хочу видеть вас живыми. А производить сигареты и писать, что курение вредит вашему здоровью, считаю верхом издевательства и цинизма.

Охота на кабана

Прежде чем приступить к описанию столь печального события, как охота на кабана, я посчитал уместным именно в этой главе поблагодарить всех жён охотников за выдержку, понимание и "тёплый" прием к вернувшимся ни с чем мужьям. И вижу я, как несёте вы им, уставшим и несчастным, кофе в постель, улыбаетесь и нежно гладите пустую голову вашего избранника. И вовсе не рычите по поводу того, что "дел дома полно, а ты шляешься чёрт знает где и чёрт знает зачем. И уж вовсе не задаёте глупых вопросов: "Где, сколько и с кем пил?" От имени охотников низкий вам поклон.

Кто-то из великих (видимо, испытав на себе) изрёк: "Если одновременно принять на ночь слабительное со снотворным, то неожиданный эффект получается". Именно неожиданным эффектом и замечательна охота на кабана, которая в большинстве случаев непредсказуема, а потому увлекательна. Но некоторые особенности её всё-таки поддаются системе. Вот об этом наш разговор.

Завезённый в северные области страны кабан чувствует себя ничуть не лучше, чем узбек на Колыме. Тем не менее это случилось, и охота на кабана распространена даже там, где её раньше не было и в помине.

Кабан, как и все созданное природой, великолепен. Мощный корпус, сильные, не знающие усталости ноги, могучая шея и громадная голова с блестящими клыками делают зверя свирепым на вид. Жить бы кабану, не тужить, но эта, с позволения сказать, свинья имеет те же кулинарные пристрастия, что и человек. Зерно, картофель, фрукты, орехи, яйца и даже мясо, что уж вообще выходит за рамки приличия, съедаются кабанами без всякого согласования с нами. К тому же они портят луга. И этого достаточно, чтобы человек его, мягко говоря, недолюбливал. В отличие от кабаньего мяса, которым не прочь полакомиться не только начальные особы, но даже и нижние чины. Естественно, что это даёт людям индульгенцию на решение извечного вопроса — бить или не бить — в свою поль-

зу. Меркантильные соображения, даже под кислым соусом, защиты от кабанов птичьих кладок, посевов и лугов — от лукавого. Но мы поставили охоту и любовь в один ряд, и позволим себе надеяться, что она не будет иметь ничего общего с браком по расчёту или добыванию ради наживы. Да и кабан противник достойный. Конечно, если ты не спрятался от него за стенами утеплённой вышки.

В отличие от медведя этот зверь подвижен, менее привержен к одному месту, слабовато видит и чаще спорные вопросы решает не бегством, а рывком вперёд. Охотник на кабана должен быть похож на него: мощный корпус, сильные ноги, крепкая шея могут приблизить удачу. Аналитический ум, железные нервы и хотя бы временное вступление в общество трезвости дают дополнительные шансы на успех. Вид несущихся на вас визжащих и хрюкающих зверей даже у известных храбрецов может вызвать тоскливое, тошнотворное чувство страха. И не мудрено, так как даже чертей, в русских сказках, изображают в виде вертикально ходящих кабанов.

Но будем считать, что вы мужественный человек, и начнём снаряжение. Естественно, оно должно соответствовать виду охоты. Не буду отвлекать ваше внимание охотой с лабаза на посевах; она близка к медвежьей. Делом настоящего мужчины являются охоты на кабана, с собаками или без оных, обыкновенным троплением. Только на этих охотах вы можете раскрыть присущие вам качества. К тому же такие охоты не затратны, не требуют вышек, зерна, раскладушек и тулупов, значит, доступны всем слоям населения. Наоборот, чем меньше на вас одежды, тем легче вы преодолеете самые мерзопакостные места. Но не передовольте в этом. Да, один их из греческих мудрецов сказал, что "украшает женщину отсутствие у неё нарядов", но это, поверьте моему опыту, совсем не относится к особям мужского полу, тем более к охотникам.

Итак, охота на кабана требует всего хорошего: хороших товарищей, хороших собак и хорошего оружия. Не помешает хорошее знание местности и кабаньих троп.

Если кабаны залегли в предболотный "чапыжник" (переплетённая березняком и ивой подсада ельника), себе дешевле оставить этих зверей в покое. Другое дело, если их угораздило залечь где-то в кромке поля или в муравейнике под елью. Тут уж самое время начинать охоту на кабана с собакой или "загоном", когда собак заменяют люди задорные, прихватис-

тые, отчаянные, способные "очертя" голову броситься по кабаньему следу в любой лес и ничего не понимая, не видя и не слыша гнать кабанов на дрожащих от напряжения стрелков.

Порода охотников, способных вести загон, бесценна, её нужно размножать, задабривать лучшими кусками мяса и, помня, что они без бронежилета, никогда по ним не стрелять.

Жалея кабана несколько больше чем тех, кто покушается на его жизнь, я всё-таки вынужден обратить особое внимание на ружьё. Оно должно быть хорошо пристреляно, ибо кабан имеет только два "яблока", т.е. две точки смертельного поражения: одна за ухом, другая в сердце. Все остальные пули лишь калечат зверя, вызывая в нем чувство справедливой мести...

Не одевайтесь тепло, но запасное нательное белье может оказаться кстати. И не улыбайтесь! Вовсе не для того, о чём вы подумали. Лазая самыми непроходимыми дурными лесами, речками, штурмуя мокрый ельник, проваливаясь в торфяную кашу в кромках болот, вы при удаче (так и без оной) захотите переодеться в сухое, иначе ваши взгляды на судьбу и охоту будут горестны.

Ранним утром обходя жировки зверей, вы стараетесь найти след одиночки-секача. Именно этот зверь предпочитает не убегать от собаки, а активно обороняться. Нельзя предугадать всех вариантов, при которых вы увидите зверя, но это будет тем вероятнее, если один из вас будет наседать в чашу, а другой, обойдя её и остановившись в 10–15 метрах, спокойно выждет, когда у кабана не выдержат нервы и он выйдет в редколесье.

К несчастью для собаки и вас, бывает, что нервы не выдерживают у загонщика, и он, пролезая чашу на четвереньках, всё время пытается увидеть кабана и лично его убить.

Выстрел товарища в таком случае может оказаться удачнее выстрела врага, визг подстреленной собаки или страшный удар пули в вашу ногу будет тому подтверждением. Если же озверевший кабан бросится на стрелявшего, то в условиях еловой подсады нетерпеливому стрелку будет способен помочь только Господь Бог.

Охота без собак выглядит примерно так.

Собираются до десяти охотников, проинструктированных насквозь. Большая часть из них хорошо одета, меньшая – плохо. Хорошо одетая

часть встает на номера, плохо одетая гонит кабанов с мест днёвок. Стрелки и охотники определяются по жребию, а потому понятие того, что хорошо одетые люди — это обязательно начальники, ошибочно.

Надо сказать, что при охоте на любого крупного зверя, а особенно при охоте на кабана, требующей большой выносливости, согласованности в действиях, интуиции, ни в коем случае нельзя часто менять товарищей и ходить с незнакомыми, непроверенными людьми. Хорошо, если новичок, замёрзнув, уйдёт с номера пить чай и предпочтёт кусок копченого сала свежей кабанятине, и беда, если он будет топтаться и хлопать в ладоши, грызть сухари или сахар, что заставит метаться зверей по загону, изматывая загонщиков, и ещё большая беда, если он будет палить по всему живому в загоне или по линии стоящих стрелков.

Вынос тела в таком случае может произойти без объявления времени. При поиске раненого кабана не шатайтесь по лесу без подстраховки друзьями и уж, конечно, не жалейте времени на работающих по подранку собак.

Кабан не знает приёмов самообороны, но работы врачам от этого меньше не будет.

Никогда не расстраивайтесь сами и не корите друга, если зверь вас обгорил. Мысль о том, что вы не израсходовали на его кормление ни гроша, очень успокаивает.

А главное — жизнь продолжается. После усталости, тревог и напряжения вдруг совершенно по-другому оцениваешь её.

"Жизнь продолжается!" Именно этими словами начну я новую главу об охоте на лося, из которой вы узнаете, кто из крупных зверей наиболее опасен и почему при охоте на солонцах страдают пуговицы и жены.

Охота на лося

Жизнь продолжается.

Охота на лося отличается некоторой доступностью, учитывая достаточно большое количество этих животных и их сезонные миграции в определённые кормовые угодья. Природа всем наделила этого зверя щедро. Недаром силуэт его украшает гербы многих городов, а художественных изображений лося не счесть.

Но вернёмся к охоте на лося. Не тешьте себя надеждой на скорый трофей. За годы охоты лоси тоже набираются мудрости, производя на свет

потомков от умело выживших особей, сумевших обойти все ухищрения охотников.

Не пренебрегайте безопасностью. Очень милый на вид зверь не имеет преград и страшен в нападении. Кстати, автор этих строк четырежды подвергался агрессивности лосей и лишь один раз нападению раненого кабана и ни разу — медведя.

Для грибников и ягодников посоветую: никогда не приближайтесь к лосятам, как бы беспомощно и заманчиво они не выглядели. Молодой зверь не всегда боится человека, а мама хоть и боится, но не настолько, чтобы подвергать своего малыша опасности.

...Но вот и осень. И если у вас лицензия в кармане — ваш час настал. Охота на реву, солонцах, загоном, с собакой — всё это для вас.

Считается интересной охота на солонцах. Вот как о ней рассказывает дядя Коля, весёлый, умный, азартный и бесшабашный охотник:

— Я не знаю, сколько естественных солонцов в районе, но молодому охотнику лучше и не искать их, а сделать самому, повалив осину, выдолбив в ней корыто и заполнив его высшим сортом йодированной соли, можно обойтись и каменной. Когда выяснится, что лоси ходят на солонец, делаешь засидку вроде лабаза, садишься в неё и ждёшь. Лось опасен в нападении, а потому делай засидку на толстых деревьях и повыше. Я иногда рубил избушку, крытую. Принесу туда печку, кровать, запасая воду, дрова, лекарства, рыбу сушеную, вяленую, ящик тушенки, рис, макароны. Сначала лоси будут бояться, но ты, имея всё необходимое, легко переживёшь несколько суток. Только перед уходом на засидку переругайся с женой и соседями, тогда тоска от одиночества не столь быстро возьмётся за тебя. Первое время веди себя "чинно, благородно". Лоси на это очень отзывчивы, к тому же быстро привыкают и собираются такими стадами, аж не верится, что перед тобой не колхозные коровы, сбежавшие от пьяного пастуха, а совершенно дикие звери. Остальное, как говорится, "дело здраотдела"; выбираешь зверя покрупнее, обмериваешь и, если тянет пудов сорок, изымаешь из стада.

Но не всегда есть время избушки строить. Тогда уж другая охота. Раньше ружья пятерку стоили, ну те, что у браконьеров отнимали. Вот накоплю я их дюжину. Ружье 16-го калибра, два заряда пороху, пуля 12-го калибра. Только лежать надо стрелять, а то позвоночник лопнуть может. Ложишься, значит, с подветренной стороны, ждёшь. Вот идет лось. При

нормальном ружье и заряде никак не взять. Далеко. А из этой пятерошной артиллерии насмерть, если, конечно, попадёшь. Одно неудовольствие: метров шесть тебя юзом на животе взад тащит. Встанешь, как шальной. Небо шатается, ёлки шатаются. Ты хоть не повторяй. Молодой ещё, бабам ещё пригодиться. Я – другой коленкор: "Юности умчался срок – тихо сыплется песок".

Да и жена ругается, не успеваешь пуговицы пришивать. А я ей: "Пришей покрепче и покрупнее, они для меня как тормоз, при движении задом по пересечённой местности".

Ты – лучше загоном. Лоси из сузёмов осенью на ивняки идут и примерно до двадцать второго декабря одними тропами – переходами. Если по следу определишь, куда они ушли, остальное, при хороших товарищах, сущий пустяк. Главная особенность – нельзя брать на охоту ребят горячих, как молодая гончая, нетерпеливых, как молодой муж, и злых, как недоспавшая теща.

Если уж такой попал, сади на цепь или привязывай в машине. Отпускай только тогда, когда остальные уже стоят на "номерах". Я один раз проворонил такого. Он ещё с машины увидел след, и не успел я сказать ни слова, как унесся в ивняки и вышарил оттуда всё живое, прежде чем мы успели стать на номера. Вернулся уж ночью. Едва через порог перелез и уснул. Утром выяснили, он выгнал лосей аж с тринадцати километров пойменных ивняков. Охотиться было не за кем. "Да ты знаешь этого зверогонна," – улыбнувшись, завершил дядюшка.

Удел нетерпеливого человека – ходовая охота. Злой по натуре человек охоту сделает канителью, ибо при неудаче так вцепится в виновного, что всё остальное время вы только и будете тем заниматься, что успокаивать его.

Охота же, тем более коллективная, должна быть праздником души. Приехали на место. Расставляешь стрелков, проинструктировав их, что нельзя им пить, курить, разговаривать, вертеть головой, чесать затылок, болтаться с одного места на другое, уходить спать в машину или деревню, хрупать калачами, сухарями или сахаром, стрелять на шорох и т.д.

Если для кого-то из стрелков это будет казаться ущемлением его прав, будьте спокойны: именно через него невредимым пройдёт лось, ибо реакция на дураков у зверей боксёрская.

Но вот вы уходите в загон, стараясь обойти зверя с противоположной

стороны и, перелезая из лога в лог, проваливаясь в озёрных пропаринах, царапая лицо замерзшими ветками и оттого нещадно ругаясь, двигаетесь к предполагаемым кормёжкам лосей.

Лось — зверь благородный и, когда до его слуха доносится ругань, предпочитает уходить под пули, и, если стрелки не ушли в машину есть сало под водку, не прыгают "зайчиком", пытаясь согреться, не курят, вы очень даже можете заполучить шикарный трофей. И праздник состоится.

Для охоты с собакой вам нужны собака и лось. Найти последнего можно в кромках болот, заросших ивняком полей и лугов, иногда на черничниках. Бывает, лоси выходят на озимые и на отросшую клеверную отаву. Требование к собаке — сила, выносливость, хороший голос, умеренная злобность. А главное — умение понимать, что зверь уходит уже за пределы человеческих возможностей, и возвращаться к охотнику. Это качество легко воспитать, если не пытаться в течение всего светлого времени бегать за лосем. Не надо также требовать от собаки, чтобы она гнала лося именно на охотника. Это распространенное хвастовство рассказчиков, доказывающих, что его собака именно так поступает.

Есть великолепная охота на гону, когда лоси-самцы, негодуя беспечным отсутствием самок, возмущённо, грозно ревут и даже дерутся, подтверждая теорию естественного отбора. К сожалению, я не настолько в ней просвещён, чтобы давать какие-то рекомендации и плавно перехожу на описание волчьих охот.

Охота на волков

Итак, волк. К великому множеству пословиц, басен и поговорок мне остаётся добавить лишь одну: "Умнее волка зверя нет". И только человек, в праведном гневе, за разорванную прямо в конуре собаку или без всякого ведома и без оплаты зарезанного и съеденного волками телёнка, может создать такие условия, когда "разбойники" сами почувствуют себя добычей. Как правило, им это страсть как не нравится. Но уж тут, как говорится, по заслугам и платёж. Есть удивительные и отрадные охотничьему сердцу способы соревнования между человеком и волком. Кто, как очарованный странник, не перечитывал вечно живые страницы Толстого или Дринянского, посвящённые псовой русской охоте. Жаль, что она не сохранилась до наших дней, но это позволяет мне не останавливаться на описании этих охот. Зато мне приходилось не толь-

ко слышать хоровое выступление не менее полутора десятков волков, но вызывать их на кромки полей и даже считать. Кстати, убить волка из ружья удавалось крайне редко. Скорее, это происходило по случаю, а не в результате спецохот. Тем не менее моего опыта охоты на вабу вполне достаточно для того, чтобы я мог её описать. Иногда волки, особенно молодые, откликаются уже в конце июля. Чтобы у вас получилось вабить, надо впасть в такое состояние безысходности и вселенской тоски, при котором вой — единственно возможное средство его выразить. Безответная любовь, несправедливый выговор начальства, ссора с близким родственником создают к этому хорошие предпосылки. Остальное до смешного просто: выходишь на заросшую, лучше не соединённую с лесом межу, садишься или ложишься поудобнее и, вспоминая обидевших тебя людей, начинаешь сначала легонько поскуливать, постепенно переходя на угрожающее "у", плавно переводя этот звук в "о", затем в "а", заканчивая тоскливым, выматывающим душу "и". Таким образом вы добиваетесь у слышащих вас волков сложной гаммы чувств, выразить которые в солидарности с вами они могут только ответным воем. Да их нетрудно понять. Волчья жизнь не сахар. Не приведи Господи, заболеть или рана какая, свои же и съедят за милую душу. Или падаль жрать, какое уж удовольствие, или опять же лось копытом мозги выбьет. Одним словом, хреновая, если не сказать хуже, жизнь. Невольно взвоешь. И конечно, не выдержав сердечной тоски вашего воя, волки обязательно выйдут посмотреть, кому ещё худо живется на Руси. Не надо бы им это делать. Коварны чувства сострадания и любопытства, да иногда и товарищества. Вот в принципе и вся охота.

Неплохо зафлажить стаю волков, если, конечно, найдутся добровольцы таскать по лесу тяжелые катушки с флажками. Правда, последнее время волки "насобачились" перепрыгивать флажки при малейшей опасности, тем не менее этот вид охоты может быть и спортивен, и добычлив. Существующие инструкции по охоте с флажками избавляют меня от необходимости подробного описания этих охот. Остаётся лишь добавить, что некоторые виды столь интересного занятия, такие, например, как охота на конных санях с живым поросёнком, вышли из моды после описания её М.М. Пришвиным, где он со всеми тонкостями рассказывает о чувствах охотника, оказавшегося в клетке вместо поросёнка среди стаи волков. С лошадьми тоже проблема. Да и непомерно дороги

ныне поросята. Можно ещё караулить волков у привады. Тоскливое, надо сказать, занятие. Хотя есть ещё в обнищавших народом деревнях герои, искренне любящие именно такую охоту. Бог им в помощь. Небольшой совет: никогда, на близком расстоянии встретив волка, не пытайтесь смотреть в его карие глаза. В них столько ума и какой-то завораживающей силы, что на какое-то время вы потеряете самообладание.

Завершая неполное руководство по охоте на крупного зверя, я предлагаю всем молодым и опытным охотникам объединиться в святом деле охраны животных, которые живут вместе с нами, любят, болеют, боятся и радуются. И пусть желание сохранить будет тоже праздником души. Я считаю, что без заботы о природе, без бережного отношения к её дарам мы обворовываем не только себя, но и грядущее поколение.

Тысячи пернатых гостей прилетают с далёкого юга. Тысячи маленьких и больших зверушек выводят малышню и очень боятся за их будущее. Только мы – их самые жестокие враги и самые всесильные друзья. Давайте помнить об этом всегда! Праздник нашей души не должен омрачаться жадностью и безмозглым уничтожением животных.

АЛЛЕРГИЯ

– Человека губит невежество и желание всё попробовать и знать, – начал свой рассказ мой попутчик по купе поезда Москва – Воркута. – Я, естественно, не исключение и так как уважаю пиво, то всегда пробую разные сорта.

И вот недавно попробовал. Чувствую, губы пухнут, лицо изводит жар. Кое-как доездили до медпункта. Шагнул одной ногой на медпункт, другой – в царствие небесное. В царствие была очередь, на медпункте – никакой. И молоденькая девчонка посредством уколов в интимное место вернула меня обратно на белый свет.

– Я её понимаю, для неё высокий показатель смертности не хухры-мухры. В общем, когда от последнего укола стало больно, понял: жив. Заплакал даже. Жизнь называется: с водки аритмия, с пива – аллергия, с воды – диспепсия, от женщин, как подумаешь, вообще праздничный набор со смертельным исходом. Ну и как, скажи мне, с таким раскладом жить?

Собеседник при этом придвинулся ко мне и старательно заглядывал мне в глаза, склонив набок голову.

– Всё бы ничего, но доверия ни к кому не стало. Из медпункта пошел к другу, надо же кому-то пожаловаться, да и отметить событие второго пришествия. Хотел было бутылку купить, а боюсь. Вдруг опять политура вместо национального напитка окажется. О пиве уж и думать не могу. От магазинов отворачиваюсь. А тут буквально напротив вывеска "Суд"! Ну прямо из огня – да в полымя. Волосы дыбом, голова сама спряталась в плечи. Прокрадываюсь. Слава тебе, Господи, не пригласили. Рано, наверно, ещё. Запутались. Да и не мудрено, когда воруют даже те, кому ловить воров надо.

Сменил направление, иду, ни к кому не пристаю, но ты понимаешь, закон подлости, квартала не дошёл – "Милиция". Органы, значит, внутреннее. Махнул рукой, эти всё равно прищучат, "полтинник" заранее в паспорт положил и иду. Обречённо так. Смотрю, выходят двое. Ну вот и нагулялся. Но надо же, не за мной. Поздоровались даже. Заморозит, наверно, несмотря на июнь месяц. А может, начальник сменился...

Повернул обратно на Набережную. Иду, рекой любуюсь. Расслабился даже. Повернул в переулок. И как обухом по голове – "Прокуратура".

Так-то я человек хороший, особенно после обеда. В основном желудок работает, голова и другие органы, на преступление способные, отдыхают. Но чёрт его знает, может, уж давно дело заведено. Может, всероссийский розыск, пока я по царствиям небесным шастал, решил переулком не ходить...

Военкомата несколько не испугался. Поздно уже. Я только дорожки в военном городке подсыпать и сгложусь. Юности промчался срок, тихо сыплется песок. Но вспомнил об армейском недоборе и повернул назад.

Бог не выдаст, свинья не съест.

А юность вспомнил. Какими мы были? Когда на параде в городке Н. наш батальон развернулся в марше и сотни солдатских сапог впечатались в весенний асфальт, как единое целое, в магазине "Ленинградский" лопнули витринные стекла, а с балконов углового здания, как переспевшие яблоки, попадали на площадь девчонки и молодые женщины. Ходили слухи, что на вновь построенном здании в этом же квартале рухнули и сами балконы.

Но понимаешь, закон подлости. Налоговая инспекция. А у меня кой-какие доходишки, скрытые. Рубля три.

Мыслю. Как к другу пройти?

Там ГАИ, тут СЭС, технадзор, налоговая полиция, всё вроде бы мне помогать должны, защищать, а получается, я всем должен, и все пальцем грозят. В то же время шпана всякая, взяточники, сутенёры, жулики живут себе и в ус не дуют. Худо мне стало от таких мыслей. На счастье, аптека рядом оказалась. Выпил две таблетки супрастина и понял, что до друга не дойти. Опасно.

Рассказы

КАЧЕЛИ

Летний вечер. Над речкой, едва прикрытой шелковой поволокой тумана, негромко рассказывает гармошка о печалях неразделённой любви. Взвизгивают вязками могучие деревянные качели. Страшно садиться на закреплённую верёвками доску. Но так хочется взлететь над землей и, подобно птице, приблизиться к кудрявым, таинственным облакам. С шутками раскачивают батогами парни смельчаков, и те уносятся ввысь, да так, что даже у стоящих на земле захолонет от испуга сердце. Девки зажмурятся и визжат то ли от восторга, то ли от страха. Парни просят наподдать, но куда уж выше. Не дай Бог, что-то сорвётся — улетишь в пропасть на холодные речные камни. Подумать страшно. Но вот и остановились качели.

Сойдёт смельчак на землю и с ликованием в сердце будет рассказывать, как удивительны и красивы с высоты знакомые поля и леса. И, ей-Богу, там, наверху, вечерние звёзды ярче. Радостно чистой мальчишеской душе. Да и как не радоваться — целая жизнь впереди.

Не охота покидать угор, но пора. Завтра сенокос. Нельзя, не спавши-то, на работе. Разморит на жаре. А мужик на зароде, как сыч: сено складывает, а всё вокруг видит; огреет матюком, да и навильник сена, комом поданный, назад сбросит.

Расходится молодёжь. Первыми покидают угор парочки. А затем тают в летних синих сумерках напористо щебечущие стайки парней и девчат.

Жалостно скрипнув, словно прощаясь, остановятся качели. Всё кончается в этом мире. По-разному, но кончается.

Только об этом ли думать, если тебе семнадцать лет, белая рубашка и именно с тобой идёт самая красивая девушка на свете.

Огромный, одетый не по погоде в поношенное демисезонное пальто и обутый в выдавшие виды стоптанные керзачи, мужик сидел на скамейке возле совхозной деревянной конторы и кого-то ждал. Страшный шрам, разорвавший правую бровь, над голубыми, как апрельское небо, глазами

и окладистая седеющая борода делали лицо незнакомца свирепым настолько, что идущий рядом с молодой мамой ребёнок, увидев его, заплакал и сунулся в спасительную юбку. Женщина подхватила малыша на руки и ускорила шаг. Мужик опустил голову на большие жилистые ладони и выбежавшим из конторы бухгалтерам показалось, что он спит.

Ну, спит и спит. У каждой из них скота полон двор. А обед всего-то час. Потому "усвистали", не останавливаясь. И только одна, попозже других вышедшая женщина наклонилась перед приезжим и окликнула:

– Эй! Спишь, что ли? Невесту проспишь. К директору никак? А у него сегодня начальство. Долго учить будут, как в дожди сено заготавливать. Откуда прибыл-то?

Приезжий поднял голову. Перед ним, чуть наклонясь, стояла женщина в беленьком простеньком платочке, из-под которого выбивалась непослушная прядь русых волос. Чешские сапоги-чулки, коричневая кремпленовая юбка и легкая светлая куртка. Всё, как у всех. Только пронзительный взгляд карих глаз требовал честного ответа.

– А не страшно будет? – Всё-таки хотел отмахнуться приезжий.

– Пуганые мы здесь. Говори уж. Ты ведь к нам на работу?

– С севера я. По освобождению. Пятнадцать лет от звонка до звонка. Справка есть.

Отчего без особой на то причины он разоткровенничался с деревенской незнакомой женщиной, Степан так и не мог понять.

– Значит, с севера. К нам с юга не приезжают. Голодный, поди? Пойдём, хоть покормлю.

Отметила, как при последнем её слове взметнулся кадык на жилистой шее мужика. Развернулась и пошла по растерзанной тракторами улице. Оглянулась и, убедившись, что приезжий идёт, показала рукой на устало шагающего высокого, черноволосого мужчину и как давно знакомому объяснила:

– Вон и муж мой на обед идёт. Ещё в пять утра по лугам уехал. Небось, "набило ляху-то" в седле, с непривычки. Погода – чистый сеногной. Через день дожди. Дороги развезло. Только на лошади и проедешь. Звать-то как?

– Степан, – ответил приезжий, перепрыгивая тракторную колею.

– Меня Анной звать. Мужа Константином.

К дому подошли втроём. Константин первым протянул руку. Уже в до-

ме, собирая на стол, Анна рассказывала мужу, почему позвала Степана обедать.

– Вижу незнакомый сидит, неухоженный. Поняла, что "бич". Поспросила. Чую, есть в нём что-то особенное. Сколько этой братии через нас прошло!

У всех одна песня. Сиротское детство. Худая компания. Шесть рублей вытащил у кого-то в автобусе. Поймали. Суд несправедливый. Все сволочи. Ну и загремел. А этот мудрить не стал. Пятнадцать лет, говорит. Освободился. Справка есть. И в голосе, Костя, в голосе блатной бравады – нет. Поверила. Наверняка, думаю, голодный. Резнуло что-то в сердце; вдруг наш Валерка тоже вот так бедствует... – И, обращаясь к Степану. – Сын у нас непутёвый какой-то. Всё странствует. Ищет какую-то необыкновенную жизнь. Едва и свою не потерял – год назад подрезали в поезде. Незнакомые люди спасли. На первой же станции вызвали "скорую" и сами вместе с ним в больницу поехали. Настояли на операции. Кровь свою отдали. Врач, его оперировавший, рассказал. Парочка, крик, молодые совсем, а настырные. Вот и суди о людях по возрасту. Как, Костя, город-то зовут? Куда я к Валерке ездила? Да, да, Барнаул. С тех пор мимо чужой беды пройти не могу. Нехорошо бы от тех ребят было. Добро ведь тоже людей связывает, правда?

Анна замолчала, словно ожидая ответа. Мужики увидели, как хочется ей, чтобы слова её подтвердились. И ответили враз: "Конечно, связывает".

Анна улыбнулась и ушла на кухню.

Выпили по рюмке водки, пообедали и вышли на веранду покурить.

Константин, подавая Степану пачку сигарет, спросил:

– Анна сказала, что у тебя за спиной пятнадцать лет зоны? Столько за убийство дают.

– Так за убийство и дали, – ответил Степан торопливо, словно боясь, что Константин его опередит.

– Ну тогда уж рассказывай всё без утайки. Ты ведь к нам на работу хочешь устроиться? А я, понимаешь, здесь секретарём парткома. И уж как-то так повелось, что за кадры партком отвечает. Потому давай, как на духу. Наш участковый за двадцать верст живёт и приезжает чаще всего уже к готовому трупу. С живыми мы с директором воюем. Свои мужики с поллучки только смелые. Погеройствуют вечер, а утром чуть свет уж под окном стоят: "Извините мол, нас, дураков". Нет, не боятся. Чего бояться-то:

дальше этого не сошлют. С "гастролёрами" сложнее. Недавно один "артист" магазин ограбил. Записочку написал: "Директор не дал пять рублей авансу. Ограблю магазин". И ограбил. Ловили потом всем миром. Поймали уж в другой области. Бывало, трактора да машины угоняли.

Так что лучше бы ты всё рассказал.

— Да, мне и таить-то нечего. Главное уже знаете. Родился под Ярославлем. Там же кончил десятилетку. Женился. Мамка невесту из заречной деревни подобрала. После свадьбы привёл жену к матери в дом, говорю: "Мама, тебе хотелось, чтобы я на Гале женился. Я и женился. Вот она. Живите сейчас вместе, а я в Ленинград в военное училище поеду поступать". Утром и уехал. Плакали бабы. Горько, взаправду, плакали. Потом, когда шальной кобылой жизнь задом развернулась, вспоминал я эти слезы. А тогда?! Молодой был, здоровый. Ветер свободы и приключений ноздрями чувствовал. Что там бабы слёзы? "Молодость дана, чтоб не теряться, старость об упущенном жалеть". Не терялся. Но училище закончил. Служил взводным в Таджикистане. Хотел в академию поступать, да направили в Афганистан. Всего насмотрелся от вершин Гиндукуша до высокогорий над Гульханской щедрой долиной, где в тяжёлом даже по афганским меркам бою спас от гибели генерала и получил афганскую же пулю в ногу. Правда, и боевой орден тоже получил, а генерал подарил мне свой именной "ТТ". Забыли мы тогда на радостях, что ножи и оружие не принято дарить. Берёг я тот "ТТ" и хоть с трудом, но провез его, когда в группу наших войск в Германии был переведён. Это уже после окончания Рязанской академии в восемьдесят шестом году. Направили в Фюрстенберг. Командиром дшб, десантно-штурмового батальона. Самым молодым в войсках оказался. Стремительно взлетала качель моей жизни. Высоко. Голова, видимо, закружилась. Многих друзей потерял через это. Армейская служба не тяготила. Я солдат любил. Они чувствовали. И никогда не подводили. Фюрстенберг — страшное место. Женский концлагерь во время войны. Газовые камеры. Крематорий. Говорили, что озеро, находящееся рядом, иногда покрывало слоем крематорного пепла. Девяносто три тысячи сожгли. Женщин! У нормального человека волосы дыбом встают... Когда я приехал, лагерная красного кирпича стена да скорбные памятники мученицам напоминали о недавнем варварстве. А так городок типично немецкий, аккуратные двухэтажные домики. Андулином крытые. Всё ухожено. В озере всякой водоплавающей птицы летом и зимой

кишит. Весной от цветущих фруктовых деревьев голова кружится. Но что-то часто стал о матери и Гале вспоминать. И на свой отъезд, по молодости, уже по-другому смотрел. Письма написал, прощения просил. Всё бы хорошо, а на душе муторно. Выпивать чаще стал. И хоть там строго, с женщинами умудрялся встречаться. На офицерской вечеринке по случаю Первого мая подошёл ко мне комдив и говорит:

— Хороший ты, Стёпа, мужик, но побереги себя. Рюмашки да бабьи ляжки до добра не доведут. Как в воду смотрел. Девятого мая недалеко от наших казарм встретил я милovidную, аккуратную немочку. Вылитая Ирина Алфёрова. Рядом поставь, не отличишь. Главное — глаза, как живые звёзды. Такими глазами мёртвого поднять можно. Но и убить за них, как потом оказалось, тоже. А тогда... поблагодарил я мысленно школьную учительницу за то, что после уроков меня оставляла, но добила, что по-немецки стал я не хуже её понимать и разговаривать. И рванул на приступ. Мол, отцы наши целую Германию победили, так неужели я с одной немкой не справлюсь. Словом, познакомился я с Эльзой, и хоть была она замужем, такая любовь вскипела, что не было минуты, когда бы мы друг о друге не думали и не стремились к встрече. Со мной всё ясно. Я и раньше при этом деле на ходу подмётки рвал. Но и она, смотрю, головушку потеряла. Словно заколдовали нас. Во снах друг к другу приходили. Только не всегда те сны радостными были. А однажды вообще страшное привиделось: будто мы с Эльзой в России. Раскачались на деревянной качели, стоящей у самого речного обрыва. И вдруг, срываются её руки с гладких жердей, и падает она, а я и помочь ничем не могу. Только бы в воду, думаю, а не на камни упала. И сам вслед за ней прыгнул. Упали мы в воду. Она ко мне руки тянет, а я от неё ухожу. Будто и не она это. Проснулся весь в холодном поту. Кой-как до восьми часов дождался. Позвонил ей.

Сказала, что все "карашо", а голос грустный-грустный. Оказывается, кто-то из дружков её мужа намекнул, чтобы тот за женой присматривал. Мол, такая красота и не хочешь, да с ума сведёт. А муж ревнивым оказался, и зацепило его. Хватанул в гаштете русскую дозу шнапса и давай дома разборки устраивать.

Ушла она к подруге ночевать.

С тех пор подозрительным стал. Звонил часто. То возвращался раньше времени.

Я, когда узнал об этом, едва новую войну не открыл.

Эльза не разрешила. Но совсем хреново стало. Я ведь уж без неё и жить-то не мог.

У нас от всех болезней одно лекарство. Выпью, на какое-то время полегчает, а потом совсем невмоготу становится. Увижу её – и радость из меня, как ключ, от камней и ила очищенный, бьёт. Стремись же хорошее делать. Чтоб не только я, но и все вокруг счастливее стали. В казарму приду – солдат целовать хочется. Хохотали, черти. В гарнизоне трудно чего-либо утаить. Но друзей у меня всё ещё больше, чем врагов, было.

Однажды вечером приходят в квартиру трое. Два офицера-товарища по службе и незнакомый пожилой прапор. А я тоску шнапсом заливаю. Шутка ли, три дня с Эльзой не виделись. Понимал ведь я тогда, что ничего хорошего из нашей любви получиться не может. Слышал, как пойманным воробушком бьётся в женской груди маленькое любящее сердечко. Знал, что при моих обстоятельствах вряд ли смогу его защитить. Понимала и она, что обречена на осуждение, на грязные слова и издевательства. Плакала. Но положила на вторую чашу весов свою любовь и перевесила та чаша страх греха и геенну осуждения. Вот и суди тут.

Друзья говорят:

– Лекаря тебе привели. Восточную медицину знает. Должен помочь.

Послал бы их, да старика постеснялся. А тот сел рядом со мной на кровать и так пристально взглянул, что мне неловко стало. Как будто насквозь его взгляд меня прошил.

Одному из друзей моих скомандовал, чтобы блюдце чайное на стол поставил.

Подсели мы с прапорщиком к столу. Он говорит: "Смотри на блюдце внимательно". Смотрю и вроде бы трезвею, а на блюдце сначала капельки появились, а потом и струйки на доньшко того блюда с кромок побежали. Протрезвел я совсем, когда блюдечко наполовину наполнилось прозрачной водичкой.

– Слезы это твои, мужик. Крутенько с тобой обошлись. Ты с этой немочкой красное вино из початой бутылки, случайно, не пил? – спрашивает.

А я помню? Пил, наверное? У немцев, не у нас. Бутылку до дна редко допивают. Неделями другой раз к одной прикладываются.

– Отравила она тебя. Красками опоила. Поди вот, немка, а женское славянское зелье знает...

Я глаза тарашу. Не верю, конечно. Старичок затылок чешет.

— Худо, — говорит, — сегодня мне не помочь. Тут траву нашу рассейскую надо. Есть у меня немного сушеной. Терпи. Завтра вечером принесу. Только, ради Бога, не пей. И к ней не ходи. Нехорошо у меня что-то на душе.

А я возьми и спроси:

— Прапорщик, объясни ты мне, отчего такая напасть именно со мной-то случилась? Я ведь впрямь жить без неё не могу. И больно, словно танком меня уютжат. Раньше такого не бывало?

— Это не мука, а вперёд наука. Нельзя перед жизнью себя вечным полковником мнить. Отчего у тебя болезнь, я сказал. А вот почему именно тебя корежит, попытайся понять. Хочешь, притчу расскажу?

— Лежало полено в поленнице, лежало, полёживало. Но однажды показалось ему, что тесновато. Давят отовсюду, распрямиться не дают. И стало оно наверх выбираться. Сотоварищей своих распахало. Те попищали малость, да успокоились. Выбралось полешко и от свободы обалдело. Над другими посмеивается: "Вы тут бока пролёживаете, а ведь есть другая, свободная жизнь. Гуляй, не хочу". Вот.

— Ты бы какое полено в первую очередь из поленницы взял? Правильно, верхнее. Утром пришел хозяин и, конечно же, в первую очередь взял то полено, которое другими не придавлено. Унёс, сложил в печку и поджёл. Лежит полено и горько думает: "Осторожней надо было со свободой-то. Кто знал, что плата за неё столь высока. Сгорю вот сейчас". Подумай, — говорит мне прапорщик, — над притчей. А сегодня, чтоб никуда! Понял?! Чую, смертное дело получиться может. А похороны, друг мой, столь тоскливое дело, что даже на своих я бы предпочитал отсутствовать как можно дольше.

Только ушли, Эльза звонит: "Приходи. Мужа не будет два дня". И "пропал казак". Вся медицина восточная побоку. Хватанул я оставшуюся рюмку, пистолет в грудной карман сунул, и вперед.

— Подожди, — перебил Константин, — позвоню. Узнаю, где директор.

Он ушёл в переднюю комнату и вернулся минуты через две:

— Не будет сегодня директора. Уехал по бригадам на катере. Это, всего скорей, до утра. Пошли в дом. Анна сейчас уйдёт, там и поговорим.

— Да нет, нехорошо как-то. Пойду я. Спасибо. Честно говоря, трое суток не ел. То и от водки быстро развезло. Разоткровенничался.

– Ну и правильно. Перед партией, которую я тут представляю, и надо как на исповеди. – Константин явно язвил в свой адрес, и это Степану было по душе.

"Не зазнаистый и не трус этот парторг. Другой бы и слушать не стал, не то, что кормить незнакомого человека", – думал про себя.

Уходить не хотелось. Да и куда уходить?

И вдруг Степан со всей отчётливостью понял, что в этой жизни у него никого нет. Телеграмму от Гали о смерти матери получил ещё в следственном изоляторе. Позже, но ещё в Германии получил и подробное Галино письмо. Она писала, как ждала его мать. Как, уже прикованная болезнью к кровати, посылала её встречать Стёпку, едва чья-то тень мелькнет за окном. Написала Галя и о том, что живёт не одна. Нить, связывающая его с прошлым, оборвалась. И от этого было больно. Особенно сейчас, когда открылась перед ним простая и понятная чужая жизнь.

Степан взглянул в открытое окно, в бездонное, голубое небо, на синеватый до далёкого горизонта лес, и ему вдруг стало страшно от чувства собственной ненужности во всём этом великолепном, огромном мире.

Парторг понял его состояние.

– Давай плеснём на каменку. О работе не сомневайся, решим. Поживёшь пока в общаге с шефами, а там видно будет. С пастухами у нас беда. Хоть сам другой раз иди. Пойдёшь пастухом? Там заработок повыше.

– Пойду. Деньги для меня не последнее дело. Слушай, я всё тебя по имени да по имени. А по отчеству как величать? – спросил Степан, отодвинув выпитую рюмку.

– Сергеевич, – отозвалась вместо мужа собирающаяся уходить Анна.

Через минуту её белый горошком платочек уже мелькал на деревенской улице.

– Боевая она у меня и на людей шибко чувствительная. Друг был. Со школьной скамьи вместе. Жили душа в душу. А она мне твердит: "Осторожней с ним, Костя. Подведёт". И что ты думаешь? Как в иглу вдела. Когда узнали про Валеркину беду, Анна сразу решила ехать. И надо же такому случиться, что денег нет. Хоть шаром покати. Валерке же и отдали, когда поехал. Я к директору, в кассу, в магазин. Нет ни у кого. Сумма-то нужна порядочная. К другу; он только что хвастался, что заезжим москвичам на тысячу рублей мёду продал.

А он и заюлил. На машину, мол, коплю. На книжке уже. Снимать да

снова потом ложить. Проценты потеряю. Я всё понял. "Все други, все товарищи до чёрного лишь дня". Плюнул. Выматерился и позвонил знакомому в Лузу. Не надеялся. Знакомство-то было шапошное. У него машина в дороге забуксовала. Мы сзади ехали и, конечно, помогли. Есть же такие мужики? Говорит, вот тебе мой адрес и телефон и, если прижмёт, найди меня. Полцарства не обещаю, потому как у самого нет, но выручу обязательно. Назавтра я получил деньги. Ни расписки взамен, никакой другой бумажки не попросил тот лузяк. Но и я в школе хорошо учился и намертво запомнил аксиому: "Через две точки можно провести прямую и притом только одну". В переводе на нынешний язык это означает, что крутиться, вертеться можно по-всякому, а если жить надеешься, то живи по совести. Как появились деньги, увёз в Лузу. Как видишь, Анна у меня надёжней рентгена. А с отчеством не напрягайся. Поймёшь, что того стою, тогда на здоровье. Хоть Вашим Величеством. А пока не надо. А то и мне придётся тебя подполковником звать. Продолжайте рассказ, товарищ подполковник.

Степану после очередной рюмки водки вдруг захотелось выговориться: и он, вспомнив на чём остановился, продолжил: — Пришёл я к Эльзе. А на ней "лица нет". Обратно меня гонит. Плачет, немецкие слова с русскими путает, дрожит вся:

— Он убьёт тебя, убьёт! Он никуда не уехал и сейчас будет здесь. Подруга прибежала. Он там у них в доме. За нашим подъездом следит. Уходи! Уходи немедленно!

— Но тут уж мне вожжа под хвост. Нет, думаю, не знаю, как у вас в Германии, а у нас в деревне так не пляшут. Бабами от беды не прикрываются. А то не ладно — сладкое вместе, а горечь им. Не пойдёт! Я русский офицер! От поноса не умру. От пули? Ну это, как мама раньше говаривала, другой коленкор. А Эльзе говорю: "Если и уходить, то вместе".

Прислонилась ко мне головой, затихла, а шёпотом одно твердит: "Нет, нет. Не пойду. Убьют тебя".

Дверь резко открылась. Смотрю на поднимающуюся руку немецкого офицера, а в голову чушь какая-то лезет: какие они все аккуратные. Всё у них блестит. Вот и "Вальтер" в руке тоже блестит. Да это же смерть моя зубы скалит! Что ж он медлит? Не ожидал увидеть русского? Или считает, что ему будет за мои похороны? Они все просчитывают. Только сегодня

не надо этого делать! Втолкнул Эльзу в комнату и при обратном развороте выстрелил. Он тоже.

Потом меня не было.

Пуля скользнула по черепу. Рассекла бровь. Оглушила.

Когда очнулся, в квартире уже шерстили офицеры следственного отдела. Наши и немецкие. Муж Эльзы погиб сразу. Его увезли. Её я тоже больше не видел. Следствие вели пятнадцать дней. Трибунал заседал пятнадцать минут. Вердикт: пятнадцать лет. Само собой, лишение звания и наград. Мне тогда показалось, что уж лучше бы расстрел. Жить не хотелось. Не вагонные колёса на рельсовых стыках стучали, это сердце моё надсадно колотилось в осознании страшной, непоправимой беды. Только бы с Эльзой всё в порядке, думаю. Хотя, какой к черту в её положении мог быть порядок?

Приехал. Зона сантиментов не любит. Закружило так, что всё "мирское" на второй план отошло. Каждый день за жизнь приходилось бороться.

Как-то на вторую, наверное, весну ещё в марте тепло стало. Грачи, чайки прилетели. Но вдруг "рявкнули" морозы, да такие, что птицы от голода и холода погибать стали. Увидел я, одна из чашек, как только захочет сесть, так и падает.словно пьяная. поймал её. И тельца-то никакого нет. Только сердечко, наверное, и живо-то осталось. Со страху часто-часто бьётся. А "крестики" на ногах совсем отвалились. То и падала. Соорудили мы ей с одним бывшим хирургом костыльки. Даже пальчики из кембрика приспособили. Долго привыкнуть не могла, все оторвать хотела. Ну и, конечно, на лету её новое шасси не убиралось. Но привыкла со временем. И однажды пошла в развалочку. Бойкая такая стала, перо очистилось, и всё-то вокруг меня вертится. Лежу как-то на нарах, и она рядом перышки перебирает. Подумалось: вот ведь вся-то велика ли, а какой путь преодолевает, только бы в родные места вернуться? А я боевой офицер, военной крещённый, раскис при первом же шторме. Посчитал: мне только тридцать три года. В сорок восемь выйду. А вдруг досрочно освободят, о заслугах моих вспомнят. Надеялся, хотя знал, что статья моя не амнистируется. Но я живой. А пока человек жив, у него всегда есть хотя бы один шанс. Качели не только вниз падают, но и вверх поднимаются? Среди зёков и охраны люди, конечно, были разные. От другого за версту навозом пахивает, даром, что ничего тяжелее и грязнее стакана сроду не поднимал. Но сама наша жизнь доказывает, что они в меньшинстве. В против-

ном случае нам бы просто не жить. Были и там ребята, которые офицерское братство не пустым звуком считали. И хоть не раз смерть возле меня проституткой дешёвой крутилась, всё обходилось. А со временем всё у меня стало получаться. Начальник тюрьмы, тоже афганской пыли похлебавший, узнал каким-то образом, что я рисовать умею. Вызвал. С тех пор я больше рисовал, чем лес валил. Это и спасло. Блатные поняли, что офицерские, да ещё на крови замешанные связи крепче, чем у них будут, и во все от меня отступились.

А на свободу тянуло. Особенно весной. Засвистят крыльями утиные стаи, гуси в небе прогогочут, напомним, как мы с Эльзой их на озере, что рядом с Фюрстенбергом, зимой батонами подкармливали. Перевернётся всё под зековской телогрейкой. Да куда денешься. Ещё почему-то стал немца того жалеть. В жизни, конечно, не всё делится надвое, но, наверное, нельзя за это убивать. Люди же мы? Во сне как-то приснился. Сидит, лакированной перчаткой голову подпёр и говорит по-немецки: "Ты знаешь, как страшно лежать под землёй одному? Зачем ты меня убил? Я хотел жить. Эльза была для меня единственной радостью. Почему ты отнял её? Ты и её убьешь. И тогда мы снова будем вместе". Произнеся эти слова, он поднял голову и зловеще улыбнулся. Мне стало страшно, и я проснулся от собственного крика.

Ничего нет вечного. Прошли и мои пятнадцать лет. Освободился. Надо жить? Но это мне надо, а больше ни у кого до меня дела нет. Помотался туда-сюда. Но тайное клеймо в паспорте все дороги закрыло. Бичи в Лузе подсказали:

"Езжай в деревню, где глуше. Оттуда разной ядовитостью, как тараканов, местный народ вытравили. Работать некому. Так что возьмут с лапочками. Зиму прокантуешься, а летом опять на вольные хлеба". Так вот я у вас и оказался.

— Да, подполковник, досталось тебе по самую маковку, — помолчав, протянул Константин Сергеевич. — Но не киснешь, и это главное. Я агроном, Стёпа. Без этой земли себя не мыслю. И не за себя порой обижаюсь на разных выкидышей-реформаторов, а вот за её никчемные муки, за зряшные её усилия по вечному преодолению безмозглости. Ей ведь всё равно, кто у власти: коммунисты, капиталисты. Обмануть её реформами и сменой строя невозможно. Ей нужен труд, и всё вернется сторицей. Наши провозглашения и наша болтовня — для неё шелуха и

ничтожность. У неё другое предназначение. Космическое, если хочешь. В юности, бывало, заседлаю лошадь, какая поярее, и в поля. Особенно на рассвете любил. Пришпоришь лошадку-то, а она, милая, из характерности своей и без того ключом кипит. Птица всякая из-под копыт в стороны! Брызгами! Вылетишь на полевой взлобок, а вокруг насколько хватает взгляд сине-зелёное раздолье. И всё живое, и всё вместе с тобой жизни радуется. И никакой грязи не видно, словно её и нет. Богатырём себя мнишь. Петь хочется. Ничего уж не страшит. Только заметил я, Стёпа, что из несущихся, словно конница, миллионов пушинок розового осота только те продолжают род, которые сумели остановиться, не пролетая родной земли. Полёт? Полёт хорошо. Когда есть на земле надёжная посадочная площадка. Дай Бог, чтобы и ты обрёл её. Мне иногда говорят: "Чего ты в этой глуши живёшь? Кому это надо, что ты в мёрзлой осенней грязи вместе с трактористом разорванную гусеницу, надрываясь, на катки тащишь? Думаешь, спасибо скажут? Ни хрена ты не получишь! Набор благодарностей начальственных пока от Москвы до тебя дойдёт, иссякнет". Промолчу, а в душе всё-таки что-то нехорошее заведётся. Только как вот это всё бросить? Мужиков продать? Не бахвалюсь. Но помяни мои слова, Стёпа, пока я здесь — на этой земле лучше, чем без меня. И хорошо, если б от всех так было.

Константин Сергеевич хотел налить водки Степану, но тот, аккуратно перевернув рюмку, отодвинулся от стола:

— Не буду, Сергеевич, не наливай. Боюсь я после того случая водки. Пробовал как-то ещё в зоне досыта попить. Офицеров уговаривал в Германию со мной вместе бежать. — Степан усмехнулся.

— Ревел, говорят, что лось на гону. А на утро прапор тот старенький вспомнился и слова его:

— "Водки, ради Бога, не пей. И к ней не ходи". Так что уж извини.

— Как знаешь! Тогда и я не буду.

А тебя к нам, Степан, сам Бог послал. Услышал мои партийные просьбы. И нанесённые атеизмом обиды простил. Есть в этом его прощении какая-то загадочная сила. Для меня наглядная агитация, как серпом по известному месту. Доим не ахти. Привесы того хуже. А вот оформление всего этого чтоб на высоте. И чтоб всё как на фронте! Даёшь! А кому давать-то? На фермах ни одной здоровой доярки нет. Посмотрю на их руки — жить стыдно становится, не только агитацию разводить. Но ведь

приходится. Так что, Степан, выручай! Может, всё-таки выпьешь за трудоустройство? Не будешь? Тогда пошли устраиваться. Могу и женить. Вдов у нас по три, а то и четыре в год прибывает.

Бригадир, невысокая плотная женщина, критически осмотрела Степана и спросила в упор: "Не сбежишь? До тебя двое были, кроме кровати, всё умудрились пропить и сбежали. Хорошо хоть заработок не весь получили. Было с чего удерживать".

– Ты, Петровна, не зная броду, юбку не загибай! – жёстко прервал её парторг. – Мода дурацкая. Из-за пары сволочей о всех худо судить. Твоё дело жильём человека обеспечить, а не оценки ставить. Завтра с утра в контору за пастухом побежишь? Побежишь. А к человеку отнестись по-приветливей – ума не хватает. "Не сбежишь?" Да после такой "ласковой встречи" невольно куда глаза глядят унесёшься. Лишь бы тебя не видеть. А ты, подполковник, прости её. Мужики эту работу не выдерживают. Народу надёжного мало осталось. А скотина того не понимает и каждый день есть хочет. Вот и издёргалась вся. Прости уж. В Афгане тоже не с цветами встречали?

После этих слов Петровна взглянула на Степана как-то по-особенному, и всё устроилось быстро. Через пятнадцать минут Степан уже сидел в просторной комнате общежития на только что запровленной им кровати.

Константин Сергеевич довольно хмыкнул:

– Ну вот, отдохни с дороги, а вечером приходи ужинать. Обязательно. Не то Анне за тобой бежать придется.

Назавтра Степана определили пастухом, к большому и, как оказалось, непослушному стаду. Выручил Константин Сергеевич.

– Как оно? – спросил, – подчиняются военной дисциплине? Ничего, привыкнут. Только ты, Степан, впереди стада ходи. Так-то удачней будет. Да и им тебя видней, а значит, спокойней. Они умные тоже. На вот. Я тебе аванс привёз. Магазин вечером долго работает. Купишь необходимое. Плитку и кипятильник Петровна занесёт. Поживём ещё при этом императоре?! Да, если время будет, прикинь, что необходимо для рисования и черчения. Краски там, бумагу, ДВП. Ещё что? В город поеду, привезу.

Лето в тот год жарило словно в отместку за тягостные всему живому весенние длительные отжимки. Коровы, пытаясь хоть как-то спастись от жары, а более от беспощадных паутов и слепней, не вылезали с реки. Степан сам предложил пасти их ночью. Петровна им не нарадуется. Шутка-

ли, пастух после смены придёт на склад и давай мешки с комбикормами на телегу грузить. По два сразу подмышками несёт. И на ферме посторожит, если сторожа в загул уйдут. Зарабатывать стал больше директора.

А тот и доволен. "Мне бы таких пятеро и никаких нытиков не надо. С утра у магазина ошиваются, а к вечеру в крапиве головой. Зато уж потрепаться сами не свои. А этот – танк, а не мужик! Хлопал он Степана по плечу, представляя приезжим. Деньги вот непонятно куда деваает? Куда, Стёпа? Тот только улыбался, и шрам на лице распрямлялся и светлел.

Так прошло два года. Степан перешёл жить к овдовевшей Петровне. Но однажды пропал. Заявляли в милицию. Никаких следов не нашли, словно и не бывал. Константин Сергеевич обходил красные уголки и сокрушенно качал головой: "Скоро новые цифры вписывать надо, а как? Художника нанять дорого. У самого по этому делу руки не оттуда растут. Да Бог с ней, с агитацией. Человека не стало. Хоть бы сказал чего? Или написал?! – сокрушался парторг. – Ни ответа, ни привета. Куда летят, Стёпа, твои качели?"

– Потерпи, Костя. Не время, наверное, ещё. Не до нас. И про качели свои он не всё ещё знает. Потерпи, успокаивала Анна.

Прошёл еще год. Отзвенело новое лето. Снова прощальными красками вспыхнул за околицей лиственный лес. Высоко в пасмурном небе, словно опасаясь услышать горестные призывы покинутой земли, уходили в неизвестность многоголосые вереницы гусей. Кто знает? Может быть, они летели в те самые окрестности Фюрстенберга, где их кормили батонами русский офицер и хрупкая немецкая женщина, похожая на Ирину Алфёрову.

Именно в такую ночь Анне показалось, что кто-то дважды стукнул кольцом на входной двери. Негромко, два раза. Так всегда делал Степан, если ему приходилось их беспокоить. Как назло, на улице у входа перегорела лампочка, и когда Анна выскочила, то никого уже не было видно. Только гуси кричали в тёмном, совершенно непроницаемом небе. Осмотрелась и, когда уж глаза привыкли к кромешной тьме, разглядела на обшитом цоколе дома предмет, перевязанный белым шпагатом. Взяла. Окликнула негромко. Но снова только гусяное гоготание в ответ. Крикнула ещё раз, уже сильнее. Никто не ответил. Зашла в дом. Константин Сергеевич, уже одетый, спросил: "Стёпа?"

– Не знаю. Не знаю. Никого нет. Вот, что-то оставили. Смотри.

С этими словами она начала срывать скрывающую предмет бумагу. Это была картина. И когда она повернула её мужу, то увидела на обратной стороне размашистую, словно убегающую вперёд, надпись: "Простите меня за неожиданный отъезд. Друг сообщил, что Эльза умирает. Рак. Я не успел. От неё у меня остался маленький квадратик от картонной коробки со словами: "Я тебя люблю". Говорят, она писала эту записку по-русски три дня. Плакала от боли и всё-таки писала. Её больше нет. Остановились мои качели. Храни Вас Бог! Степан".

Внизу приписка тем же неровным почерком. "Еду в родные места. Надеюсь, что там будет легче. Шлю на память картину. С однополчанином по Афгану. Он родом из ваших мест. Спасибо за всё". Анна развернула картину к себе.

Пограничный столб. Чуть поодаль, слева, две переплетённые стволами сосны, вершины которых сломаны ураганом. Справа, у незнакомой отличающей свинцом реки, остановившиеся деревянные качели.

Март 2009 г.

КАМЕНЬ-СЕРДЦЕ

Не приведи Господи затемнить ноябрьским вечером в лесу, когда, словно в наказание, разверзнутся хляби небесные и пошлют на ваши непутёвые головы северный ветер с дождём и снегом. Обледенеют не только стволы деревьев, но и сердца ваши. Позднее раскаяние и тоска по человеческому жилью вам обеспечены.

Однажды в этом пришлось убедиться и нам — мне и моему другу Мише Погодину, верному спутнику в охотничьих рейдах, с которым именно в такую непогоду караулили мы волков у зарезанного ими три дня назад лося.

О гибели лося узнали от ягодников, но лучше бы они промолчали, лучше бы охотничий азарт был слабее разума, или смотрели бы мы передачу "В мире животных". Но только настоящие охотники, для которых сидение дома из-за болезни или ещё из-за какой-то оказии — высшая мера наказания, поймут нас.

Ветер усилился. Казалось, вся нечистая сила собралась на Сарпасском болоте на ужасный, отвратительный шабаш. В вершинах деревьев свистело, плакало, хохотало истерическим смехом, и мне вскользь подумалось, что именно в таком лесу рождаются суеверия и страхи.

Чёрное платье осенней ночи стремительно отпускалось на землю.

Но есть Бог! Есть.

Ещё не дойдя до заветной тропы, мы увидели костер. Иногда он скрывался, иногда появлялся вновь, и я понял, что у костра кто-то ходит. Осторожно приблизились. Каково же было наше удивление, когда в свете качнувшегося пламени увидели мы мужчину в знакомом брезентовом плаще, деловито и спокойно пристраивающего котелок над костром. Он даже напевал что-то, но, когда под моей ногой хрустнул сучок, мужик, не оглядываясь, крикнул: "Проходите, проходите, ребята! Околели, поди, до костей". Мы узнали голос Афанасия Андреевича — неутомимого охотника и рыбака, весёлого рассказчика всевозможных баек и историй.

Вышли на освещённую костром боровинку. Андреевич, не мешкая, помог нам избавиться от насквозь промокшей одежды.

Прихрамывая, ушёл в темноту и, подтащив изрядный сосновый кряж, перенёс к нему часть горевших дров. Что-то там поколдовал, подул — и новый костёр, постреливая искрами, взметнулся золотым спасительным пламенем. Старое кострище мы очистили от пепла и угольков, набросали

на него толстый слой лапника и, усевшись в белый густой пар, сняли с себя буквально всю одежду. Хозяин ночлега развешивал её над новым костром, мы же размахивали нижним бельём, стараясь быстрее его высушить. Иногда порывы ветра забрасывали в нашу "баню" обжигающие холодом струи дождя и снега. Мы ёжились, не вслух ругались, но понимали, что спасены. Уже через час удалось высушить всё, кроме телогреек. Попили чаю, съели по большому ломтю хлеба с салом, и усталость навалилась с неимоверной силой. Афанасий Андреевич ещё раз перебрал потемневшие хвойные ветки, выбросил несколько угольков-светлячков искомандовал: "Спать!".

Мы уснули раньше, чем головы наши коснулись подстилки.

Проснулся я от невыносимого жара под правым боком. Быстро разобрал подстилку, обнаружил в прогоревшем мху синеватый камень с кулак и, подцепив его палкой, отбросил в сторону. Змеиное шипение послышалось из темноты, но скоро стихло. Снова расстелил лапник, прилёг на спину и удивился тишине, царившей в лесу.

На добросовестно подметённом от облаков небе переливались, озорно подмигивали весёлые звёзды. Молодой месяц, похожий на золотой волшебный рожок, завис на невидимой нити и, казалось, кого-то ждал. Вспомнилось из сказки: прилетит маленький ангел с золотыми крылышками, снимет рожок с ниточки и протрубит нежную, голубую цветом мелодию. И наступит новый день радостный, тёплый, добрый.

С этой ласковой мыслью я вновь задремал. Проснулся, когда холод проник под мою одежду. Костёр погас, и Андреевич, склонившись, раздувал угольки, на которых лежала, видимо, давно припасённая им сухая береста. Наконец она вспыхнула, сначала робко, потом ярче, и сразу веселей и шире раздвинулся наш поднебесный уют.

Встал, размялся и, согревшись, достал из рюкзака нашу нехитрую снедь.

– Зажёрг? – спросил Андреевич.

– Уже согрелся. Вот всё не могу понять, как удалось определить, что это мы к костру подходим? В такой-то темноте?

– Всё просто, Коленька. Я с капканами к тому же лосю правил, но когда в торфе следы увидел, решил не мешать. По такой погоде, да в такие дикие места только три дурака ходить могут – я, старый, да ты с Мишей. Потому, когда валежинка хрустнула, понял, что вы возвращаетесь.

– В лесу-то шумно было. Мало ли кто мог хрустнуть? – возразил я.

– Да никто не мог! Ветер вверху безобразничает и шумит, а внизу тихо. Зверь? Говаривали мне, что медведи к костру греться ходят, только вот за тридцать лет охоты ко мне не приходили. Иначе чего бы я на лабазах мёрз. Русская народная сказка это. – И продолжил:

– В природе свои законы и свои запреты, и нет в ней ничего бесполезного. Ты камень из-под себя выбросил. Пустая вроде бы вещь, а я его взял. Положу под тот вон выворотень; мало ли, насторожку у капкана подправить или колышек для ловушки забить. Лежит, есть не просит.

Афанасий Андреевич пристально посмотрел на небо:

– Долго ещё не рассветает. Вот послушай, я тебе сказ о камне скажу. Ещё бабка мне поведала, когда мальцом был.

У вас за Волоковым полем место есть, "Круговая" называется. Говорят, что "водит" там, то есть блудятся люди. И есть там лог, и в том логу – камень с баню величиной, по форме вот на этот похож, а этот, видишь, как сердце смотрится. Прожилки даже видны.

Только тот большой. Раньше на него по сосновым мутовкам и влезть-то можно было. Сейчас в землю врос. Так вот о нём и сказ.

Места наши испокон веку богатыми были. Живности всякой в лесах да на лугах не счесть водилось. Да что там, в лесах, лугах! Глухари прямо на избах токовали! Косачи посередь деревни до поздней весны пластались, как парни на игрищах. Куропаток в гумна по пять тысяч набивалось. Бывало, ребятня и запрёт их там воротами, так, веришь ли, куропатки с испугу как взлетят, сорвут крышу соломенную и унесут версты за три-четыре. А мужики матерятся: надо снова гумно крыть!

Зверьё, правда, пошаливало. То медведь на жеребце в праздник по деревне прокатится, то хорь курицам головы прямо на насесте отгрызет, так и сидят безголовые, но хуже всего волки донимали. Говорят, запоздавших ездоков с кошёвкой¹ и оглоблями зимой подчистую съедали. А оборониться-то нечем. Лук да рогатина в темноте худые помощники. Пока с одним зверем валандаешься, другие уж глотку лошади перехватили.

Но опять рыбы много водилось. Форель в золотой горошек – в хрустальной стреленской воде выгуливала, что тебе девки на царских смотри-

---

¹ кошёвка, кошева – лёгкие плетёные сани.

нах. Хайрузьё по весне на нерест прёт – по спинам в лаптях переходит, не обмочишь. Сёмга и та захаживала. Да что сёмга! На дне лесных речек жемчуг в раковинах находили. Раковину – на пуговицы, а горошинку жемчужную – иль перекупщику, иль милке на бусы.

Старики сказывали: девки в те времена шибко баские были. Родятся, как попало. То под зародом, то под кустом, а то и вовсе на сенном возу. В недород как все от голода пухнут. Самое вкусное – хлеб, самое сладкое – пареница да ягоды. С пяти лет на работу. Всей радости – мамкин праздничный сарафан подвязать, в чарки¹ ноги сунуть и к речному омуту вороськи прибежать посмотретья: какова?!

И откуда они узнавали то, что надо нарядиться, вертеться перед чистой водяной гладью, щёки подкрашивать, брови угольком чернить, косу по-взрослому на голове уложить, ручкой в бочок упереть – непостижимо! А смотришь, к шестнадцати годкам выладится, кости мяском обрастут, на щёчках румянец выступит, как земляничка тёртая, и взгляд уж другой – с интересом, чуть искоса. Понимает ведь, чертовка, что хороша. И цветок ещё в волосы воткнёт – как будто он вместе с ней вырос. А уж венки сплетёт да оденет – загляденье! Ну да ты, Коля, сказку про "Царевну-лягушку" читал, так вот она про наших девок написана.

Миша, до этого лежащий, свернувшись "калачиком", повернулся на спину.

– Вставай, Михаил, чайку попей, – обратился к нему Андреевич. – Под утро у болот, даже в самую тёплую ночь, озноб прихватывает.

– Потом, – ответил Мишка, позёывая, – рассказывай, Андреич, дальше. Я ведь давно не сплю, слушаю. Не пойму, заливаешь ты или и впрямь так было?

– Всё, Мишенька, переплелось в людской памяти. Слушай.

Деревни Студёное и Городок вы знаете? Городок супротив татар заложен был. Шибко место удобное. К Стрельне скала, к Сухоне скала, а с востока "чеснок"² возвели, но главное – река. Всё как на картинке: любо-го нехристя издалека видно, и из луков, а позже из пищалей хорошего дёру дать можно было, чтоб поубавилось гонору, как пера у драчливого пехота. Ратников набирали из ближних деревень. Крест, соха, сабля – всё под рукой. Время, о котором я рассказываю, было худое. Воевали кажин-

---

¹ чарки – праздничная женская обувь.

² "чеснок" – частокол.

ный год. Смута была. Одних царей семнадцать штук объявилось. Все себя в грудь бьют, почти как сейчас: мол, всё для вас, народишко, делаем. Хохочут мужики: "Непонятно, куда делаете? Не видно что-то. Не в штаны ли уж?"

Васька Шуйский в Москве сидел. Да по худосочности своей ничего поделать не мог. Вот и рвали Русь, кто ни попадя. Терпела, бедная, до поры.

И надо же именно в это время бабе Глашке-Медведихе родить! Не могла дожждаться подходящего времени. Ну, родила, и родила. Обратного ходу нету. Ребёнок, как ребёнок. Ничего такого выдающегося: ревьёт, как оглашенный, ножками сучит, пузыри пускает. Но великоват. Баяли, двенадцать фунтов вытянул на безмене. А родился справно. Мать вот только пять дён лежала, на сенокос не выходила. А раньше бабам декретной льготы не было. А тут пять дён. Шутка ли?

Да время смутное! Да свекровь корит: "Эка царица выискалась? Пять дён на лавке валяется! Будь моя воля, я бы такой слободы не дала".

А у "царицы" на лице ни кровиночки, глаза в темные ямы запали, дышит, как загнанная лошадь, встать с лавки не может. И молока мало было. На шестой день, превозмогая боль, пошла всё-таки на сенокос, и не дошла, упала. Хорошо народу много было, принесли в деревню, знахарку созвали. Вылечила ведь, да и свекровь выучила: "Смотри у меня, не дай Бог, с Глашкой чё случится, изведу!"

У больной какое молоко? Вот и пошёл отец Лучка Медведь по другим избам, у рожениц молока выпрашивать. "Выручите, — грит. — Нет молока у Глашки. А молока нет — ребёнок, известно, в бунт. Заревётся на смерть. А жалко — крупный больно родился".

Бабы! Что русские бабы? Доброта раньше их на трое суток родилась. Прослезились даже от Лучкиной просьбы, и пятеро согласились.

— Да-а, — протянул Андреевич. Налил Мишке в прокопчённую кружку чаю, подал хлеб с салом.

— Ешь. Еда не хитра, но силы даёт много. И подбросил в костёр сушняка.

— Так вот впятером и кормили. А надо сказать, бабы здоровы были, вёдрами лишнее молоко на улицу сцеживали. Тогда и появилось выражение: молочные реки. Ну, ребёнок в рост пошёл и опять ему пищи мало. Слава Богу, уборка началась. Стал хлебную крошенину есть, а то и полмягка¹ всухомятку навернёт. А осенний-то свежий хлеб мужицкую силу

---

¹ полмягка — полмягкого, мягкий деревенский хлеб.

даёт. Бабы как-то больше весной ласковой да добрей становятся. Говорили в те времена: "Осенний мужик да весенняя баба, так люди бы до смерти на повети валялись. Даром там посевная, сенокос, уборка". Но мудр Господь и, чтоб люди в любви о делах не забывали, устроил их по-разному. Весну с осенью, сами понимаете, не соединить. Оттого и порядок на земле. Да...

При крещении ребёнка Ваней нарекли.

В пять месяцев он уж и ходить начал. В десять с ребятней в лапту, городки да "полешко" играть стал. Дивуются люди. Только мать от лишней беготни отговаривала: "Пойди, сыночек, лучше в лес. Хорошо в лесу-то, интересно — белочки по веточкам друг за другом бегают, зайчики на полянках травинки грызут, тетеревята в прятки играют. Пойди, родной, а то соседка Матвейха приходила, жаловалась на тебя. Бросил ты битую в городишную "пушку", сбил. Молодец! Только та бита полетела дальше и её магазю уронила. Да и военная вдова Марфутка жалилась, что у сына Егорки ты трех под банный зауголок подложил. Молодец, хоть отдал потом, и баню не уронил. Ты слабых да одиноких не забижай. Марфуткина ноша на двоих рассчитана была, а она её одна несёт. Тяжело это, сынок.

Деревню Норовицу вы тоже знаете. А назвали её так за то, что всяк свой норов показать перед другими хотел. Ещё первого мужика, когда строиться начал, отговаривали со Студёного: "Не стройся. Где воду-то брать будешь, на такой горе?"

"Нет, — говорит, — построюсь. Пусть воды нет, зато выше вашей деревни мой дом будет. К Богу ближе".

И построился, и воды не было. С потока¹ копили, да на ключ за питьевой водой спускались, аж к Стрельне. И вот пошёл от него такой народ заносчивый. Да что народ, скотина и та вся норовистой была: петухи клевачие, бараны и козы бодачие, коровы за осека² прыгают, лошадей ни одна привязь не держит. А один мужик, как раз в те годы, быка-производителя завел. Так тот всех жителей в страхе смертном держал. Совершенно ненормальный был бык. Однажды всю деревню в овин загнал, а сам вокруг, как часовой ходит, землю копытом рвёт, муравякает³ громоподобно,

---

¹ поток — сток дождевой воды с крыши.

² осека — ограждение.

³ муравякает — мычит.

шары¹ кровью налились. Время вечерних обрядов наступило, а бык и не думает осаду снимать. Народ в овине тоже зверел постепенно. Хотели уж хозяина быка на растерзанье выкинуть. Да на счастье идёт детинушка тропинкой из лесу, песни сочиняет и поёт. Слышит в Норовице рёв быка и вой людской. Пошел посмотреть. Бык, как его увидел, чуть не лопнул от ярости. Бросился встречу.

Да не тут-то было. Ухватил детинушка быка за рога и воткнул их в землю. Бык, ничего не видя, пропахал глубоченную борозду до Стрельны-речки (мужики потом эту борозду под спуск приспособили; все не так круто стало). Народ выбежал из овина, радуется. Качать хотели ребёнка, да поднять не могли. Хозяин быка кричит: "Люди, да ведь он нам волю дал!". И все подхватили: "Воля! Воля!".

С тех пор стали звать детинушку Волей, хотя, как помните, Ваней при крещении записан был.

Бык, говорили, в стреленской воде охладился, и норов его как рукой сняло. Запрягать даже давался и снопы с поля в овин возил. Да и вообще, в деревне спокойней стало. Бывало, ругнётся кто-нибудь, да как увидит бычьей борозды, и замолкнет — вдруг Воля придёт.

А Волюшка настоящим работником стал.

Дрова рубит, сено возит, улицы и дороги чистит, лавы новые соорудил пошире и с перилами. Лошадей шибко полюбил. Жалел. Особенно под весну. Кормишко-то худой был. До весны людям хватало, а вот лошадям овса, как ни экономили, — не всегда. А конной работы вечно невпроворот было: надо до водополицы со стреленских мысов сено вывезти, дров да жердей заготовить.

Волька свяжет саней семь и потащит их по Стрельне вверх, на обратном пути на мысы заворачивает и сани сеном грузит. Лошади, понятно, ему благодарны.

Вот как-то вечером устроили на конюшне собрание. Старшая кобыла на конском языке говорит:

— Выручает нас Волюшка, ох как выручает. Издохли бы от тяжелой работы да от старой соломы. Надо как-то его отблагодарить. Найти для него коня, который бы выдержал и в работе, и в сече, и помощником был. Нельзя богатырю без коня.

---

¹ шары — глаза.

Мерин Карько тут втиснулся:

– Нет на свете такого коня, чтобы Волю выдержал. Тяжёл шибко.

Зашумели все. Заржали. А кобыла своё гнет:

– Искать надо. Сам он сюда не прибежит.

На счастье, поехали студёновские мужики на устюгскую ярмарку. В обозе пять лошадей. Приехали в Устюг. Для начала товар на Сенной площади разложили. Лошадей стреножили и отпустили к реке на луг, как следно быть.

А на лугу лошадей уж, наверное, сотня. Разные по стати и окрасу. Но среди всех выделялась огромная кобыла, в животе толстая, что тебе попадья. Подошли к ней студёновские лошадки – побаять о политике там, об урожае.

Жеребцам заодно косточки перемять, а главное – узнать, какого роду-племени кобыла-то. А та разговорчивой оказалась. Говорит, правда, мудро, но понять можно.

И выяснилось, что она казацкая лошадь, пожилая уж. В Устюг трофеи казацкие привезла. Хозяин-то – неугомонная головушка: чуть где война, он уж туда летит. Но в последней сече сплеховала кобылка-то, едва не подставила под турецкую саблю голову казака. И решил он её продать. Всплакнула та: "Кому ещё попаду? Может, извергу какому? А я на сносях". Ну, тут-то студёновские лошади её успокаивать принялись, лижут, ластьются, сочувствуют, да уж до того, что и у самих в глазах слезы. А попутно жизнью своей да хозяевами хвалятся. "Просись, – говорят, – у казака к нашим мужикам. Не пожалеешь".

Увидел казак, как льнёт его лошадь к студёновским товаркам. Пожалел. Нашел мужиков со Студёного и говорит:

– Вот что, мужики, не бывал я в краях ваших северных, слышал лишь о Городке, да о храбрых его воинах, но не в этом дело. Вижу я, как прикипела моя Малютка (так звали его лошадь) к вашим. Сколько добра она для меня сделала – не счесть. Но стара и тяжела уже для конной сечи, погибнет зря. Купите лошадь. Жеребенок у неё будет такой, каких вы в жизни не видели, за семерых увезёт.

– Сколько возьмешь? – спрашивают мужики настороженно.

– А мало возьму, господа хорошие. Возьму с вас слово клятвенное, что не зарежете вы мою кобылку и до самой смерти прокормите, водой вовремя напоите, овса вволю дадите и работой под старость не загрузите. Вот и вся цена.

Мужики на радостях шлыки¹ оземь. Обнимают казака. Клянутся, благодарят. Нарочного с ведром за "простяком"² к целовальнику послали. Попили за милую душу. Да и как не попить? Фарт такой подвернулся. Мыслимо ли дело не отметить! Утром квашеной капустой да огуречным рассолом опохмелились и поехали восвояси.

Стояли солнечные погожие дни, и только дорога, пролитая недавними дождями, хлюпала под ногами лошадей. По Шиленгскому бору ехали сторожко, оси телег дёгтем смазали, чтобы не скрипели: пошаливали в тех местах лихие люди, грабили купеческие обозы, да и мужичьими не брезговали. Да...

...Миша ёрзал на лапнике, явно хотел что-то спросить. И когда Андреевич произнес своё "да" — не вытерпел:

— Афанасий Андреевич, а почему Студёное студёным-то назвали? Интересно знать.

Улыбнулся охотник:

— Я, Мишенька, сам об этом недавно узнал.

Ночевал как-то на Студёном у лесника. Мужики узнали, пришли мои байки послушать. Выпили маленько. Они и признались. Бабы, видите ли, у них страсть какие холодные. Нет, девки, как везде: к чему не прикоснись — обожжет, а как в бабы перейдут — холодеют почему-то. Мужики говорят: вечером пока баба два самовара кипятка с пареницей не выпьет, лучше не подходи — обморозишься. Зато как напьётся, раздеваться начнет — и жар от неё, как от русской печки, всю ночь пышет. Ожоги даже некоторые получали. Да...

Кто хитрее, чуть что, во двор — охладиться, значит, звёзды там пересчитать и опять жене под горячий бок. Много ли радости в крестьянской жизни было? Труд с раннего утра до позднего вечера. А потому горячие бабы шибко ценились. Во многих деревнях их, правда, кипятком не разогревали. Другие способы знали, некоторые и сейчас используют. Приедет мужик с ярмарки, шаль кашемировую перед женой развернёт, да и на плечи накинёт, да кофту плисовую подаст, да чоботы атласные примерит, да бусы, хоть и пустячные, на шею оденет. Вот и всё.

И потеплеет исстрадавшееся женское сердечко, и чтоб счастья своего

---

¹ шлыки — шапки.

² "простяк" — водка.

не выказать, схватит ребёночка-последыша, уткнётся в мягкий тёплый пупок, тормошит его, целует, вид делает, что качает. И не поймёт малыш мамкиного счастья, свободной ручкой погладит головушку, а то и дёрнет за волосы-то. И растает, потеплеет мамкина душа. Так тает снег на южных склонах, пригретый ещё несильным мартовским солнцем. Мельком благодарно посмотрит на мужа и снова уткнётся в маленькое тёплое тельце. И, ах ты, Господи, выпорхнут из сияющих счастьем глаз непрощенные слезинки. Редко, редко одаривали счастьем женское сердце. От того и слёзы рядом...

— Да-а-а... — снова протянул Андреевич, и я почувствовал, что сейчас он скажет что-то важное. И не ошибся.

— Нет, ребятки, ничего обречённой и чище материнской любви. Сам видел ещё по молодости, когда льнища катали¹, как сгорела на гнезде глухарка. Видел, как лосиха бросилась между охотником и лосенком, подставляя себя под пули. Слышал, как плачет медведица, потерявшая своих несмышлёнышей-медвежат. Да что говорить про зверей и птиц? Разве понимаем мы всю бескрайность, весь ужас потери, когда навсегда прощаемся с нашими матерями? Разве не ощущаем мы бесполезность тех искренних слов любви и раскаяния, которые никогда, никогда не будут услышаны той, кому они произнесены? И разве не наши слова, сиротливо ищущие, будут метаться в холодном воздухе, натываясь об острые, сухие сучки и стволы деревьев и, не найдя живого отклика, упадут в жёсткий, похожий на саван, снег. И вдруг поймём, что все сделанное нами сейчас, опоздало навсегда!

Афанасий Андреевич вдруг смутился и отвернулся в темноту, словно стыдясь сказанного.

Чей-то острый коготок скользнул и по нашим сердцам.

Помолчали. Темнота большим чёрным зверем присилась к костру.

Миша встал и подложил откатившиеся в сторону кряжи.

Андреевич продолжил: — Так вот. Прибыли утром. Собрали сход. Решали, кому кобылку отдать. Ивашка Селянин проворчал: "Заурасит², кто справится с этакой печью? Отдать Вольке и разговору конец". Все согласились.

---

¹ льнища катать — сжигать лес на территории, предназначенной под посев льна.

² заурасит — заупрямится.

Берёт Волька лошадку, сам воз тащит, а она сзади идёт, сенцо с воза вытаскивает. Через десять дней ожеребилась. Только жеребёнок в годовалого стригунка выродился. Рыжий, как костёр. На дыбы встал — мужик на другом краю деревни подумал, что пожар, и давай обухом по лемеху бить! А жеребёнок, как матери в соски ткнул, так три дня и три ночи не отставал.

Зато вырос в огромного жеребца, но спокойный такой — весь в мать. Ребятишки к нему лестницу поставят и лезят на спину по очереди, а он только хвостом помахивает. Ребятишки его "Огоньком" и прозвали. Так и привилась эта кличка.

Волька в "Огоньке" души не чает: кормит с рук, каждую грубую вилитинку¹ в сторону отложит, а зелёное да шёлковое сенцо жеребчику. Год прошёл. Волька уж на Огоньке и в седле ездил, и в кошёвку запрягал. Одно худо, всю сбрую под жеребёнка отдельно шить пришлось.

А время, как помните, смутное было. Вот народ — к Вольке: так, мол, и так, "шалит" ворьё, никакого спасу нет, обозы грабит, торговать не даёт, в горе Бык и то какая-то шпана завелась. Возьмись за охрану. Мы тебя с Огоньком на общественный кошт возьмём. Оружие, опять же, по тебе скуём да прикупим. Землицу-то мы и сами вспашем, и дров нарубим, и урожай уберём. Только за охрану возьмись. Подарили алую рубаху с позументами. А Вольке и по сердцу — ребёнок ведь ещё, подарку обрадовался и согласился. И стал он жить в Городке. Выедет на Гребешок, осмотрит Сухону, съездит в дозор до нынешней опокской излучины, и если всё спокойно, частокол еловыми отногами² крепит. Так и жили в покое да ладу..

Но пришел тяжёлый год. Знойное лето спалило хлеба на корню. Предчувствие голода бросило в разбойничьи шайки даже тех, кто раньше и помыслить о смертоубийстве не мог.

Однажды утром Волька пересёк Стрельну и направил Огонька вверх по Сухоне до знакомой крутой излучины. Только доскакал и увидел лодки, плоты и насады³, медленно сплывающие по течению. Зоркий детский взгляд уловил чёрные хоругви на первой лодке. И понял Воля: вот оно, "ворьё".

---

¹ вилитинка — соломинка.

² отноги — подпоры.

³ насада — речное судно, лодка с поднятыми бортами.

Послушный Огонёк вылетел в Городок и замер только у дома сотского по прозвищу Белый. Тот распорядился, и все мужики бросились в дома за луками, стрелами и саблями. Волька накинул двойной плащ из лосины, в красное покрашенный. Прихватил копьё о пяти сажен, да булаву в десять пудов, и выехал навстречу тёмной воровской силе.

Увидел он, что по левому и правому берегу приближается конница. Огонёк без понуканий бросился вперёд, и гул стоял по всей долине реки, и камни, на которые попадали копыта богатырского коня, рассыпались в прах. Не было страха в могучем богатырском сердце.

На судёнышках и в коннице, когда увидели огненного всадника, несущегося встречу, началась паника. Сверху наседавшие конники давили тех, которые были ближе к Вольке, плоты и насады налетали друг на друга.

И вдруг Волька увидел, как сбрасывают с барок живых людей, видимо пленных. И ожесточилось сердце. Когда все враги оказались в речном ущелье между Красной Горой и нависшим громадной глыбой правым берегом, бросил Волька свою булаву, и от удара её, подобному взрыву, содрогнувшись, рухнула висевшая над рекою груда камней. Великий грохот, вызванный их падением, заглушил людские крики и вопли. Скала словно осела в русло Сухоны и перекрыла его. В пыли, которую не могло пробить даже июльское солнце, услышал Волька разъярённый гул и шипение воды. Это Сухона, перегороженная каменным завалом, пыталась его пробить, но не смогла и чудовищным рычащим змеем бросилась назад, затопляя окрестности и пожирая пытавшихся спастись людей. Вторым ударом река пробила под Красной Горой узкое горло, но всю обвалившуюся скалу смыть так и не смогла. С тех пор делает она в этом месте кругую излучину и от того всегда сердита. А люди прозвали это место "Порог". Да...

Увидел Волька, что часть плотов не задавило скалой, и направил Огонька наперерез, вытащил уцелевшие плоты и насады к устью Стрельны. Прибежавшие с Городка ратники хотели уже расправиться со спасёнными, но Волька не дал. Божьим промыслом среди них были только пленные и охрана. Видимо, перестроили "воры" судёнышки, надеясь под прикрытием пленённых проскочить ошетилившийся луками Городок. Это и спасло бедных людей. Волькина булава сокрушила скалу, когда их плоты оказались ниже опасного места. Не только пленники, исхудавшие от го-

лода, побоев и страха плакали над рекою. Казалось, вместе с ними рыдали суровые, много выдавшие, сухонские скалы.

Нашли стражников. Оказалось, псковичи. Взмолились те, по камням острым коленями елозили. Отпустили на все четыре стороны — такие же невольники! Пленных разложили на старых рогожах да соломе, покормили маленько. Таков приказ был сотского.

Огонёк вынес Вольку в Городище. Сотский чертил сухим прутиком на песке. Богатырь подошел и ждал, когда с ним будут говорить. Наконец Белый бросил прут и поднял глаза:

— Ну что, Волька, разогнал ворье? Молодец, так им и надо. Только пошто же ты Сухоне русло завалил? Обидится она. Река — что баба капризная. Чуть не по ней — век мстить будет. Ну, поехали, посмотрим, что ты там натворил.

Белый водрузился на свою тихую пегую лошаде́нку, и вот уж спустились они к Сухоне и понеслись берегом к упавшей каменной гряде.

Дрожат молчаливо нависшие скалы, того и гляди тоже вниз сорвутся.

Миновали пологую излучину. Белый остановил коня. Швельгой¹ показал на левый берег:

— Смотри, Волька, плачет река. Слезами холодными брызгается. Отольются людям сухонские слёзы. Не надо бы так с водой, она, как и земля, — кормилица наша. Первое время нерестовая рыба и та с пути собьётся, а купцам да бурлакам вовсе гибель: ни вверх подняться, ни вниз спуститься.

И словно в подтверждение его слов, одинокий гружёный плот, управляемый кормщиком, вылетел передком на левый берег и ударом воды тут же был опрокинут. Послышались крики о помощи, и Волька направил Огонька в воду.

— Вернись, слышишь, вернись! Это Сухона тебя заманивает, погибнешь в водоворотах! — кричал Белый. Но Огонёк переплыл почти на ту сторону, и Белый видел, как подхватил Волька кого-то на руку и только тогда развернул коня. На самой середине реки попали они в водоворот, долго крутились на одном месте, но, видимо, нужен был богатырь Господу для земных дел. Укротил он Сухону.

Выбросив копыта, ударил Огонёк о крутящиеся струи и вырвался из водяного плена.

---

¹ швельга — кнут.

Спасённой оказалась старушка. Лицо её было бело, морщинисто, волосы отдавали сединой. Хрупкое тело болталось в Волькиной руке. Всем показалось, что она мертва.

Богатырь осторожно положил тело на камни. Белый спрыгнул с пегой, перевернул утопленницу на своё колено и с силой давнул чуть ниже лопаток. Мутная вода хлынула изо рта спасённой, но Белый не отступился, пока не услышал её тяжёлое, со всхлипом дыхание. Затем сотский подозвал двух крестьянок, хлопотавших над пленными, и поручил смотреть, чтобы старушка не перевернулась на спину. Да приказал укрыть. Отошли в сторону. Сели на синий камень, и Белый произнёс слова, которые Волька запомнил надолго.

— Сильный человек, Воля, должен быть умнее и добрее слабого. Иначе кончится род человеческий в постоянных распрях и войнах. Буря выворачивает с корнями могучие деревья, вставшие на её пути, но не в силах одолеть некорыстный ивовый куст. Оказывается, и в слабости может быть сила. Если по-умному ей распорядиться. Приставлю я к тебе нашего дьячка Архипа для обучения. Мудрости он всякой зело учён. От того и зло за версту чувствует. Только слушайся его. Не смотри, что он телом хил. Вера и ум его покрепче той скалы, которую ты разрушил, будет!

— Да, — словно подтверждая слова Белого, произнес рассказчик и поднял лицо к небу.

— Через час рассветает. Но подожду, не пойду рано: если волки ночью к лосю подошли, вспугну ещё.

Миша приподнялся:

— Может, помочь чем, Андреич?

— Помогать не надо. Капканы недалеко спрятаны. Потому я один. Волки у привады¹ сами себя боятся. Маленько оплошай — в жизнь не подойдут. Послушайте дальше.

Крестьянки, следившие за старушкой, вдруг вскрикнули и бросились в разные стороны. Белый и Волька подбежали к спасённой. То, что они увидели, было невероятно. На камнях, прикрытая суконной куртой, лежала белокурая юная красавица с пухлыми, чуть приоткрытыми губками и с робким румянцем на ланитах. Упругая, молодая кожа на лице и шее, на ногах, не прикрытых куртой. И только седая прядь волос доказывала,

---

¹ привада — приманка, прикормка.

что перед Волькой и Белым лежит утопленница. Девочка открыла глаза и тут же зажмурилась.

— Где я? — вскрикнула.

— На этом свете, маленькая. У своих. — с какой то нежностью в голосе ответил Белый и погладил девочку по голове.

Крикнул бабам:

— Идите сюда!

Те робко подходили, останавливаясь и мелко крестясь.

— Да не бойтесь вы. Это вода так человека корёжит. Вези её, Волька, к бабе моей на печку, видишь, всё еще дрожью исходит. Я позже приеду.

Волька осторожно приподнял красавицу, но курта всё сползала и сползала, оголяя плечи и похожие на испуганных голубков груди. Воля, поправляя курту, случайно коснулся их, и острая боль от пощечины обожгла щёку.

Была мысль бросить драчунью на камни. Но посмотрел в зелёные измученные глаза, почувствовал, как от страха зайчиком сжалось в комочек тельце девочки, улыбнулся, подхватил её, посадив в седло впереди себя. Огонёк вылетел в Городок птицей.

Жене Белого Авдотье ничего объяснять не пришлось.

— Сади на печь и сам долой, — скомандовала.

...Вечером сход: кумекали, что с прибылыми делать. Решили отпустить. Дать хлеба на три дня каждому. Только Авдотья упёрлась насчёт девочки. Выведала, что зовут её Настей и что вся её семья, отец и два брата, сплавлявшиеся по купеческим целям с Тотьмы в Устюг, погибли, когда перевернулся плот.

Белый, хмурясь, решил:

— Будет у меня жить. Мой и прокорм.

На этом и разошлись.

Долго горевала Настенька. На берег сухонский спускалась, плакала, молитвы читала. Но мудра Авдотья, и уж через неделю ходила она вместе с городецкими девками по ягоды да грибы. Тихо зарастал шрам в девичьем сердце, но все-таки зарастал.

А Волька охранял Городок, помогал мужикам да бабам по хозяйству. Иногда по просьбе устюгского воеводы вылавливал в лесах шпану всякую — лихих людей. Не стало им покоя. Не было и богатырской пощады. "Сила ломит и соломушку". Меньше стало разбойни-

ков в лесах, с Шиленьги да из пещеры горы Бык вовсе куда-то ушли.

Но услышал о Воле царь. От прозвища богатыря сначала аж голову в плечи втянул, ногами дрыгнул недовольно. Но на то Васька Шуйский и хитёр был, ох хитёр! Превозмог себя.

– Достать, – командует, – мне этого богатыря!

А было, ребята, на Руси время такое, когда ум за золото давали, это сейчас по должности, а тогда – исключительно за золото. Вот, к примеру, есть у тебя мешок золота, тебе пять грамм на безмене ума навешают, есть два мешка – уже десять грамм. Обманывали, правда. У царя, известно, золота больше всех было, ну и ум весь в голову не вмещался, так палаты специальные строили, льдом набивали, чтобы ум не прокис. С тех пор и пошло "Ума палата". Ну, правда, неряшливость везде, иной раз в этих же палатах рябчиков мороженных хранили, рыбу всякую, шкуры невыделанные. Бывало, сторожа запьют, испортят всё. И ум тоже.

Вот так на Руси цари с худым умом и появлялись. Шибко народом были недовольны.

– Мы вам права всякие даём, крепостное, например, первую ночь у жениха и то на себя взваливаем, чтоб не надсадился в неопытности, а вы всё волчьём смотрите. И захотел царь Шуйский, чтоб представили пред его неясные очи (подслеповат был) богатыря.

Слуги в ногах валяются: "Не можем, царь-батюшка, больно грузён, а сам не идёт".

– Купить его! – гневается царь. – Послать ему обоз дорогих одёж да вкуснятины всякой, да заморских вин. Куда денется?

У слуг голова хоть пуста и нечесана, да своя, а потому жаль. Отправились царску волю исполнять.

Выехал как-то Волька на обрывистый берег; видит: из-за излучины струги несутся, хоругви царские. Спустился к Сухоне на всякий случай. На Руси ворьё да жулики под царскими хоругвями не редкость. Дьячок ещё учил: "Доверяй, да проверяй".

Подплывают. Народ с Городка увидел – и вниз. С переднего струга из пушки пальнули: не поймёшь, то ли здороваются, то ли пугают.

Пристали. Струги в резьбе крашеной, на носгах то зверь диковинный, то баба голая в полурост. Плевались крестьянки, а мужики рты разинули, зенки выпучили, словно век не видали.

Вышел на берег царский воевода. Давно ли у Шуйского сапоги лизал, в

пыли валялся, а тут как подменили. Голову в горлатой шапке высоко держит, сухонские камешки сапожком сафьяновым попинавает. Влез на большой дресвяной камень, достал из-за пазухи свиток, верёвочкой золоченой перевязанный, развернул. Осмотрел народишко и закричал со скрипом, что тебе колесо немазаное, царский Указ читаючи.

Так, мол, и так. Я, царь Шуйский, дарю богатырю Вольке, холопу моему, кафтан верхний, крытый испод куничий с ферязью¹ с моего царского плеча — одну штуку, да юпки² четыре кружевные, золотом шитые, да три белых юпы, да саблю персидскую с ножами, камнями зело украшенными, — одну.

Да ещё шлю тебе, холопу моему, стерлядей копчёных малой соли — аж двадцать голов, языков палтусиных, мороженных — две бочки, вина заморского кислого — три бочки, да пряников в перцу — мешок ряженный, да конфет разных заморских — два суконных мешка. И еще дарю тебе, холопу моему, мошну рытого бархата³ и в ней сто рублёв, и беру тебя на свой кошт. И за царски мои милости идти тебе, Волька, на Волгу-реку, где народишко страсть как разлютовался и царствия моего не приемлет, указов не исполняет и дворян моих и слуг их колотит, чем попадая.

Тут выбегает дьячок Антип и, подняв руки к небу, голосит:

— Господи! Ты посмотри, что деется, последнего богатыря забирают! Не ходи, Волька, не ходи, и всё! Подальше от царей — голова целей. У нас ратных дел невпроворот: в лесах шпана русская да немецкая шныряет, как без тебя Устюг воеводы оборонять будут? Я тебя еще грамоте да счётам не обучил, облапошат царски прихвостни за милую душу!

Оглянулся к воеводе: сам маленькой, востроносый, кулачки, что у ребёнка, а как закричит, откуда и голос взялся:

— Не отдадим Волю! Всё своё обратно забирайте, а Волю не отдадим!

А потом к народу:

— Не отдадим, христиане!

И вздрогнули сухонские скалы, и вода покрылась рябью от единого возгласа:

— Не отдадим!

---

¹ ферязь — мужское долгое платье с длинными рукавами.

² юпка — летняя суконная одежда мешком.

³ рытый бархат — вышитый, узорный бархат.

Струхнул воевода, слез с камня и, угрожая, взошёл на струг. Не будь богатыря, показал бы он этим горлопанам "не отдадим" и дьячка бы на реe вздёрнул. Но с богатырём шутки плохи!

Угрюмо провожала толпа отчалившие струги, уходящие в Устюг.

Говорили потом, побоялся воевода к царю без Вольки вернуться. Продал в Устюге струги, купил коней и тоже в разбойники подался. Да...

Андреевич задумчиво посмотрел на светлеющее небо.

— Да... Злопамятные цари были. Понимал народ, что не простится им непослушание. Так оно и вышло. А пока единственным утешением было то, что передний царский струг с подарками напоролся на камень, и испуганные слуги сбежали с него, взяв с собой самую малость. Волька вытащил на берег суденышко. Дьячок Архип разделил всё добро по едокам, только саблю персидскую продал устюгским купцам. На те деньги справили Вольке красный атласный плащ и другую одежду, да купили Огоньку сто насыпок овса. Вроде бы всё и ладно, но беспокойно в сердцах у Белого и дьячка: не простит царь неповиновения. Одна надежда — Волька.

...То не раненый лебедь горячую рану водой лечит, то девица наша, Настенька, на камешке сидит, смотрит вдаль на тот пережат, где потеряла она тятеньку и двух братьев.

И слышится ей, будто зовет её голос младшего братика:

— Что ж ты, Настенька, меня покинула? После смерти матушки разве не ты была моей защитницей и спасительницей?

Разрывается сердце девушки от таких слов, плачет она — не наплачется. Броситься бы в воду! Да разве поможет это, да и Богу разве угодно, коль оставил он её жить? Кричать хочется, да что толку от крику-то? Да и нехорошо кричать — вон Волька на скале сидит, услышит ещё. Стыдно. В последнее время шибко привязались они друг к другу.

"Жалеет он меня, что ли?" — подумала Настя и всмотрелась в свое отражение на воде. Убрала капельки слёз, остановившиеся на щеках. Вон носик, каким сапожком! И щёчки в ямочках. А веснушки, как золотинки на форельей чешуе. Прядь вот седая, как ни прячь её, а все равно видится. В общем, ничего особенного.

Взглянула вверх. Воля в блестящей атласной рубахе спускался к ней.

Покраснела вся. Поди ногти на ногах и то красные! Куда деваться-то? Вдруг люди их рядом увидят!

Встала, пошла вверх по Стрельне, будто дело у неё там. Волька понял,

остановился. Снова сел над обрывом, ноги свесил. Догонять не стал – побежит, упадёт ещё. Недавно два лося упали – разбились насмерть. А он как-то весной на этой скале ветреницу для неё собирал. Всё думали, убьется, а он хоть бы что. Улыбается только. У всей деревни на виду подарил те цветочки, и платок ещё снял, говорил, такие волосы должны людей радовать, а не под платком взаперти сидеть. Стыдно-то!

Но Вольке никто не указ, да и было в его ухаживании больше похожего на братское сочувствие к Настеньке, чем взрослой любви.

Как-то раз на Сивежском мысу собрались мужики и бабы с Норовицы, Студёного, Городка сенокос завершать. Посидели, обо всем, вроде бы, поговорили и разошлись по наделённым участкам. А Волька хорошим косцом был. Коса в сажень самоковка, никаких кустов не признавала. Идёт Волька прокос, немудрёные песенки напевает. Всё, за что ни берётся, легко ему.

А жила на Норовице вдова Нюрка-Дорофеиха – черноволоса да черношара. Лицо без белильницы – белое, чистое, щеки без румяницы румяные, брови, что соболи, без сурьмы черны, губы сочные, зовущие. А статью её и сравнить не с кем. И до того обольстительна, чертовка, что местные монахи, увидев её на улице, в сторону, крестясь, уходят, будто туда им и надо. Проезжие попы, бывало, вперятся в неё глазами и все заповеди забудут. Поговаривали, что знает она с нечистой силой: порчу или приворот могла навести.

Как-то увидела Нюрка Волю. Вспыхнул в глазах её чёрный огонь, способный спалить любую мужскую душу. И пошёл бы тот мужик в пропасть, в геенну огненную, лишь бы видеть эти зовущие глаза, губ ярких коснуться, а потом хоть умереть. Умереть от любви! Вот счастье-то! Знала Нюрка силу своих чар, не одного мужика погубила, а потому уверена была – не устоит Волька.

...Отросило. Присели крестьяне отдохнуть. Только Воля, не знавший усталости, продолжал окашивать мыс вдоль ивовых кустов, вот уж и из виду скрылся. Не заметили, как черной кошкой метнулась за ивняк Нюрка. Забежала вперёд, предугадав Волькин прокос, и, когда богатырь поравнялся с ней, бросилась к нему на шею, рискуя быть раненой саженной косой. Прилипла к богатырскому телу, впилась в полураскрытые Волькины губы и, срывая одной рукой свою кофту, прижималась горячим телом

и шептала ласковое, страстное, волнующее... Волька, опешив, придерживал её на весу, а Нюрка болтала ногами и клонила богатырскую шею, чтобы коснуться земли. Но молод был Волька, не понял он страстного вдовьего призыва. Осторожно отцепил объята, поставил Нюрку на землю, поднял упавший на некошеную траву платок и хотел уж вести её к отдохавшим. Но вырвалась баба, обозвала "пнём" и метнулась в лог, ломая пахнущую мёдом таволгу.

Не знал Волька, какого врага нажил он в этот вечер. Да...

— Ну что, робята, будем домой собираться? — обратился к нам, обо всём забывшим и заслушавшимся, рассказчик.

— Андреич!.. — простонал Миша. — Вечно ты на самом интересном останавливаешься! Никуда не денутся волки! Расскажи уж до конца.

— Ну, ладно, ладно! "Взялся за гуж, так не говори, что не дюж". Доскажу. Афанасий Андреевич поправил обогретое место и продолжал.

Прошёл еще один год. Волька работал за семерых. Дьячок, поучавший его чтению да арифметике, больше всего напирал на изучение молитв и православных обрядов. Он и подсчитал, что в это лето вновь приедут царские струги, чтобы наказать крестьян и забрать Вольку. Но лето началось, а царевых воевод с войском не было.

Настенька из угловатой девчушки-подростка выправилась в красавицу с золотистыми, как свежая ржаная солома, волосами, с мягким тёплым взглядом зеленоватых глаз и с улыбкой, открытой и нежной, от которой на щёчках её появлялись ямочки.

Быстро научилась она крестьянскому рукоделию, и Авдотья не могла ею нахвалиться.

Однажды Волька ловил "курочкой"¹ хайрузов, а Настенька полоскала бельё с осинового лавинки². Дьячок потом в назидание всем говорил: "Есть Бог, есть. Не он бы, потеряли Настеньку навсегда".

Занятые каждый своим делом, девушка и богатырь не оглядывались по сторонам. Но вдруг набежало синее облачко на солнышко и потемнело даже. Волька взглянул сначала на небо и уж хотел продолжить рыбалку, но бросил взгляд и на Настеньку. Силён был богатырь на сердце, но и оно захолонуло: в семи саженях от девушки, елозя брюхом, по кам-

---

¹ "курочка" — небольшая сеть для ловли рыбы.

² лавинка, лава — переход из досок через речку.

ням в открытую подползал к ней громадный, седой шерстью медведь.

Разбрызгивая воду, в пять прыжков оказался Воля между Настей и медведем. Зверь все-таки рванулся к девушке, но как-то неловко, боком, и попал в могучие Волькины руки. Острые когти впились в ребра богатыря, но в следующее мгновение медведь завис в воздухе и был брошен в Стрельну, как бестолковый щенок. Он тут же выскочил на противоположный берег и, тяжело ухая и отфыркиваясь, бросился наутёк. Волька успел увидеть, что правой задней лапы у зверя не было. "Оставил в капкане", — подумал богатырь и оглянулся к Настеньке.

Та лежала на камнях в глубоком обмороке. Лицо её было бледно. Даже губы побелели. Волька набрал пригоршни воды и брызнул в лицо Насте, потом схватил её на руки и стал качать как маленькую. Настины щеки постепенно зарозовели. Придя в себя, девушка забилась, словно пленённая птица, пытаясь высвободиться из крепких рук. Богатырь отпустил её там, где редкая трава пробивалась сквозь каменистый берег.

Всё бы хорошо, но после этого случая, видимо от пережитого страха, то ли Нюркиными стараниями, становилось иногда Настеньке плохо: она бледнела, ходила как отрешённая, не узнавала и не понимала никого, даже Авдотью. Приглашали знахарок, да всё впустую. Говорили о каком-то праведнике в Устюге, мол, тот обязательно вылечит.

Дьячок Архип выпросился в Устюг. Пешком сходил, а так быстро, будто ангелы его несли. Вернулся с тремя вестями.

Первая была худой: через Вологду добиралось к Городку царское войско с указом Волю заковать и доставить к царю. Крестьянам, в связи с царской милостью, дать только плетей, сколько — в указе не прописано. По здоровью, мол, и секите. О Вольке ещё сказано: коли доставить живьём не сможете, то убейте и сердце богатырское царю доставьте.

Не верилось хилому Шуйскому, что не перевелись ещё богатыри на русской земле.

Вторая весть была загадочной: мол, растёт на правом берегу Сухоны, недалеко от Исад чудо-цветок. Называется "венерин башмачок". Знахарки и раньше о нём поговаривали, но то, что похож он на туфельку, что цветёт раз в восемнадцать лет и что счастье приносит тому, кто его найдёт, держали в тайне. Таили и то, что рвать цветок ни в коем случае нельзя. Погибнет он, да и тому, кто сорвал, несдобровать. Да...

После своего "да" Андреевич хитро прищурился:

— А ведь этот цветок и сейчас там растёт. Сам видел. От того и фарт охотничий имею.

Третья весть, что дьячок принёс, Вольку больше всех обрадовала: живёт, оказывается, в Устюге старец, Богу молится, кусочками перебивается, а от любой болезни излечить может.

Волька — к Белому:

— Отпусти цветок поискать, тут недалеко, быстро вернись!

Белый возразил:

— Архип сказал, цветок раз в восемнадцать лет цветёт, а вдруг не время ещё? Зря проболтаешься. Пойдите-ко с Настенькой в Устюг. К старцу, вдруг поможет. Видишь, извелась вся от болезни.

Смутился Волька от слов Белого:

— Да я что, я согласен. Настю в Устюг сведу, мне её тоже жаль. Хоть сейчас пойдём. Разреши только.

Дьячок откуда ни возьмись: "Отпусти их. Обратно, если берегом пойдут, могут и цветок отыскать".

— Пешими идите, — наказал Белый. — С Огоньком вы шибко заметны.

— Да не всем верьте! — всунулся дьячок. — Осторожней надо.

Собрали узелок с хлебом-солью и пошли Воля с Настей в дальний путь.

Узнала о том Нюрка. Запрягла вечером кобылу свою чёрную и понеслась навстречу царскому войску. Нашла на Солотном. Расположились те у Васькиного ключа. Остужают в нём брагу и пьют, струги к ломам привязаны, воевода только и потрезвей.

Набросилась на него:

— Чего дурня валяете? Ушел Волька в Устюг. Это вам на руку. опередить его надо, как назад пойдёт.

Воевода вроде бы и согласен, только ратники едва шеперятся. Да и куда торопиться-то: лето — благодать, жить да жить, а тут налетишь на богатырский кулак и шабаш — взлетишь в Царствие Небесное. Да и кто, к примеру, в Москве баб и девок любить будет? — рассуждали между собой вояки.

— Нет, нам торопиться никакого удовольствия нету.

Нюрку еще по пути обматерили. Но на третье утро велел воевода двух пьяных повесить на колодезном журавле — враз все протрезвели.

Тем временем Воля с Настей в Устюг пришли и старца на Набережной отыскали быстро. Взглянул тот на них и побледнел.

– Девуцу вылечу, – говорит, – а как тебе, богатырь, помочь, не ведаю. Бабе сатанинское колдовство сильнее моего будет.

Рассмеялся Волюшка:

– А мне-то чего помогать, здоров, слава Богу. Настеньке помоги, отец, а я сам справлюсь.

Покачал головой старец. Увел Настю в церковку. И пока Волька удивлялся городским порядкам да строениям, приглядывался на торговой площади к диковинным товарам; вот уж Настя и обратно вышла. На щёчках румянец, какого давно не было. Личико просветлённое. Только глаза грустные.

Переправились они на Дымковскую слободу, подхватил Волька Настю на руки, да и донес до устья Шиленьги.

Только и Нюрка зря времени не теряла. Послала в деревню Ровдино свою двоюродную сестру с наказом завести богатыря и Настю в дремучий лес, якобы за венериным башмачком. Мол, сама видела, что расцвёл. А царские ратники там уж своё дело сделают.

...То не ласточки-береговушки синюю водицу на лету пьют, то царские воины посылают свои стрелы в полузатопленную барку. Стрелять учатся, чтоб богатыря ослепить и осилить. То не кузнечный молот, лемех правя, звенит, то куют царские слуги кандалы из судовых цепей, замки гнут, проверяют.

Не знают о том Воля и Настя, стремясь домой. Скучают уж по серебряной, говорливой Стрельне. Не знают и о беде, их в первой ровдинской избе поджидающей.

Пьёт Нюркина сестра пятую чашку морковной заварки. Уж темнеть стало, когда путники именно в эту избу зашли. Тоже присели за стол, кляточку попить. А злодейка Нюркина под ноги стелется, про цветок рассказывает, говорит, что ночью он еще басее¹ и пламя от него разноцветное горит. А что зацвёл, так сама видела, когда в Ровдино через "круговую" шла.

И всё-таки путники решили переночевать. Тёмную душу да в тёмную ночь разве разглядишь? Нюрка ночью сама в Ровдино принеслась. Посудачила с двоюродной тайно и обратно – к слугам царским. Блеснули в ночи Нюркины зубы, когда улыбнулась, радуясь, что всё как по маслу

---

¹ басее – красивее.

идёт. Иногда и по-другому думала, жалела Вольку, но... попала вожжа под хвост. Не мне – так никому!

Утро туманное было. Белым молоком сухонское русло до краешков заполнено, лесные лога словно саваном укутались. Вышли рано, далекомько всё-таки через Кичугу до Городка, а тут ещё к цветку крюк изрядный придётся делать. Нюркина злодейка впереди, согнувшись, семенит, словно крот по жухлой траве катится.

Зашли в "круговую" и уж спускаться стали в безымянный ложок, как упала на богатыря плетеная веревочная сеть, разом сброшенная затаившимися на стволах деревьев стрельцами. Десятки стрел впились в лицо, глаза и ослепили его. Рванулся богатырь, разорвал сеть, крикнул: "Беги, Настенька!"

На ошупь выхватил ель с корнями, хотел размахнуться, да мешали другие деревья, а враги уж весили кандалы на руки, путали веревкой ноги. И упал Воля и, падая, раздавил растерявшуюся Нюркину посланницу. Настенька успела убежать за ручеёк и спряталась в колючей еловой подсаде. Её никто не искал. Все царевы слуги, ещё недавно дрожащие от одного слова "Воля", кололи богатыря копьями, били ногами, плясали на поверженном теле.

Воевода понимал, что не вывезти из леса могучее тело. Приказал разрубить грудную клетку, вколотить под ребра крючья и разорвать лошадьми, оголив сердце. Так и сделали. И вдруг освобождённое сердце начало расти на глазах изумлённых врагов. Многие из них бросились врассыпную, некоторые потеряли рассудок, а сам воевода вскочил на коня и гнал его, пока не завяз в болоте.

Сердце билось и росло ещё долго, но, наконец, замерло. Стало холодеть, превращаясь в камень. Видимо, так Богом положено: чем нежнее и добрее сердце, тем быстрее каменеет оно от несправедливых обид.

Вечером всё стихло. Настенька вернулась. То, что она увидела, снова пошатнуло её ум. Не обращая внимания на застывающую кровь, прижалась она к теплому ещё сердцу и долго рыдала.

Слезы её, объединившись с водой лесных ручейков, превратились в неугомонную речку Гремячу.

И сейчас, когда рыбаки или туристы ночуют в устье её, слышат то громкий смех сошедшей с ума девушки, то тихий, проникающий в душу её плач. Говорят – это зависит от погоды. Да...

Вот такая грустная история, ребята.

Афанасий Андреевич встал и засобирался. Мы попрощались с ним и вышли на тропу. Когда я оглянулся, охотник, прихрамывая, уже шёл редким сосновым лесом. Он выбрал для себя именно этот путь и никогда о том не жалел. Где-то за облаками падали в никуда уставшие звёзды. На земле то тут-то там вспыхивали губительные войны, менялась политика, приходили и уходили вожди с неосуществлённой мечтой осчастливить народы. Улыбались и плакали дети. Но для уходящего кромкой болота старого охотника словно ничего не существовало. Он преодолевал знакомый путь и радовался, что в силах это сделать, несмотря на трудные голодные годы детства, раннюю инвалидность и не всегда щедрый охотничий хлеб. Наверное, он был счастлив. Да и как же иначе, если ему одному из многих показался редко цветущий венерин башмачок.

А недалеко от моей родной деревни лежит камень-сердце. Молчит. В юности мы любили приходить к нему. Карабкались по его богатырским бокам, чтобы видеть целиком и удивляться его громадности. Трудно представить, что когда-то камень был человеческим сердцем. А может быть, первый составитель легенды объединил в образе наивного Волиного сердца доброту, силу и жертвенность всего нашего народа? Да у кого спросишь?

2007 г.

*Кто в море не бывал, досыта
Богу не маливался. (В. Даль)*

МОЛИТВА

Бывшая деревенская учительница Юлия Григорьевна в свои семьдесят два года, часть из которых была пронизана голодом и холодом военных и послевоенных лет да вдовьей судьбой, с завистью смотрела, как собираются за клюквой молодые бабы и девки.

Ох, сбросить годочков десяток, показала бы она этим хохотушкам, как надо ягоды собирать? Смолоду получалось у неё это лучше всех в деревне. Подружки говаривали матери: "Ну и Юлька! Ягоды двумя руками собирает, да ещё и ногой прихватывает!"

Бабы, словно учуяв её грустные мысли, вдруг на перебой закричали: "Григорьевна, поехали с нами. Там и идти-то до болота всего ничего. Поехали!"

Словно вожжей хлестнула мысль: "Откажусь, а потом уж, может, и не бывать".

И вдруг, неожиданно для себя, крикнула: "Подождите бабоньки! Поеду!"

Собралась, как ноне говорят, в "шесть секунд". Воккурат и машина подкатила.

Двадцать минут езды, да полчаса ходьбы до болота.

Шли споро. Но Юлия Григорьевна не отставала и радовалась в душе, что не задерживает баб.

Клюквы в первом же болотном отнорке хоть лопатой гребли. Остановились перепышкаться.

"Бабы, я, наверное, тут останусь?" — спросила Григорьевна.

"Дело хозяйское, оставайся. На обратном пути заберём. А мы ещё минут с десяток пройдем и тоже собирать будем".

Бабы ушли. Старушка, не торопясь, положила на высокую кочку завернутые в пакетик кусочек хлеба, два яйца и два помидора. Подвесила на сосновую вершинку старую газету. Осмотрелась: "Господи, день-то какой баской! А ведь октябрь уж". Перекрестилась с благодарностью и, придвинув корзинку, начала собирать быстро и чисто. Словно и не было за склонёнными над болотным мхом плечами семи десятков по-своему радостных и горестных лет.

Жаль, нет мужа. Порадовался бы столь щедрой ягоде. Вот ведь ушёл и разрешения не спросил. А словно ноги подломило. Да что ноги – в душе опоры не стало.

Достала тогда из комода старую тёмную икону, протёрла и приспособила в красный угол.

Баб поспрашивала, кто на иконе изображён? Да какие и когда молитвы читать положено?

Сказали, что на иконе Николай Чудотворец, и остальному научили.

Припало к сердцу Божье слово.

Десять лет прошло, попривыкла. Длинными зимними вечерами, когда уж вовсе неумоготу было, перечитывала Алёшины письма с фронта.

Одно особенное, как-то не по-мужицки написанное наизусть выучила. И сейчас душу греет.

– Юленька, золотиночка моя, здравствуй! Вчера по-настоящему понял, как хрупка человеческая жизнь, и побоялся, вдруг не успею сказать тебе тех главных слов, которые стеснялся говорить в довоенной жизни. Чем дольше длится наша разлука, тем чаще мысленно бываю там, где впервые почувствовал нежную робость твоей любви. Слава Богу, я ни разу не обманул её. Вспоминаю до подробностей те слова, которые мы шептали друг другу. Наверное, сейчас новые влюблённые, спрятавшись в кипени весенних черёмух, слышат наши слова, могут потрогать и повторить их. Я знаю, что именно ими пронизана вся наша земля. Каждая травинка, каждый окровавленный камень морской прибрежной полосы, на которой ещё вчера шёл бой, и даже палуба грозного, стоящего на рейде корабля. Штормовые, солёные волны не в силах их смыть. Да и как смыть то, что до последнего вздоха живёт в человеческой душе. Знаю, как тяжело тебе с двумя малышами. Пиши, как с питанием? Можно ли прикупить семян картошки. Её надо обязательно посадить. При первой же возможности вышлю денег. Мне-то они и нужны только на махорку. Мамке моей скажи, что сварливость ей воздастся. Если в "роно" поспедействуют, переедь по зимнику к своим родителям. Учителя и там нужны. Алексей.

Юлия Григорьевна осмотрелась. Проверила, в какой стороне газета. Вдалеке перекликались бабы. Взлаяла собака и с шумом над самой головой Григорьевны пролетел тяжелый одинокий глухарь.

Радостно на сердце: ягод в корзине на три дранки. Всем хватит: и детям,

и самой останется на кисели. Склонилась вновь. Руки собирают ягоды. Мысли ворошат прошлое.

Одно другому не мешает.

Молодая лайка выбежала из предболотья, увидела качающуюся на вершинке газету и бросилась к ней. Охота оказалась удачной: хлеб, яйца съела, куснула и помидоры, но не понравились; скатила лапой под кочку. Газета качалась, приглашая к игре. Собака подпрыгнула, легко стащила её и, мотая головой, разорвала на мелкие кусочки. Посмотрела в сторону увлечённой сбором Григорьевны и, словно осознав вину, пустилась своим следом наутёк к хозяину.

"Весна да осень – на дню погод восемь", – говаривали раньше старики.

Когда старушка в следующий раз подняла голову, то не увидела ни газеты на сосенке, ни солнышка в небе. К тому же сменился и усилился ветер, да и попутчицы вдруг замолчали.

– Доберу корзинку и пойду на тропу, – решила про себя Григорьевна". Бабы, всяко, не оставят". Долго ли ещё собирала, таская ставшую тяжёлой корзину за собой, вспомнить потом не смогла. Но как-то враз навалилась усталость, ноги путались в кочках, а то и проваливались в торфяную грязь. Решила отдохнуть. Поставила корзину повыше, наломала и постелила на кочку сосновых веток, чтобы зад не подмочить, и села опираясь спиной на невысокие сосёнки. Задремала сразу, видимо, по привычке; дома тоже, пообедав, любила отдохнуть. Сквозь сон слышала чей-то призывный крик, но не проснулась.

Бабы, потеряв свои заломки, сбились с направления и, черпая короткими сапогами болотную жижу, с трудом вылезли на тропинку совсем не в том месте, где оставили Юлию Григорьевну. Покричали, походили по тропке туда-сюда и, решив, что старушка давно ждёт их в машине, пошли к дороге. Короток октябрьский день. Пока вышли на дорогу, уже настоящему смеркалось. Григорьевны не было, но оставалась ещё надежда, что подобрала её попутная машина. Надежда была слабой. Так, для очистки совести. А потому поехали сразу к её дому, а потом к сыну и всё рассказали. Но было уже темно: "Выткни глаз". Потому искать решили утром. Так и осталась Юлия Григорьевна одна на сырой болотной кочке.

Проснулась оттого, что холод пробрался не только в сапоги, но и под фуфаячку.

Всполошилась. Крикнула несколько раз, но никто не ответил в сумрач-

ном промозглом лесу. Осмотрелась ещё раз, надеясь на чудо. Но не признаков тропинки, ни газеты не увидела. Ужаснулась вслух: " Как же я сейчас? Неужто ночь на болоте коротать? Умру со страху. Мало ли молодых и здоровых в лесах гибнет? А я разве выдержу?"

Юлия Григорьевна вновь ощутила своё безысходное сиротство. Что-то подобное с ней уже было в день похорон Алексея, когда с поминок все ушли, и она, оставив на дочерей уборку и мытьё посуды, незаметно прошла в боковушку, вальнула на застеленную кровать и сдвинула зарыдала. Всё было в той ушедшей навсегда жизни, но услужливая память выбирала сейчас только хорошее и от понимания, что ничего подобного уже не повторится, становилось еще горестнее и больнее.

Робко скрипнула дверь, зашлёпали по полу босые ножки, и двухлетний внук ткнулся пушистой головушкой ей под грудь. Опираясь на постель, подтянулся, прилип губками к щеке и вдруг, отстранившись, спросил:

— Ты плачешь, да? У тебя щека солёная. Я, когда плачу, тоже солюсь. Поедем к нам жить. Печку большую возьмём и поедем. Ты будешь блины и оладушки печь. Поедем, а?

И шмыгнул носиком.

Юлия Григорьевна поднялась, подхватила внука на колени, и хоть слёзы вновь покатались по её морщинистым щекам, она почувствовала, что это были совсем другие слёзы.

Поставила внучка на пол, взяла за ручку и, оттого немного успокоившись, сказала:

— Пошли-ко, голубок мой, Ванечка, к маме на кухню. Мне уж и обраться пора.

И они вместе шагнули в другую, ещё незнакомую жизнь.

Нет сегодня внука Вани. Кричи, не кричи, не услышит из далёких неродных краев. Выгнали молодых из деревень, оставив на одряхлевших, заросших крапивой улицах, да в редких жилых домах вечную, неутолимую родительскую печаль и непреходящий страх за своих детей и внуков.

Юлия Григорьевна ещё раз с надеждой огляделась и пошла наобум. Лишь бы с болотной сырости засветло выбраться. Заломила несколько вершинок молодых сосёнок, чтобы корзину найти. На пакость пошёл дождь. Крупные, холодные капли его, казалось, прожигали насквозь. Так и шла с единственным желанием достичь сухого места. Грозно шумел лес. Вдруг словно железная рука зло и беспощадно сжала грудь.

– Вот и сердце не выдержало, – горько и отчуждённо, словно речь шла не об её сердце, прошептала и истово перекрестилась. Вспомнила вдруг: "Валидол в пакетике в кармане фуфайки". Нашла, разорвала пакетик, нащупала таблетки и положила в рот сразу две. Оперлась на деревце и замерла. Сколько стояла, понять не могла. Но ослабла железная хватка. Поплелась, видя перед собой лишь торчащие на фоне темнеющего неба вершины больших деревьев.

Вышла на светлый, даже в ночи, белый, боровой мох. Нашла одиночную невысокую ёлочку. Из последних сил наломала сырых холодных веток, бросила поближе к стволу и упала на них, уже не веря в спасение.

Пока шла, ноги согрелись, и, свернувшись клубочком, Юлия Григорьевна попыталась заснуть.

Дождь разошёлся, пробивая слабую крону боровой ели.

"Только бы не снег", – шептала, вжимаясь в подстилку, старушка. А то утром и тропку-то завалит. Тогда уж точно смерть. Вот ведь, когда прихватывало здоровье, звала её и ничуть не боялась. Но так вот, не по-людски, не хочется. Конечно, на утре пойдут искать и найдут и обрядят, как следует. Но лучше бы дома. Да и за какие такие прегрешения ей это наказание? А как не найдут? Растащит волчье по сузёмам. И будет её сиротливая душа мотаться по лесам и весям в вечном поиске успокоения.

Тёплые струйки слёз робко спускались к старушечьим губам. Приподнялась, поправила подстилку. Села, опираясь на еловый ствол. Ноги вновь стали мерзнуть. Но ещё холоднее было на душе. Резкий треск одряхлевшего на корню, падающего дерева пронзил страхом всё существо Юлии Григорьевны. Мысли о том, что она погибнет в ночном лесу, заставили снова вернуться в прошлое и лихорадочно вспоминать, за что всё-таки ей такая погибель?

Всю жизнь учила деревенских детей. Да своих шестеро. Шутка ли, в такие годы одеть, накормить. А как, повзрослев, разъезжались дети из родного гнезда? Каково материнскому сердцу, кровинок своих, на чужбину отпускать? Скулила ночами тихонько, чтобы не разбудить мужа. Забудется иной раз ненадолго и сразу сон: таскает в своё гнездо чёрно-белая собака утопленных и зарытых соседом щенков. Слышится ей даже, как воскреснувшие от материнского тепла попискивают собачата. Страшно. А вдруг с её ребятами что-то случилось, а её и в завидании нет. Рядом бы

была, неуж хуже собаки? Кровь бы свою до капельки отдала, лишь бы жили. Тайком, чтобы народ не увидел, к гадалке ходила. Та маленько успокоила: хорошо, что собака пёстрая и что щенята оживают. Прибаливают, мол, иногда дети, но излечатся. Болезни у них от тоски больше. Привыкнут, и всё наладится. Худо, кому чёрная собака, мёртвых щенков таскающая, во сне привидится. Тогда большую беду жди. Не находила Григорьевна больших грехов в прошедшей жизни. Всё отдала своим и чужим детям. Себе оставила немножко, чтобы посмотреть, как оно дальше-то будет? Только чужое пришло время, непонятное.

Всё деньги, деньги! Нет. Не приходили на память грехи. Зато в тайниках страдающей, испуганной души неожиданно родилась молитва. Ей даже показалось, что кто-то тихо читает её, а она повторяет:

"Ангеле Христов, хранителю мой святой и покровителю души и тела моего, вся ми прости, елика согреших во днешних день, и от всякого лукавствия противнаго ми врага избави мя, да ни в коем же гресе прогневаю Бога моего, но моли за мя, грешную и недостойную рабу, яко да достойна мя покажещи благности и милости Всесвятыя Троицы и Матере Господа моего Иисуса Христа и всех святых".

И надо же, дождь перестал, но донимал дующий с болота низовой ветер.

Встала, походила по боровинке взад-вперед, согреваясь. Помогло. Стало чуть теплее. Зубы, по крайней мере, уже не выбивали дробь.

— А может, и ничего, перемаюсь, как-нибудь до утра, — услышала Григорьевна собственный голос и испугалась его. Прилегла. Невидимые капли прошедшего дождя лениво падали с деревьев. Забылась, видимо, потому что разбудивший её плеск воды за спиной оказался совсем рядом. Вжалась в подстилку, насколько могла, и крестилась, крестилась, на одну лишь Божью волю уповая.

Кто-то громадный и тяжёлый, отряхнувшись на боровинке, прошёл близко. "Леший, наверно", — подумала Григорьевна, и страшно стало от собственной мысли. Вспоминались леденящие душу рассказы о "нечистых". Слезы вновь засолонили губы, а она лежала и боялась их вытереть. "Хоть бы кто-нибудь помог. Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешную", — дрожащими губами, раз за разом причитала Григорьевна, мелко крестя себя спрятанной под фуфаячку рукой. Услышала, как "леший", громко сломав ветку, начал удаляться. Радоваться боялась. Вдруг обманывает нечистый. Вернётся и утащит в сузём, а там-то уж её никто не найдёт.

Стихло. Немая и слепая ночь хранила свои тайны. Григорьевна отлежала бок и хотела повернуться и только тут почувствовала, что сжатая в троперсть ладонь под телогрейкой всё ещё свершает крестное знамение. Достала руку и невольно, но уже размашисто от плеча до плеча перекрестилась. Вытерла слёзы. Вальнулась на другой бок.

Со страхом и недоверием вслушивалась в ночь. Прошло какое-то время, но никто не нарушил ночного покоя, и Юлия Григорьевна, утомлённая усталостью и переживаниями, вновь вздремнула.

Приснилось ей, что она ещё совсем молоденькая в гостях у бабушки, сидит у окна и наблюдает, как по их дому ходят чужие, вооружённые люди. Что-то ищут.

Бабушка плачет в кути. Дед сидит на пороге и тяжело с придыхом тянет из трубки махорочный, едкий дым. Он бригадир и украл, как она поняла из разговоров военных, мешок муки. И вот сейчас дед, не раз рисковавший жизнью ради новой жизни, лично знавший Будённого и прошедший в его армии от Туркестана до Перекопа, сидел и, склонив голову, оправдывался перед молодым, холеным "сосунком" с наглыми бесцветными глазами. Юле было жаль деда. Да и если бы в доме была мука, не ели бы они лепешки из травы. Грохот на чердаке и мат отвлекли её от рассуждений. Выскочила в сени, поднялась на чердак и увидела отряхивающегося от пыли военного.

"Немедленно сжечь!" — скомандовал тот, показывая на разваленную стопку икон. Схватил пачку образов и выбросил в слуховое, открытое для проветривания окно. И вдруг на него напала какая-то необъяснимая ярость: он топтал иконы, многие из которых были застеклены и украшены стеклянными, разноцветными шариками, ломал через колено и, матерясь, выбрасывал. Юлька метнулась в куть:

— Бабушка, что делать? Он велит все иконы сжечь!

Та, к её удивлению, даже не оборачиваясь, как-то обыденно, будто речь шла о куче тряпья, сказала:

— Делай, что говорит, и не реви. Бога не сжечь. Баню истопи. Деда заберут, наверно.

Юлька плакала и носила в баню разбитые иконы. Потемневшие лики святых смотрели на неё спокойно и мудро. Растопила берестой печку, сняла с икон уцелевшие шарики, серебром отливающую бумагу и едва заставила себя бросить первую доску в топку печи. Бросила с опаской, но

ничего страшного не произошло. Пламя лизнуло сухое дерево, жадно за него ухватилось и, превращаясь в крупного рыжего зверя, с рёвом метнулось вглубь печи.

Юля подбавила дощечек и закрыла печную дверку. Ещё раз перебрала иконы. С последней, словно из тёмных сумерек, смотрели на неё пронзительные чёрные глаза святого. Она отвела икону влево, затем вправо, но глаза неподвижно смотрели на неё. Юльке показалось, что там, за иконой, спрятался кто-то живой. Она не бросила эту икону в печь, а укрыла её в дровах, уложенных в предбаннике. Разные мысли крутились в девичьей голове. С одной стороны, она уже второй год комсомолка и не раз выступала на собраниях о необходимости борьбы с "опиумом народа". Но, когда ей приходилось бывать в разорённых церквях, она с трепетом и благоговением рассматривала искусно вырисованные, потолочные и настенные фрески, рассказывающие о житии святых.

Ей не верилось, что можно было усилием одной лишь выдумки изобразить никогда не существовавшую жизнь со всеми её тонкостями, человеческими скорбями и радостями.

Это настораживало, но как добросовестная атеистка она заучивала молитвы, чтобы по совету историка, расчленив их на отдельные выражения, доказывать своим слушателям, чаще всего пришедшим на школьный концерт землякам, что Бога, которому они преклоняются, нет и не может быть.

Открыла печную дверку. Дощечки догорали, постреливая искрами и пощелкивая. Не грели. Юля протянула руки к пламени, но стало еще холодней. Ужас охватил девочку, и она закричала:

– Господи, прости меня и спаси!

Юлия Григорьевна, не понимая, где находится, услышала последние, полные отчаяния, слова комсомолки Юли. Вытянутая вперёд правая рука совершенно окоченела и не слушалась. Содрогаясь от холода, попыталась встать, но ничего не получалось, занемевшее тело, казалось, уже стало частью боровой холодной земли.

От страха снова, почти не осознавая, шептала молитву. Блеснула мысль: "Как хорошо, что в юности она выучила их много".

"Царица моя преблагая, Надежда моя пресвятая, приятелище сирым и странным заступнице, бедствующих помощи и озлобленных покрове, зриши мою напасть, зриши мою скорбь; отовсюду искушением одержим

есмь, а заступающего несть. Ты убо Сама помози ми яко немощну, окор-ми мя яко странна, настави яко заблудша, уврачуй и спаси яко безнадежна..."

Юлия Григорьевна ещё не дочитала молитву, как услышала негромкие щелчки и тут же вспомнила, что именно так щелкали, разгораясь в банной печи, сухие доски икон.

Продолжая молитву, старушка поняла, что щелчки двигаются по кругу, в центре которого находится она. Но было уже всё равно. Как только одна из молитв кончалась, на память приходила другая, и она шептала её. Не заметила, как встала с подстилки и пошла по кругу туда, где слышались щелчки. Прямо идти не получалось. Едва подходила она к какой-то невидимой границе, щелчок раздавался сзади. Она резко оборачивалась, пытаясь увидеть того, кто щелкает, и снова заходила в круг. Это и спасло почти потерявшую сознание женщину.

Есть хорошее качество в нашем северном народе. Деревенские жители, узнав о чьей-то беде, всегда придут на выручку, отложив самые срочные дела.

Вечером, узнав о пропаже Юлии Григорьевны, мужики собрались в доме её сына, чтобы договориться о поисках. Засиделись, вспоминая прошлую жизнь и свою учительницу:

— Помню вот, хотя ещё в начальных классах учился, как Григорьевна целую семью спасла, — рассказывал начинающий сесть мужик с голубыми печальными глазами. — Был у нас в деревне плотник по кличке "Пашнет". Звали его так за то, что вместо вопроса "понимаешь или нет" у него эти слова таким образом выговаривались.

Узнал как-то Сашка от мужиков, что недавно приехавший к ним в деревню фельдшер обозвал его пьяню и дрянью. Надо сказать, плотник, кроме редких дней получки, был услужливым и даже стеснительным мужиком. Но, услышав о себе такое, "закусил удила" и однажды в получечный день деревня услышала его рёв "Убью!" и глухие удары топора в дверь фельдшерского дома. Сашка, хоть и пьян, рубил дверь мастерски, отщипывая щепку за щепкой от толстой кондовой двери. Народ столпился. Бабы визжали и уговаривали плотника. Мужики, потупившись, молчали. Знали зверский характер пьяного "Пашнета". И надо же, Григорьевна идёт. В руке портфельчик, как сейчас помню, жёлтенький, тетрадки под

мышкой. В толпе сунула свою ношу в чьи-то руки и напрямик к Сашке.

А в двери дыра уж с кулак. Подошла вплотную, спрашивает:

— Что обидели тебя, Александр Васильевич? Знаю, что зря обидели.

Сашка с ревом:

— Он меня, падла, за человека не считает. Изрублю! — И мат, соответственно.

— Ну, изрубешь? Посадят тебя. Кому от этого легче станет?

У тебя трое детей, да у него трое. Вместе играют, вместе в школу ходят. Те и другие сейчас от страха к мамкиным ногам жмутся. Неужто не жаль? Если уж совсем озверел, руби меня. — И платок с головы стащила.

— А лучше дай топор да пойди проспись.

Охнула толпа, когда взлетел топор над кудрявой головой учительницы, а затем тупо ударил в половую доску у Сашкиных ног. Сам он рванул рубаху до пупа и метнулся на задворки, где темнел небольшой сосновый островок.

Все видели, как опустилась Григорьевна рядом с топором, обхватила голову и задрожала в беззвучном плаче.

— А мне дочь рассказывала, — подхватил разговор мужик с окладистой светлой бородкой, — как она в забастовочный день к ним в школу пришла.

— Бастуете, говорит, девоньки? Молодцы! Только доярки, видела, коров кормят и доят. Не бросили. Жалко им, видите ли, скотину. А ведь институтов стойно вас не кончали и живут труднее, чем вы. И декабристы, помните, на Сенатской площади не заявляли: "Извини, мол, царь-батюшко, за то жалованье, которое ты платишь, мы Отечество любить и защищать не можем. Добавь хоть серебреник".

Моя вина. Чему-то я вас, девоньки, недоучила? Вот и в коммунистах бойко разуверились, как по команде. И к Богу некоторые из вас с выгодой переметнулись вслед за начальством. А я вот, старая, иногда от безделья задумаюсь, так он по жертвенности своей во имя нас грешных первым интеллигентом на земле был. Да и не обмануть его, не партком. Подумайте на досуге. И ушла. Дочь призналась, что другую бы они немедленно съели в порядке профсолидарности, а тут словно языки прикусили.

— Найти бы завтра. Пошли. Утром раньше надо, до ягодников, — поднимаясь, сказал бородатый. Все согласно кивнули и заспешили домой.

Чуть свет на поиски вышло всё мужское население близлежащих дере-

вень. Та самая лайка, которая оставила Григорьевну без ориентира и еды, нашла её, уже упавшую, в трёхстах метрах от корзины. По молодости собака взлаяла несколько раз и тут же унеслась, зачуйв убегающего по болоту лося.

Несколько мужиков повернули на собачий лай и вскоре увидели лежащую старушку. "Умерла Григорьевна, — горестно заключил один из спасателей. — Да и не шутка, такая ночь гибельная". Сняли вязанные шапочки, потупились. Затихли.

И вдруг услышали шепот: "И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим..."

Мужики бросились к Григорьевне, затрясли, пытаясь привести в себя. И только когда она со стоном открыла глаза и даже назвала мужиков по имени, два ружейных выстрела оповестили всех о спасении.

Выносили Юлию Григорьевну по двое, по очереди меняясь. Ей наверняка было тяжело висеть на мужичьих шеях, но терпела и лишь иногда, если кто-то из носильщиков спотыкался, постанывала и просила остановиться. Нашёлся термос с горячим кофе. Старушка выпила две термосные крышки и отказалась от носильщиков: "Сама, робята, дойду. Спасибо, не дали умереть старухе. Вы да Господь. Всю ночь молитвы читала".

— А чего, Григорьевна, пока болото близко, может, за клюквой, завернешь? — пошутил один из носильщиков.

— А и сходила бы, но уж не сегодня, — улыбнулась женщина и тут же заплакала. Никому в голову не пришло утешать её. Чувяли, что чистится плачем исстрадавшаяся бабья душа.

Вечером того дня, когда нашли Юлию Григорьевну, я и ещё многие владельцы коров собрались в их ожидании на крыльце бывшей колхозной конторы. Курили. Говорили о спасшейся учительнице.

— Как это она выжила? Я бы и то с ума сошёл, — начал коренастый мужичок.

Без спичек. Холодрыга. А темень, ладони не видать. Хреново! Говорят, молитвы читала. А я и не знал, что она верующая.

— Да, Тимоха, тебе бы каюк. Все знают, что ты, особенно по пьянке, кроме матюков, все слова забываешь. При злости и радости только они у тебя в ходу. Да ещё ржёшь по-жеребьячи. Вот и все твои способности.

Говоривший моложавый мужик, с тонкими, почти женскими чертами лица, вздохнув, продолжил:

– Григорьевна только после смерти мужа к Богу шагнула. Не во всем ещё могла разобраться, а потому по деревне, как иные нововерующие, с крестом не носилась.

Благодати особой от веры не ждала. Доброта в неё смолоду заложена. Дед ещё рассказывал. Заготовливали они сено на "Мауре". Вдруг выбегают из лесу четверо беглецов. В те годы с "Опокстроая" из лагеря частенько сбежали. Дед косу в небо: "Уходите, робята, зарублю. Не дайте грех на душу положить. Уходите!"

Беглецы оборванные, голодные. Видели, конечно, что дед на сенокосе один, а остальные бабы, но повернули и ушли своим следом. Так Юля, тогда ещё девкой была, с рёвом бросилась в шалаш, схватила все "мягкие", какие в холстяном мешке запасены были, и побежала вдогонку. Дед бросился ловить. Остальные бабы причитали, уговаривали. Но где там.

Пришла через час. Взглядом виноватится. В мешке два "мягка" осталось. И эти отдавала, да не взяли. Рассказывала потом: "Один молоденький такой, не русский. Хлеб ест и лепечет:

– Якши кысс! Якши кысс! (Хорошая девочка!) *Киргизский язык.*

Так что дай ей Бог здоровья! На таких земля-то и держится.

– Коровы идут! – крикнула молоденькая бабёнка в обрезанных резиновых сапогах и синей потёртой куртке. Чёрно-белое стадо вышло из-за поворота, остановилось и вдруг громко в разной замычало.

– Вишь ты! Скотины, а понимают, что сегодня последний пастбищный день, прощаются, – подгоняя корову к калитке, проговорила маленькая сухонькая старушка. И чему-то улыбнулась.

Я шёл по красивой деревенской улице и думал о Юлии Григорьевне. Каким же надо быть человеком, чтобы и через многие годы к тебе относились с искренним, неподдельным уважением. Тревожило лишь то, что только беда, с ней случившаяся, проломила лед равнодушия и невнимания. Все мы хотим быть прощёными, но не любим прощать. В последнее время люди, которые в своё время не задирались с государством, не пели, запершись, политических, кому-то неудобных песен, вроде бы уж и не люди совсем. А они, как Юлия Григорьевна, делали своё дело честно, и точно зная, что при любом строе их труд и опыт будут востребованы. Слава Богу, что таких большинство.

Вот и угор. За пойменными полями серебряной саблей блестит река.

Воздух пронзительно прозрачен, и зовущие дали бережат душу неизъяснимой и чистой грустью осени.

Рядом со мной памятник русским пахарям и сеятелям этой земли, не вернувшимся к ней из пекла беспощадной войны.

Слева едва виден другой памятник таким же мужикам, шесть веков назад погибшим за эту землю и за это неприветливое сегодня небо.

Справа внизу, за свинцовыми отблесками озёр ждёт нашего побуждения Троице-Орловская церковь.

Я часто выхожу на этот красивый угор; здесь успокаивается сердце и забывает земные тревоги. Здесь, если позволяет погода и тишина, можно услышать печальную, пронзительную, поднимающую к священному огню веры молитву. И даже мне, не верящему в чудеса, становится ясно, что кто-то ещё молится за нас, несмотря на изуродованные церкви, запущенные поля, за погубленные леса и иссохшие речки нашего детства.

Кто-то ещё прощает нас. Злых и добрых. Сильных и слабых. Всех. Без исключения.

14 декабря 2008 г.

26 ноября 2002 года художник Николай Николаевич Н. проснулся в полночь.

По старой привычке он выпил стакан кофе и, стараясь не разбудить жену, открыл дверь в мастерскую. Дверь, словно издеваясь, надсадно за скрипела, и Николай Николаевич в сотый раз поклялся смазать навесы растительным маслом.

Запах красок и клея будил в нём жажду творчества. Глаза его заблестели. Он нетерпеливо снял серое полотно и наклонился над неоконченным шедевром. Шедевр представлял нечто среднее между Кустодиевской "Красавицей" и "Большой одалиской" Доминика Энгра образца 1814 года. Вообще-то, талантливому художнику создать объединённый образ обнажённой женщины оказалось несложно: на своей картине он развернул на другой бок лежащую на тахте одалиску. Убавил несколько килограммов добротного сала и размер груди "Красавицы", забросил её ноги обратно на кровать и чуть прикрыл их одеялом. Придал плечам и шее некоторую суховатость, что, несомненно, сделало натуру похожей на наших современниц с подиумов.

Не знаю, чем уж не понравились прически "Большой одалиски" и "Красавицы" нашему творцу, но когда однажды я зашёл к нему, он старательно лепил к объединённому им соблазнительному телу голову Исабеллы Кобос де Пареель Франциско Гойи. Я тогда не дождался результата, но Николай Николаевич как-то позвонил и пробурчал, что лежащий "кентавр" (так окрестил он созданную женщину) получился на удивление оригинальным.

Он также добавил, что по прихоти жены пришлось второй план тоже сменить на современный: с левой стороны кровати он поставил стул с небрежно наброшенным красным пиджаком, а за кроватью, в легком сумраке изобразил кромку стола с пустой бутылкой устюгской водки и с бренными костями явно шекснинской копченой курицы.

Все это он говорил язвительно, и мне даже показалось, что он крепко под "мухой".

И вот именно эту картину рассматривал Николай Николаевич, охваченный творческим зудом.

Откуда-то из глубины мастерской прилетела большая жирная муха и, брякнувшись на нарисованные обглоданные кости, нагло уставилась на художника.

Николай Николаевич, придирчиво рассматривающий "кентавра", почти автоматически прогнал муху с костей и забыл о ней.

Он то приближался к картине, то отходил от неё. Передвижением торшера менял свет и, вообще-то, остался доволен.

Да и действительно, в изображении встающей по какой-то нужде красавицы не было ничего безобразного, скорее наоборот, всей своей сутью картина утверждала невинность и чистоту. И, быть может, лишь невоспитанный скептик испытал бы при рассмотрении картины легкое ощущение сдобности и вкуснятины.

Но вот лоб красавицы был слишком умён и как-то не соответствовал натуре.

Николай Николаевич ещё раз внимательно осмотрел лоб: "Да, да. Великоват!" – произнёс он вслух. И вслух же добавил: "А вот мы его так!" С этими словами художник открыл заветную шкатулку, где на дне, застеленном голубым панбархатом, лежало пёрышко от крыла вальдшнепа – мечта всех художников. Он нежно приподнял его пальчиками, сдунул несуществующие пылинки и поднес к глазам, рассматривая как величайшую драгоценность. Затем он обмакнул пёрышко в чёрную акварель и провёл по лбу красавицы несколько изящных вьющихся линий. В ту же секунду, откинувшись от картины, художник замер. Нежная прядь змейкой спадавших на лоб волос оживила шедевр и превратила и без того красивую женщину во что-то загадочное, ослепительное и даже редкое. Художнику даже показалось, что женщина улыбнулась, и он где-то видел эту улыбку. Но где? Вспоминать было решительно некогда. Николай Николаевич почувствовал себя классиком.

Напевая первый пришедший в голову мотивчик, он тщательно промыл пёрышко и поднёс его к торшеру подсушить, мысленно предвкушая, как проснувшаяся утром жена Наталья увидит картину и застынет в восхищении. И уйдут в небытие её хлесткие обидные слова – "бездарь", "писака-марака", "нищий интеллигент".

Желая быстрее просушить пёрышко и идти спать, художник ещё ближе поднёс его к торшеру. Гревшаяся на абажуре муха испуганно слетела и села на очаровательную прядь красавицы и, ползая, размазала её, превратив в вульгарную чёлку гулящей женщины.

Художник не сразу заметил это. Но, когда положил пёрышко и ещё раз взглянул на картину, схватился за кудрявую свою голову и опустился на пол.

Картина была испорчена.

Всегда добрый и тихий, Николай Николаевич взорвался и, наверное,

громы и молнии небесные были сущими пустяками в сравнении с кипящей в его душе яростью. Он гонял муху по мастерской, опрокидывая стулья, картины, краски, бросаясь кистями и тюбиками с клеем. В злом порыве он бросил на стол лист чистой бумаги и нарисовал на нем катышки конского навоза. Как заправский охотник, он терпеливо ждал свою будущую жертву, высоко подняв над головой толстую книгу "Изобразительное искусство 19 века".

Муха ошиблась и тотчас села на один из нарисованных катышков, но возбуждённый Николай Николаевич промахнулся. Шумная борьба продолжалась. На треск мебели, хлопки и грохот вбежала, придерживая над грудью ничего не закрывающую простынь, Наталья. Оценив обстановку и прошипев: "Еще один знакомый с ума сошёл от своих шлюх", — она широко распахнула жалобно скрипнувшую дверь и с размаху хлопнула ею так, что задребезжали оконные стёкла. Но муха, уже почти обессилевшая, вылетела за ней.

Вообще-то, мухи в конце ноября в наших северных краях редкость. И когда Николай Николаевич, проплакавшись от бессилия, вышел на кухню, то увидел на крышке стола как ни в чём не бывало отдыхающую тварь. Художник опустился на табуретку и закрыл лицо руками.

Надо сказать, что бессловесно изгалявшаяся над художником муха ничем не отличалась от своих сородичей, постоянно издевающихся над человеческим величием. Наверняка она так же, как и все мухи, совала свой хоботок то в грязь, то в мёд и варенье. То, с совершенным безразличием к прелести и чину, кусала, "аки лев", то ненароком высунутую из-под одеяла очаровательную ножку провинциальной красавицы, то грубую волосатую ногу московского генерала, из блажи пожелавшего спать на повети.

Одним словом, совершенно дрянная муха.

Так философствовал Николай Николаевич, сидя на табуретке в темноте своих худых ладоней.

Он чуть приоткрыл лицо и увидел, что муха сидела на столе всё в той же наглой позе, но, казалось, что она уснула.

Николай Николаевич, медленно отведя и приподняв правую руку, неожиданно легко смахнул муху в ладонь. Слушая, как она недовольно забилась в ловушке, художник улыбнулся.

Не спеша подойдя к раковине, он включил горячую воду, подождал, пока из раковины повалит пар, и бросил в него отвратительную пленницу. Затем он долго и с наслаждением мыл правую руку пахнущим земляничной мылом.

Не далее чем вчера я, будучи проездом в родном городе, решил навес-

тить Николая Николаевича. Дома его не было, но выбежавшая мне навстречу Наташка удивила какой-то давно не присущей ей весёлостью и добродушием. Не разрешив снять обувь (помнится, раньше она требовала этого едва ли не у калитки), она привела меня в зал, усадила на диван за журнальный столик, принесла бутылку местной водки с краснощёким Дедом Морозом на этикетке, конфет и печенья и необыкновенно ароматного немецкого чаю.

Я ничего не понимал. Передо мной сидела прежняя, знакомая ещё по молодости Наталья. И я понял, почему Николай Николаевич звал её именно так. Несмотря на прожитые годы, передо мной сидела не Наталья Ивановна, не Наташа даже, а всё тот же, что и в молодости, очаровательный и улыбающийся белокурый бесёнок.

Я никак не мог поверить, что этот бесёнок совсем недавно был язвительным и вечно недовольным чёртом, изрыгавшим яростные тирады по поводу "проклятых пьяниц", "свинства алкоголизма" и "жертв неудачных абортгов". Это обстоятельство не раз заставляло обходить стороной дом друга.

А сейчас Наташка наливала водку в три рюмки, и ямочки улыбки не покидали её розовеющих щёк. "Он сейчас придёт. За красками к Мальцеву ушёл", – предупредила она мой вопрос.

"Ой, знаешь, тут такое было! Я никогда его таким не видала. После того, как он расправился с мухой, зашёл в спальню, и я почувствовала, что это "последний день Помпеи" и мой тоже. И вдруг всё поняла. Нет, нет, я и раньше часто ловила себя на мысли, что неправа. Но злой дух во мне, однажды вселившийся, командовал мной, и я измывалась над кротостью и любовью мужа, заставляла перерисовывать с классиков этих дурацких баб, желая заработать на их продаже. Я даже ревновала его к ним и злилась ещё больше. А он, боясь моих упрёков и истерик, рисовал. Это бесило его, но ради меня он терпел. И вот эта бестолковая муха.

Свет в спальне горел. И когда он наклонился надо мной, я увидела умное, красивое лицо очень страдающего человека. Родного человека! Ты это понимаешь? Тоненькая жилка надсадно билась у него на виске. И я испугалась, что она вот-вот порвётся. И я потеряю то, что было опорой моей, к сожалению, непутёвой жизни целых восемнадцать лет. Я с ужасом вспомнила, что у него больное сердце и ему нельзя волноваться!

Надо было что-то делать. А я лежала и мучилась, ослеплённая мыслью: "Ну почему именно любимому родному человеку мы чаще, чем кому-либо, делаем больно?"

В ту ночь я решила, что, если останусь жива, буду его рабой до конца

жизни. Я так много ukrала у него, что вряд ли смогу всё вернуть, но я стараюсь. К чёрту деньги, курорты, пляжи, евроремонт. В этом ли счастье жизни?

И знаешь, что страшно: все это понимают, а делают в точности наоборот. А тогда я почувствовала невыносимый жар его дыхания и глупо подумала об аспирине.

"Уходи", – были его слова. "Уходи навсегда!" – И он вышел.

Он долго ходил по кухне, видимо, искал сигареты, но не нашёл и лёг вот на этот диван, здесь в зале.

Он никогда не курил дома и пил с друзьями, как я поняла, только потому, что ему противно было встречаться со мной, вечно ноющей и укоряющей. Давай выпьем за его талант и вашу дружбу. Я и её-то чуть не погубила. Прости!"

Бесёнок как-то странно всхлипнул и протянул рюмку, виновато глядя мне в глаза. Чуть прозвенев рюмками, мы выпили.

Николай Николаевич ввалился в дом с красками и покупками и, увидев меня, захохотал: "Иду домой и чувствую – что-то надо купить. Дома гости. Как видишь, не ошибся", – и он вытряхнул на диван бутылку шампанского. Его хорошее настроение захватило и меня, и, порывшись в дипломате, я достал коричневую коробочку из-под ручных часов. На дне её, на розовом бархате лежали два перышка вальдшнепа.

"Вот это да", – охнул художник, и глаза его заблестели.

"Я самый богатый человек в мире. Пойдём, пойдём, Наташка, пойдём. Ты не видела, а я вчера кое-чего добился".

Мы зашли в мастерскую. Николай Николаевич долго возился с кнопками, крепящими ширму. Наконец, она упала.

...По сиреневому от цветущего клевера полю нёсся белый конь. Наездница – девушка в летнем в синий горошек платьице едва держалась в седле. В её глазах уже страх, но на лице ещё восторг и едва заметная знакомая улыбка.

Чуть обернувшись, я увидел Наташку и всё понял. Она стояла за спиной мужа, как будто мгновение назад сошла с картины.

Откуда-то, прожужжав, прилетела муха и села на ресницу коню. Но ничего испортить она уже не могла, а править ничего было не надо.

МЕДВЕЖОНОК

Купил белого с чёрными пуговками глаз курносого медвежонка. Сейчас уж и не помню, кто первый нажал невидимую кнопочку под шёрсткой игрушки. И зазвучали проникновенные слова, произнесённые чистым детским голоском:

"Ты слышишь, как бьётся моё сердечко? Тук-тук-тук-тук. Это значит, я тебя люблю! Я тебя люблю!"

Боже мой! Кто бы не хотел услышать эти слова в свой адрес? Кого они могут оставить равнодушными? Боюсь, что эти люди очень усталые, обиженные на судьбу или меряющие собственное счастье деньгами и приближенностью к власти. Но почему и те, в чьих сердцах изначально заложена нежная энергия любви и восхищения жизнью, так неохотно дарят их окружающим? Почему мы так горазды на агрессию и так трудно говорим хорошие слова? Не из-за нас ли так много серости, опустошённости и наши сиротливые души отчаянно мечутся в поисках понимания и участия — среди запахнутых наглухо, суровых и немых душ. И вместо радости общения — боль, боль, боль. Разве мы, рождённые в любви, заслужили её?

Медвежонку хорошо. Кудесник заложил в его маленькое игрушечное тельце восхитительные слова. И нужно только нажать кнопочку, и он будет их повторять, пока пыгливый ум счастливого сорванца не заставит его посмотреть, кто там внутри говорит и как выглядит любовь. Ах, как разочаруется, заплачет малыш, увидев внутри только железки и коробочку.

Я попробую его успокоить:

"Не надо плакать, малыш! Хотя в той жизни, к которой стремишься ты, взрослые дяди и тети тоже плачут, когда вместо любви натыкаются на дешёвую подделку. Я очень желаю тебе другого: пусть удастся обрести в жизни радость и умение ею делиться. Пусть ты среди глупости и грязи отыщешь и почувствуешь горячий импульс любви, улыбнёшься и шагнёшь ей навстречу с восхищённым и добрым сердцем. Не страшись ошибки. Смотри: вот за этим поворотом или на той весенней улице идёт навстречу человек, который, поддаваясь внутреннему зову, проникновенно скажет те нужные и важнейшие слова:

"Ты слышишь, как бьётся моё сердечко? Тук-тук-тук-тук! Это значит, я тебя люблю! Я тебя люблю!"

И вздрогнет весеннее небо. Сбросит с себя серую завесу надоевших облаков, распахнётся, и на его лазурной бесконечности ваши ангелы, вооружившись золотым солнечным лучиком, напишут эти слова от горизонта до горизонта.

Для тебя! Для всех нас! Во имя любви и жизни.

ОЧИЩЕНИЕ

Участковый Василий Васильевич Браулов, оставив машину в середине деревни, шёл в дом, где, если верить письму местных жителей, с осени приютились приезжие бомжи.

Деревенские женщины, часто скандалящие из-за нарушения скотом территориальной целостности огородов, из-за клочка близлежащего сенокоса, из-за неосторожного слова, при появлении чужаков объединились под священным, как им казалось, знаменем борьбы за пожарную и нравственную безопасность родной деревни. Утренние "планёрки" у колхозцев сводились к подсчёту мелких пакостей, совершенных назло приезжим. Но дальше словесных оскорблений и осуждений дело, как правило, не заходило. Осуждались в пылу великой войны и те, кто, якобы, недостаточно ненавидит "бичей".

Особенно доставалось бригадировой жене Татьяне, которую из вдовьей семьи взял вернувшийся из армии красавец и мастер на все руки Толя Соколов. Многие высоко себя ценящие девушки приняли это, как личное оскорбление. Годы уж прошли, а не забыли и при каждом удобном случае судили Татьяну Соколиху "по всей строгости". Но та лишь посмеивалась над деревенскими судьями.

Мужики относились к бомжам проще; они охотно делились куревом с возглавлявшим "банду" бичей долговязым мужиком по имени Павел, быстро поверили в его способности ремонтировать всевозможную технику и не стеснялись обращаться и щедро рассчитывались иногда бутылкой, иногда прихваченной из дома картошкой или куском мяса. Женская ненависть к бомжам основывалась ещё и на том, что двое из них были молодые представительницы слабого пола. Несмотря на присутствующую много пережившим людям сухость и сероватость кожи, "бомжихи" выглядели достаточно привлекательно. А главное, не было в них напускной развязности, которыми легко заражаются в местах не столь отдалённых. Надо сказать, что женщины отличались большей противоположностью не только внешне, но и в характерах. Беленькая, стройная, с красивыми распущенными волосами много говорила, курила и постоянно хлопотала по нищему хозяйству. Чёрненькая, поменьше росточком, поплотнее, с кудрявыми вьющимися волосами и с какой-то глубокой

печалью в глазах, наоборот, меланхолична, и никто не слышал от неё ни одного слова. Деревенские женщины позже узнали, что она нема.

Но... Оказывается, было у них и одинаковое. Бабка Кузнечиха – сама из приезжих, разрешала бомжам мыться в бане. Однажды, когда бомжихи, помыв ребёнка, отправили его домой, бабка, будто бы за горячей водой, зашла в баню. На улице была жара, и пар не мешал разглядывать голых женщин любопытной Кузнечихе. То, что она увидела, что заставило её охнуть – это совершенно одинаковые клейма на бёдрах женщин в виде свернувшихся пёстрых змей, с поднятыми для нападения головами.

Кузнечиха забыла о горячей воде и, бегая от избы к избе, округлив глаза, рассказывала, что "бомжихи" меченые, а раз так, то это или проститутки, или сектантки, а может, и то и другое вместе. Собственно, именно это обстоятельство и побудило взявших инициативу в свои руки женщин написать пространную жалобу на 6-ти тетрадных листах председателю сельсовета. Тот и послал её участковому с подписью:

– "Разберись".

Многое узнав о бомжах из лежащей в планшетке жалобы, Василий Васильевич был уверен в необходимости гнать их на все четыре стороны. Он и машину-то поставил в середине деревни, чтобы уставившиеся в окна бабушки видели, как он поведёт заезжих, посадит их в машину и как эти самые бабули, покачивая головами, будут говорить о нём: "Вот какой молодец милиционер. Враз "бомжей" "рестовал". Может, и письмо начальству напишут, а там благодарность, и долгожданная третья звёздочка переместится с небес на лейтенантские погоны.

Василий Васильевич высок ростом, красив лицом, всегда опрятно, по форме одетый, представлял тот вид железных служителей порядка, которые истово верили в собственную непогрешимость и в то, что все слабости человеческие преступны. А значит, должны быть сурово наказаны.

И сейчас он упруго шагал по морозному февральскому снежку, и встречные люди не понимали, что скрипит больше, снег ли под яловым сапожком участкового или сам, надравленный до синего цвета, сапог. А может быть, даже душа участкового, пребывающая в хрустальной чистоте ничем не поруганной совести. Участковый шурил глаза и счастливо улыбался той, еле уловимой, теплинке от февральского солнышка, которую могут определить разве что страстные охотники да заядлые рыболо-

вы. Участковый был охотником, и далёкий инстинкт предков помогал ему распутывать достаточно сложные дела в его милицейской практике.

Подошёл к покосившемуся крыльцу. Остановился, поправил шапку и шагнул в легко открывшийся дверной проём. Ослеп на какое-то время и почувствовал опасность, а не увидел её. Стоящий перед ним мужик коротко взмахнул рукой, но ударить не успел, откуда-то взявшаяся женщина, не по-человечески взвизгнув, повисла на руке. Этого было достаточно, чтобы участковый тренированным ударом в челюсть свалил нападавшего. Падая, тот ударился головой о крышку стола, стоявшая на ней посуда со звонком скатилась на пол.

— Тьфу ты чёрт! Участковый никак! — проговорил мужик, поднимаясь с пола и сплевывая на дрова, лежащие у печи, кровавую слюну.

— Стучаться, вообще-то, надо, лейтенант, а то, я думаю, опять местные плейбои к моим бабам попрошайничать идут. Сосунки, а наглы, как волки в овечьем стаде. Постучаться у них ума не хватает, а к бабам приставать они уже научились. Только ножа и боятся. Извини. В темноте не разглядел. Спасибо, Айгуль. Ножом-то я, конечно б, не ударил. Но кулаком точно врезал.

Брюнетка отсасывала кровь из раненой финкой руки. Вторая, беловолосая, пыталась перевязать платком рану, чтобы остановить кровь, но раненая мычала и отбивалась. Наконец, пройдя к самодельному умывальнику из пластмассовой бутылки, Айгуль промыла порез и ушла в другую комнату. За ней ушла и беленькая.

Милиционер всё ещё стоял в нерешительности и осматривался. Не сказать, что в доме было тепло и уж очень чисто, но женский догляд чувствовался. Конечно, всё убого, но занавески на русской печи и окнах явно недавно выстираны, пол вымыт, только вот кот, со страху прыгнувший на перевод, поддерживающий раньше полати, почему-то был грязен, как в саже вымазанный.

— Садись, участковый. Кошкиной грязи удивляешься. Поверишь, ничего сделать не можем: в печь лазает спать. Наморозился, видно, на всю оставшуюся жизнь, по лесам зимним шастая. Да Бог бы с ним, но когда оттуда вылезет, по всей избе золу стряхивает. Прогнал бы давно, так Римбай ревьёт голосом. Терпим", — рассказывая, мужик пододвинул участковому подобие табурета.

Василий Васильевич сел. Положил на колени планшет и хотел задать первый вопрос, но мужик его опередил: "Не надо, участковый, вопросов. Я тебе и так всё расскажу. Документов у нас нет. "Рабы" мы – новоиспеченные, после развала Союза. С Киргизии убежали, думали, резать начнут. Я сам по себе, они сами. Наташка, которая белая, по той же причине уехать решила, что и я. Русская она. А Айгуль мечтала артисткой стать, запросилась с ней в Москву. Подругами были. Кстати, Наташа и сама только-только не успела балетную школу кончить. Но не судьба. Беловежские раздолбаи всё за нас решили. Поверь, участковый, я не злой, но этих лично бы за н-ное место подвесил не только за себя и моих бедолаг. "Мужик крупно, изобразительно выматерился и продолжил, обращаясь к участковому: "В поезде познакомились. В Москве, которая, действительно, слезам не верит, высадились. Они от меня никуда. Поискали организации по помощи переселенцам, да что-то не нашли. Зато нас заметили сразу, сначала "красноголовики", вроде тебя, стали мзду просить за то, что на вокзале четвёртую ночь ночуем, потом свистун один (всё посвистывает) подвалил на Казанском. Спрашивает: "Откуда, куда? Чем нуждаетесь? Я из благотворительного фонда помощи русским беженцам". Ну, думаю: "Слава Богу". Мы ведь в то время к подлости ещё не приучены были. Поверил сразу.

– Кто по специальности?

– Автомеханик, – говорю.

– А эти твои подопечные? – спрашивает и на девчонок кивает. Я говорю:

– Нет у них еще специальности.

– Ну ладно, воспитательницами возьмём. Идёт!

– Идёт, – говорю. Деньги практически кончились, не воровать же. Им сказал, а они заулыбались: довольнѐхоньки.

– Воспитательницами – это хорошо. С детьми будем. Я их балетным танцам учить буду, – говорит Наташа. А Айгуль: "Я их петь научу и узбекскому языку". Знали бы они, бедные, каких воспитательниц из них сделать хотят. Да что об этом после дела говорить. Привезли нас ночью. То ли станция, то ли рабочий поселок. Устроили в гостинице. Дежурная заботливая такая: "Документы оставьте, а сами идите по номерам отдыхать. Утром вы не только в гостинице, но и на работу будете оформлены. В лучшем виде. Так и сказала: "В лучшем виде". Я вот сейчас думаю, как могла

та женщина таких же, как она по образу и подобию, только молоденьких и неопытных, в такую грязь толкнуть. Какая сука её родила?" Мужик зло сплюнул на лежащие дрова сукровицу.

"Спецназ хренов", – нелестно подумал о себе участковый.

– В общем, утром сначала тоже хорошо было. Накормили, денег немного дали. Меня в ангар привезли, а там машин битых – пруд пруди.

– Ну что, хватит работы, – мастер говорит, лобастый такой. – Ты её просил? Вот она. На всю жизнь хватит! – и усмехнулся так нагло. Первый раз кольнуло в сердце.

Спрашиваю: "Слушай, а чего мне документы не вернули?"

Лобастый говорит: "Хорошо работать будешь, всё будет, а хреново, то они тебе просто не понадобятся". И "Макаровым" перед глазами у меня поводил.

"Сейчас отбери пять машин с мелким ремонтом и быстро под реализацию подготовь. Какие вопросы – ко мне. Кличут меня Вест. Западенец я – слышал о "лесных братьях". "Слушай, – спрашиваю, – девчата мои где?" Он как захохочет, противно так, по-бабьи. "Твои девчата только до девяти пятнадцати девчатами были. Сейчас они уже женщины – воспитательницы. Да не переживай. Не вы первые на эту мякину клюнули". А мне неловко стало. "Дурак, идиот, скотина, девчонок куда загнал!" – это про себя тогда так подумал. Осмотрелся, а в ангаре, на сектора проволокой разгороженном, таких, как я, человек пятнадцать. А по металлическим настилам вдоль стен четверо бугаёв с автоматами. Понял: "контора". Естественно, никаких гостиниц больше я не видел. Жил в подвале каком-то один. Потом узнал, что всех по одному держали. Одно счастье – трубы отопления через мой подвал шли, посушиться можно, да и кран с горячей водой. Этим и спасался. У других ссадины на руках от грязи загнивали, а я каждый раз руки помою добела и начисто сухой тряпкой протру. Больных в ангаре не было. Увозили. Охранники говорили в "лазарет".

Долго я на это дерьмо ишачил. Счёт не только дням, месяцам потерял.

Однажды что-то произошло. Утром всю охрану сменили. "Веста" я больше не видел. Поговаривали, крупная разборка была. В новой охране я однополчанина и разглядел. "Бык" тоже. Окликнул раз: "Веня, ты, что ли?" Он подходит и, вот как ты, раз по зубам, я и рухнул на железо. А он за волосы меня схватил, голову задрал и в

перерыве между матюгами шепнул: "Узнал. Помогу. Помалкивай".

"Эх, Веня, Веня, — думаю, — как это мы с тобой по разные стороны баррикад оказались. И кто тебя так умастракал, что ты к этой "лядве" переметнулся?" И поверишь, участковый, чуть не заревел я от безысходности своего положения. Но рано было реветь. Все самое страшное впереди оказалось.

Однажды выдался случай. Остались мы с Венькой наедине. Поговорили. Выяснили, кто и как до такой жизни дожил. Оказывается, проиграл Веня в казино изрядную сумму. В долг взял, а вернуть вовремя не мог. Наша "контора" долг его на себя взяла. Под договор об отработке. Вот и отработывает. Я про девчонок спросил. Обещал разыскать. Принёс как-то фотографии, сунул на сидение авто, который я ремонтировал. Шепнул: "Отверткой на углу пометь, если своих найдёшь". Понятно, порнуха, да такая, что и я себя мужиком почувствовал. Но смотрю, мои нормально одеты, сидят за столом, чистенькие, только полноваты показались. Ну, думаю, хоть девкам повезло. Черкнул отверткой. Через неделю Веня говорит: "Воспитательницы — твои". Я спрашиваю: "В садике, что ли?" Он: "Лох ты и есть лох. ... "Воспитательницы" — это которые беременеют, рожают, а потом их детей за границу или на усыновление или на органы продают. Ещё "медсестры" есть. Тех в публичных домах да в порно-студиях затаскают и в нелегальные клиники отправляют для испытания поддельных лекарств и наркоты. Умерла от отравления — туда ей и дорога". В общем, "концерн" целый. После его слов худо мне стало. Залез в машину, трясёт всего. Моих девчонок, сучьи твари, в "воспитательницы!?" Как вспомню, что они меня Павильоном Тимофеевичем называли, как ухаживали за мной: то к проводнице за чаем сбегают или из вагона-ресторана горяченького принесут, так белая пелена глаза и застит. Только бы вырваться, думаю. Две недели, наверное, прошло.

Как-то спрашиваю Веню: "Мои-то далеко отсюда?"

— Какие они твои? — потёр Венька тренированную шею ладонью, словно от петли избавляясь. — Выяснил я. Тут рядом типа санатория есть. "Инкубатор" называется. Там они. Едва Павел произнёс это слово, как вернувшиеся из комнаты женщины закрыли лицо руками и мелко-мелко затряслись. Будто лихорадкой било. Пытались удержаться, но сквозь пальцы рук нет-нет пробивался то ли всхлип, то ли кашель.

"Спецназ хренов, — снова неласково подумал о себе участковый. — Кого ты хочешь рестовать? Кого и куда увести и выбросить на февральской мозолистой дороге? Этих двух трясущихся женщин, этого мужика с выбитыми зубами, этого мальчонку с его единственной игрушкой — серым грязным котом?"

Павел прочитал мысли участкового и уже как-то успокаивающе продолжал: "Вытащили мы с Венькой их из этого дурдома. Случай помог. Наталью избил начальник охраны. Из-за чего баб бьют, знаешь. Два дня её кровью рвало, ну и выкидыш получился. В мае это было, земля уже оттаяла. Веньку вызвали. Объяснили просто: забираешь мать с ребёнком за город. Пусть ребёнка похоронит. Как похоронит, шлёпнешь. Веня: "Есть шлёпнуть. Но чего это я должен для неё землю копать. Дайте "раба" в помощники. "Бери, — отвечают, — любого. Всё равно фирму закрывать. Кстати, и его шлёпнешь". Венька говорит: "Механика возьму". Это у меня кликуха такая была.

"Вот, вот и бери. Не повезём же мы его во Францию, там своих таких пруд пруди".

Никогда, начальник, я в Бога не верил, а как Веня пересказал всё — перекрестился истово. А тут ещё новость: Айгуль родила.

Вот только как её из "инкубатора" достать? Охрана там "продукцию", будь здоров, сторожит.

Начальника охраны за гибель ребёнка оштрафовали тремя "заказами", то есть при необходимости он должен был трёх человек убрать. Но понял, гадюка, что и сам уже заказан. "Лаз" стал искать, чтоб смыться. К Вене подкатил: "Что, браток! Не тебе ли меня заказали?"

— Не мне — дружок мой армейский, — отвечает. — Но, что грохнут тебя, знаю точно. — И вдруг сработала в Вене извечная русская пружина. Кураж называется. Говорит: "Есть у меня знакомая фирма — "продукт" скупает, но чтобы с матерью вместе".

Охранник: "Чё, на двух батек работаешь?"

А Веня ему: "Давай без базара. Неужели надеешься, что когда "батьки" за кордон стикают, тебя кто-то на колбасу в Мытищах доращивать будет?"

Охранник: "Понятно, не будут. Кто я для них — "бык"! А не высучишься?"

Веня: "За собой следи. Чуть что, скажу, что проверял. Мне поверят: Я не в штрафе. Так что решай".

Охранник: "Чего решать? Будет "продукт". Куда везти и когда?"

Одним словом, договорились.

В это время между занавеской и печной трубой высунулось заспанное личико ребенка.

Павел негромко распорядился: "Айгуль, уведи Римбая. Не за чем ему гадости слушать". Айгуль встала с кровати. Подождала, пока, шлепая голыми ножками, слезет с печки Римбай и увела его в дальнюю от кухни комнату.

Схоронили мы малыша на заброшенном деревенском кладбище. Поехали на вокзал, куда охранник должен был Айгуль с ребёнком привезти, а его нет и нет.

Венька хотел оставить меня с Натальей на Ярославском вокзале, но я не согласился. Оставили мы Наталью и рванули по шоссе навстречу. Километров двадцать проскочили — видим, летит наша "продуктовая" база.

Охранник нас узнал и принял на обочину. Развернулись, подъехали. Я на всякий случай рядом с охранником встал. Вдруг заупрямится. Он Вене кричит: "Деньги давай, деньги". Веня бросил ему сумку на молниях, целиком набитую. "Кукла" там была. Охранник потянулся на заднее сиденье. И вдруг на меня такая ярость напала: за себя, за Наташку, за Айгуль. В общем, ткнул я финкой в бок. Тот сначала как будто не понял чего-то. Ко мне развернулся, смотрит, а говорить не может, а потом и вовсе на руль голову склонил и затих. Едва успели мы Айгуль с ребёнком в нашу машину посадить. Осмотрелись, видим, "мерс" несётся прямо на нас, и автоматчики в открытых окнах повисли. Ох, тут и началось. Пальба. Веня Айгуль хочет из машины на землю вытащить, та упирается, ребёнка к себе прижимает. Я не помню, как под машиной оказался. Веня дёрнул Айгуль на себя, та уронила ребёнка на полку переднего сиденья, а сама упала навзничь на землю. Веня хотел забрать ребёнка, приподнялся, и шальная пуля пробила ему левое плечо. На счастье, появились два жигулёнка с мигалками и "мерс" дал по газам. Милиционеры хотели допрос учинить. Но подоспела "скорая", и могучий врач, не слушая никаких доводов милиционеров, со словами: "Я их вылечу, а потом делайте что хотите!" — скомандовал санитарам: "Загружайте!" Загрузили и меня. Во-первых, рука была у меня в крови, а во-вторых, при падении на асфальт я неловко подогнул её и выставил из плечевого сустава. Боль была невыносимая. Пока ехали,

Веня дал мне новенькую пачку денег и свой московский адрес.

Римбай завершал ещё в "скорой". Айгуль хотела его покормить, но оказалось, пропало молоко. А самое главное, я заметил, что в ней самой что-то изменилось. Пытался заговорить, а она и хотела да не могла ответить. Только мычала, и я понял: онемела от пережитого.

Врач её в клинике осмотрел и говорит: "Пройдёт у неё это. Шок". Вот уж два года не проходит. А у Наташи зато от молока все время кофта мокнет. Вот и стала она кормить Римбая. Видел, какой крепыш, а самое главное, по-русски шпарит, только что не матерится ещё, а ведь узбек. Неужели правда, что многое с молоком матери передаётся?

В больнице долго бы держали. Да Римбай ревет неистово. Я к врачу пошёл. Правду ему выложил, как на духу. У меня чутьё на людей. Вот и тебе почему-то верю. В общем, поверил мне тот врач. На "скорой" отправил нас на Ярославский вокзал, где Наташа ждала. Попрошались мы с Веней. Поверишь, слёзы у обоих – в глазах жжёт, а сказать ничего не можем. Так и расстались. Вот и отгадай попробуй задачу с десятью неизвестными.

Почему одни, в том же городе родившись, чужую жизнь с дерьмом смешивают, а другие всех, в том числе и эту сволоту, на свет Божий вытаскивают?

На вокзале Наташу едва нашли, забились в угол, боялась – найдут "быки" или милиция документы спросит. Тебе бабы деревенские в письмо про "змеек" описали.

"Есть там что-то", – буркнул участковый.

Так вот эти клейма зек один для банды изготовил. Напоят девицу через силу и шлепнут ей этих змеек на красивое место. И все! Меченая после этого на всю жизнь, и деваться ей некуда. Кто с таким подарком, да на таком месте в жёны возьмёт? Разве, что слепой? Да и искать легко. Никакая пластическая операция не поможет. Ногу повыше заголи. Вот она змея с раскрытой пастью. Значит, беглая. Ату её! Поверишь ли, что конец XX века? В общем, Наташу нашли. Римбая она накормила. Деньги пока Венины на дорогу были. Рванули мы на север. Верилось, что на холоде не так народ испорчен. И вот уж три года скитаемся. Председатель одного колхоза – я ему УАЗик отремонтировал – ездил за нас хлопотать в паспортном столе. И что ты думаешь, ему посоветовали:

"Посадить их надо ненадолго в тюрьму. А потом им справку об освобождении"

дении выпишут, тогда и мы что-нибудь придумаем. Или только через киргизское посольство".

Выматерился председатель: "Это что же за порядки такие ...лядские..., что живому человеку нельзя дать документ, что он живой?" Дамочке, которая даже после этих слов не перестала красить ногти, говорит: "Слушай ты, царевна-лягушка, а может, их убить и из морга справку принести, чтобы тебе спокойней красилось. А?" И кулаком по столу, где документы заполняют, так вмазал, что меня и то передёрнуло. А та спокойно так встала, инструменты в стол сложила и ушла в другой кабинет. Упросил я председателя ехать. А то ведь она и милицию вызовет.

"Вот так, участковый. Сейчас ты всё знаешь. Разжалобить я тебя не собирался. Служба есть служба. Айгуль, Наталья – собирайтесь! Пора и честь знать. Загостились. Твои предшественники, начальник, эту проблему просто решали. Увезут за территорию своего участка – выбросят на автобусной остановке и поминай, как звали. Некоторые извинялись даже".

Из дальней комнаты, снова шлепая ножками по полу, вышел Римбай и остановился в нерешительности, ломая пальчики сложенных впереди ручек. В его глазах стояли слёзы. Вот одна из них светленькая, как жемчужинка, скатилась по тёмной щёчке и остановилась на подбородке, словно задумалась: упасть или не упасть. Малыш расцепил ручки и стёр её рукавом клетчатой застиранной рубашки.

Ножки снова зашлёпали и, подойдя вплотную к Василию Васильевичу, мальчонка тяжело, по-взрослому вздохнул и печально спросил: "Дяденька, ты нас тоже выгонишь? А на улице холодно и одежды у нас тёплой нет".

Потом, чуть повернув кудрявую головку, снова вздохнул и, посмотрев в глаза участковому, обречённо прошептал: "Выгонишь, все выгоняли, и ты выгонишь. У тебя вон погоны и кобура. А у нас ничего нет. Мама, мама! – крикнул Римбай, – собирайтесь! Я только Мурзика с собой возьму?! С ним теплее".

Василий Васильевич странно дернулся. Кое-как собрал планшет и, нахлобучив шапку, выскочил на улицу. Он не был на ней каких-то двадцать минут, но всё преобразилось. Отливавший синью и сверкающий холодно снег был ужасен. Участковый явственно увидел, как по этому жестокому, режущему снегу с опаской ступает босоногий Римбай, прижимающий к себе, желая согреться, грязного кота Мурзика. А за ним идут обманутые,

исполосованные до крови судьбой две меченые женщины и мужик – "раб". Участковый шёл деревенской улицей и злился на всех – на пьяного встречного мужика, на старух, которые провожают его с недоуменными взглядами, на эти проклятые метры до машины, которые не позволяли ему зареветь, закричать, спросить кого-то великого, невидимого: "Кто мы?". Наконец он достиг машины, с упрёком взглянул на бессовестное февральское солнце и, не прогревая двигатель, с места рванул из деревни. Едва оказавшись в лесу, отпустил руль; неуправляемая машина врезалась в придорожный сугроб и заглохла. Василий Васильевич положил голову на руль и зарычал, содрогаясь всем телом.

Так сидел он, пока не услышал рокот приближающегося трактора.

Пьяненький тракторист остановился, хотя, узнав участкового, вполне мог дать по газам – и поминай как звали. Но он и не подумал скрываться.

"Отчего в них такая доброта телячья? – невольно подумалось участковому. – Как только над ними не изгаляются, не обкрадывают, все кому не лень? А они живут и во что-то верят, и помочь рады. От земли у них, что ли, эта доброта? Та тоже кормит всех и зарплаты не спрашивает. Кстати, и гадов тоже кормит". Чем больше думал Василий Васильевич, разматывая трос, тем противнее становилось на душе.

Через минуту машина стояла на дороге. Тракторист, закурив, обречённо ждал, когда участковый достанет планшет и составит протокол. Наслышан был о железном, неподкупном характере.

Но Василий Васильевич только рукой махнул. Сел в машину и покатиł в сторону центральной усадьбы.

Заехал в сельсовет. На душе всё ещё было гадко. Пожилой председатель вмиг определил состояние милиционера:

– Что, противно? У бомжей был? Худо там у них – холодно и голодно. Я бы рад помочь, да сами последний хрен без соли доедаем. Это в Москве золотой запас скоро все амбары выломит, а нас, того гляди, от электричества отсадят. Моя баба мешок картошки им из дома отправила. Так, веришь ли, нашёлся умник, который предложил эту картошку бомжам за водку продать? Чуешь, до чего оскотиниться можно, если главного направления нет.

"На вот, выпей. Грязь с души смоешь. Да не оглядывайся ты. Дальше этого не сошлют. Да и наша с тобой работа только для недоумков мёдом

в два слоя намазана. Много ли народу в наши апартаменты с радостью да благодарностью приходят? А ты её и не жди. Русская народная любовь на начальство не распространяется. Вот умрёшь, другое дело. На кладбище худого не говорят. Потому у нас все хорошие только там и находятся. Страна хороших мёртвых и надоедливых живых.

Участковый выпил, закусил хлебом с копчёным салом. Помолчали.

— Знаешь, Сергеевич, уйду я с этой работы. К едрене матери, уйду. Я ведь не сволочь какая-нибудь, чтоб женщин с детьми по морозу босиком гонять. — Редко пьющий участковый захмелел, и ему хотелось говорить и говорить. Но председатель прервал: "Куда уходить? Кто тебя сейчас отпустит. Вот если б ты пришёл ко мне утром и написал заявление, наверно бы, сказал: "С Богом, Васенька!" А вот сейчас, когда ты прошёл боевое крещение у бомжей и одержал первую значительную победу, я говорю тебе: "Шалишь, никуда не отпущу и начальству твоему позвоню, чтоб тебя не отпускали. Пусть звёздами тебя осыплют, но не отпускают! Потому что ты вот такой, как сейчас, людям и нужен. До сегодняшнего дня ты сиял, Васенька, как начищенный пятак, и мало того, что слепил других, так в ослепительности своей много земного не замечал. Сегодня ты принял не законное, но правильное решение. Оказалось, что между случайным проступком и преступлением есть невидимая нить, почувствовать которую можно только сердцем. Примеры надо. Есть примеры жёсткие, как сама жизнь. Выпей вот ещё, и я за тебя выпью". — Председатель налил по полстакана водки. Выпили.

...А вот сейчас слушай. В энном году у сельского участкового пропал пистолет. А в то время это годами тюрьмы пахло". — Василий Васильевич густо покраснел. Председатель продолжал: "Выходит, помнишь эту историю. Так вот отца твоего кто только тогда не ел, в том числе и его бывшие сослуживцы: "Позор! Может, продал за бутылку? Судить! Ещё коммунист называется!.. Ещё неизвестно, чего он больше в жизни сделал: пользы или вреда? И так далее и тому подобное. Умеют у нас живого человека товарищески загрызть, было бы указание сверху. Ну ладно пистолет, оружие всё-таки, да за любую железку съедят и не подавятся. В общем, чудом успел я отца твоего из петли живым вытащить. Да и пистолет ты всё-таки вернул. Вот и суди твоего отца по всей строгости, и тебя суди за то, что ты по недомыслию детскому натворил. А отца твоего через несколько лет в

Вологде на вокзале шпана зарезала. Отец увидел, что пятеро сопляков девушку на улице хотят вытащить. Подходит к милиционеру в форме.

"Слушай, помоги брат, там девчонку испоганить могут. Я сам милиционер, но с курорта еду, а тут видишь без формы вроде бы и не испугать шакалов".

А тот: "Я по особому заданию в Котлас еду. Не пойду". Отец и пошёл один. Зарезали. На виду у всего вокзала. Ты вот о президентах и депутатах сегодня тоже хреново подумал. Наверное, заслужили. Но мы-то сами, "великий, могучий", когда научимся вместе свои жизни и права защищать? Или войну опять надо? Вот так Васенька! А изгибы судьбы неведомо куда заведут. Того милиционера и девушку на следствии свели. Оказалась: его двоюродная сестрёнка в мед. училище в Вологду поступать ездила. Поступила. А где он живёт, найти не могла. Деревенская, несмелая. Вот так вот. Как? Полегчало? – Участковый положил руки на стол и спрятал в них лицо. Молчал.

– Ты, Вася, линию свою веди от сердца. Это безошибочная линия. И запомни одно: с коровой работать и то целая наука, а с людьми этого мало. Вот тут сердце-то и выручает. Оно ведь, как свеча горящая, и такое же обречённое. Погасить бы, смотришь, пожил подольше. Только людям какво? В темноте-то?

Так глубоко, как ты сегодня смог заглянуть в человеческую душу, каждый ли сможет? Другой свалится, как хрен с горы в начальники и, не дай Бог, скажет ему старуха по наивности правдивое слово, а он вместо того, чтобы мотать на ус, будет эту правдолюблицу остатки её жизни изводить. Дело ли? Так что держись, не кисни! Давай вот накатим по чуть-чуть и поезжай, отдохни. Завтра попробую ещё раз с народом поговорить, чтоб не лезли к приезжим.

Нашли перед кем права качать. Присмотрись: там, где работы трудной и новой невпроворот, только единицы рычат: "Смело мы в бой пойдём!"

Большинство же лишь попискивают: "И мы за вами". А на беззащитных – они герои. Председатель протянул руку для прощания.

Участковый вышел на улицу. Солнце западало за горизонт, как раз напротив обезглавленной церкви, и потому восточная сторона её была тёмной и хмурой. До дома семь километров. Односельчане Василия Васильевича толпились у магазина в ожидании автобуса. "Кто со мной!" – крик-

нул участковый. Но люди словно не поняли приглашения, приплясывали, стараясь согреться. "Да поехали! Чего зря мерзнуть?"— после этого приглашения две девчонки и три мальчугана пошли к машине. За ними устремились четверо взрослых. "Пацаны назад. Девчонки вдвоём на переднее сиденье. Остальным тоже места хватит!"— скомандовал. Все повеселели. И Василий Васильевич, наблюдая, как рассаживаются земляки, подумал: "А чего это раньше я их никогда не подвозил. Ну и болван". Ехали молча. Но потом бойкая старушка с синим рюкзаком на коленях спросила: "Чего-то, Васильевич, на тебя непохоже? Да никак ещё и выпил? Растает, поди, завтра? Праздник какой, что ли? А я ну-ко забыла. Церковный или нонешний?"

"Мой", — ответил участковый. Мысль, что он делает для своих земляков пусть пустячное, но доброе дело, очищала душу.

07.06.2007 г.

ЧЕТЫРЕ КУБА

Прораб совхоза Дьячков Алексей Петрович, чуть выше среднего роста, черноволос, кареглаз, видный собой, всегда был уверен, что все его хлопоты на этой земле только ради того, чтобы жизнь земляков была хоть чуть-чуть лучше, и есть единственно правильное предназначение. Он тяжело переживал, если его действия были истолкованы, как стремление что-то иметь для себя, но постепенно успокаивался, мудро полагая, что одни и те же губы могут шептать слова любви и материться во всеуслышание. Обладая желанием разбираться во всех тонкостях жизни, он много читал, и это, в союзе с личным опытом, сделало его толковым специалистом не только в строительном деле, но и в житейских ситуациях.

Сегодня он пришёл в диспетчерскую к половине седьмого. Лесорубы уезжали в делянки в семь, а ему было что им сказать по поводу вчерашней отгрузки фан. сырья на комбинат. Отодвинул массивную, толстого зелёного стекла пепельницу и разложил на крашенной в зелёный цвет столешнице вчерашние накладные. Перебирая их, посчитал, сколько бракованной древесины увезли КамАЗы за прошедший день. Увезли, значит, были погружены, несмотря на жёсткое его распоряжение и его разъяснения, почему этого нельзя делать.

Умные вроде бы мужики, руки к месту приделаны и сообразительности хватает, двое из них за тридцатку сварганили сложнейшую по конструкции "собачку" для немецкого пресса с помощью зубила, молотка и напильника. За два дня. Никто не верил, что такое возможно, а они сделали. И работала эта "собачка" до списания пресса.

Прораб почесал щёку указательным пальцем и задумался. Скоро двадцать лет работает он в сельском строительстве и двадцать лет не может осилить логику в некоторых поступках своих подчинённых. Вот поехали прошлый год его "архаровцы" на трёх тракторах вывозить сено с дальних лугов. Пока снегу мало и морозы не расвирепели. Дел-то, "одним днём, да и рано".

Кому моча в голову ударила съездить в заречную деревню за вином, история умалчивает. Да и хрен бы с ним, но дорога за реку тогда ещё только конная.

Первый, как потом выяснилось, поехал Валерка по кличке "Ёрш". И на середине нырк под лёд. "ДТ" плавать не научены. Конструктора слабова-

ты; не знали, что у нас на севере магазины не в каждой деревне есть. Да и откуда им знать, что в русском характере заложено сначала прыгнуть и только потом подумать: зачем?

"Ёрш", понятно, из-под льда вылез. Не на того напали, чтобы он так вот сразу из-за пустяка взял и утонул в реке, которую ещё с шести лет, обседлав кривыми ножонками разъединственное брёвнышко, не раз переплывал под восхищённые крики товарищей и мамкин рёв.

Вылез, говорят, и первое, что сказал, было: "Ещё бы маленько и проскочил".

Прораб подпёр скулу красивой интеллигентной рукой и продолжил воспоминание вопросом, обращённым к себе: "Что бы сделал мужик любой национальности, попав в подобную ситуацию?". Загоревал бы, наверно, корил бы себя. Взвешивал последствия и придумывал, что соврать в оправдание. У нас это зовётся трусостью.

И потому, едва услышав сквозь рокот двигателей заключение своего товарища, Серёга, ещё не имеющий по молодости клички, со словами: "Я тебя слева обойду", – жмёт на ручной газ и уносится по льду левее бесславно утонувшего трактора. Понятно, что тоже тонет, и тоже вылезает из-под льда, и тоже бежит к товарищам и кричит: "Зря я! По конному следу надо было".

Третий трактор, не дождавшись Серёги, рвёт снег, уходя по обозначенному следу, но недолго. Вот уж накренился набок и полез под лёд из всех своих девяноста "лошадей". Вылез и третий тракторист – высокий, без шапки в любой мороз, только рыжая копна вечно топорщащихся волос пригладилась и побелела. Ну, тут уж сам Бог велел в магазин. Пока шли, выяснили, что каждый, почувствовав утопление, успел заглушить двигатель до того, как тот нахлебается воды. Это ободряло. Не впервой. Водки выпьем, обогреемся. Местные мужики в беде не бросят. Выташат. Масло заменим и домой, через налитую переправу. Другой бы с ума сошёл, но это другой, а не эти тёртые разными происшествиями мужики, с детских лет из принципа евшие солидол вместо масла и считавшие за великое счастье по команде вернувшегося с работы отца схватить шприц, с особым усердием прошприцевать многочисленные, давно знакомые масленки. Их поколение, едва ли не с пелёнок умевшее управляться с лошадьми, уже всё больше прикипало к остро пахнувшему солярой "железным коням". И самым страшным для них приговором

всегда были брошенные разозлившимся начальством слова: "Снять с трактора".

За окнами диспетчерской послышались голоса и глухое постукивание очищающихся от снега валенок. Прораб знал, что ему надо сказать. Но, если вчера приготовленная речь была по энергии непарламентских слов сродни взрыву, то сейчас он решил ещё раз довести до ума мужиков свои требования и ещё раз дать понять, почему они справедливы.

Зашли. Поздоровались. Сели, каждый на своё, однажды выбранное место.

— Кто вчера отгружал лес? — Начал прораб с вопроса, машинально поддвигая пепельницу к правой руке.

— Менялись, Петрович, вчера много машин было. Тяжело одному-то с "карой"¹, — ответил за всех бойкий на слова Сашка Рожков. — А чего неладно-то?

— Понятно, — отметил для себя прораб. — Значит, все знают. Но заняли круговую оборону. Виноватых нет. Ну ладно, хлопцы. Этим меня не удивить. — И пошёл в атаку.

— Вчера по вашей милости и безмозглости на машинах уехало на Новатор четыре куба дров. А это значит четыре куба фан. сырья осталось в делянке. На сумму две тысячи сто. Дрова, как вы знаете, не оплачиваются, а потому, кроме затрат, мы с них ничего иметь не будем. Кто готов возместить затраты?

Лесорубы молчали.

— Может, вы принесёте эти кубы обратно и продадите бабушкам? По четыреста рублей. Именно столько будет их стоимость при следовании маршрутом от нас до города и обратно. Или мне вам их продать по этой цене? Как вам такая перспектива?

Прораб встал и грозно навис над сидящими перед ним мужиками.

— Среди писателей ходит такая байка: "Михаил Александрович Шолохов был для многих читателей труден. Потому раздолбаям и олухам пишет сейчас Дудин".

Но кто должен писать и читать вам, я даже и не знаю, поскольку всего неделю назад я знакомил вас с "Гостями" Новатора и просил: ни в ко-

---

¹ "кара" — погрузочное средство.

ем случае не портачить, стараясь кого-то обмануть, потому что "себе дороже".

Вы все послушно кивали головами. Так какого хрена ещё надо?

Повторяю для тупых и недonoшенных и для тех, кто сейчас, страдая с похмелья, ждёт не дожждётся, когда я закончу экзекуцию, чтобы рвануть опохмелиться.

Для меня во всей этой истории страшно то, что я обманул новаторских приёмщиц.

Никогда не обманывал, а вчера, по вашей милости, обманул.

А мне, вашу мать, честь дороже! Вырежьте эти слова "Уралом" на разорванной молнией осине, что зависла рядом с делянкой, и читайте утром, днём и вечером. Нельзя, мужики, постоянно стремиться кого-то облапошить. Да и кого? Может, пример привести? Магазин еще не скоро откроется. А?!

Слабый гул, услышанный в ответ, ничего прорабу не разъяснил, и он решил довести начатое до конца.

– Помните, два дня назад поехал я с КамАЗами ночью, чтобы в очереди не торчать. Приёмщица, пигалица, лет семнадцать, вся в слезах. Кругом шоферня, мат, угрозы. Очереди кого хочешь из колеи вышибут и к всякому скотству прямой путь. Ветер северный, резкий. "Рот раскрой – штаны снимает". А она в курточке из рыбьей кожи, в сапожках. Почернела вся. Да черные от туши слёзы по щекам размазаны.

– Что ж, – спрашиваю, – ревёшь?

– Не хватило у меня при отгрузке в цех три куба берёзы. Завтра в бухгалтерии узнают. Высчитают. Полмесяца без зарплаты буду.

– Как уж ты так обмишурилась? – спрашиваю.

– Так поверила тут одному скалозубу и по его транспортным без обмена кубатуру поставила. Вozами принимала.

И вдруг совсем уж навзрыд: "А вдруг с работы выгонят? Чего мамке-то скажу? Она и так болеет".

Чувствуете, к чему клоню? Для неё эти три куба вопрос жизни и смерти. А вы на прошлой неделе целый КамАЗ хотели налево толкнуть. Причём на "жидкую валюту", за бесценок. Ладно бы бабам на подарки. А чуть что – рёв и стон: мало зарабатываем и так далее.

В общем, пообещал я ей привезти три куба берёзы. Решайте. Если не согласны, буду с другой бригадой говорить.

Прораб замолчал. Лесорубы загудели. Возможность подарить какой-то незнакомой девице три куба их явно не прельщала.

Встал Рожков:

– Можно покурить?

Прораб махнул рукой. Все вышли. Курили долго. Спорили.

Зашли не ватагой, а по одиночке, и Петрович понял: мнения разошлись.

Первым начал Рожков:

– Жалко, конечно, девку, Петрович, но три куба дарить за красивые глазки, я против. Да и директор ещё, что скажет?

В диспетчерской воцарилась тишина. Мужики тщетно изучали свои ватленки.

Рожков имел авторитет потому только, что всегда выражал тайные пожелания коллектива. Думали, как он, многие, но говорил всегда Рожков. Им было можно прикрыться, чтобы оправдать собственное безразличие или даже уступки.

"Вот, сказал же человек, а мне-то что. Сказал бы другое, я опять – за! Моё дело сучки рубить".

Прораб был прав. Всякое хорошее дело в деревне наказывалось, потому что оно кому-то хорошее, а соседу, например, острый нож. Зависть не расцветала. Она жила среди людей так же, как живут любовь, трудолюбие или лень. Как щедрость и жадность.

Алексей Петрович не дал мужикам помучить себя измышлениями и спросил:

– Ну, хоть сейчас вам всё понятно? – Одобрительный, негромкий гул был яснее слов.

– Тогда по коням!

Все мигом вышли. Только уже у двери вдруг остановился Сашка-гармонист и, поразмыслив, пошёл к прорабу. На лице его светилась мысль.

– Слушай, Петрович, а чё, и в середину уж нельзя сучковатых положить. Хоть несколько брёвен?!

Прораб побелел и, как утопающий за соломину, ухватился за подарочную стеклянную пепельницу.

Март 2010 года.

ПРОЗРЕНИЕ

Однажды проснулся. А на всей Земле — мир.

Не поверил. Включил телевизор. Перещёлкал все каналы, и ни на одном не было сообщений с театров военных действий. Позвонил другу и он ответил: "Всё, на Земле больше не воюют. Военная техника перебрашивается для строительства дорог в труднодоступных районах Земли. Танки, оборудованные бульдозерами, готовятся к строительству дамб в Америке, Африке, Южной Азии, которые будут защищать города и селения от торнадо и цунами. Военные понтоны соединят даже самые маленькие деревни с внешним миром. Президенты, короли, шейхи, лидеры всех стран и движений собрались в Гааге, и самый пожилой из них сейчас будет выступать. Найди EVRO NEWS".

Я снова включил телевизор. То, что я там услышал, поразило меня и запомнилось. Седой кудрявый военный в голубом кителе при эполетах и различных регалиях, несколько склонившихся к трибуне, сказал следующее: "Земляне! всю свою жизнь я, как и многие из вас, воевал за призрачную свободу своего народа, вкладывал огромные деньги на закупку орудий убийства. А в это время дети, старики и женщины пухли от голода и умирали. Но ещё ранее их беззащитные сердца содрогались от горя при получении известий о погибших на полях сражений мужьях, сыновьях и дочерях.

Я врал им, что с победой придут обилие и счастье на нашу измученную войной родину.

Я врал, что на полях, политых кровью героев, уже в следующем году вырастет гучный урожай, которого хватит всем страждущим.

Я обманывал, когда говорил, что наши бурые от ржавчины и крови реки чудесным образом очистятся. Враз оживут и превратятся в райские наши выкорчеванные сады и вместо разгромленных и сожжённых жилищ появятся новые более просторные и уютные.

Мой бесхитростный народ верил мне даже тогда, когда хоронил близких и когда умирал сам, не дожив до обещанного.

Сегодня моя страна — страна мертвых и нет, слышите, нет во мне никаких человеческих сил обманывать людей, пользуясь их наивностью и доверием. Я ведь еще и отец, бросивший в пожар войны своих шестерых сыновей, так и не узнавших радости жизни. Это я с детских лет учил

их приёмам ближнего и дальнего боя вместо того, чтобы учить искусству жить в дружбе. Я спросил Бога: "Господи, почему ты не остановил меня раньше? Как я буду жить без своих детей? Зачем я погубил своё и их будущее? Как жить?" Внутренний голос сказал мне: "Остановись и покайся!".

И я остановил войну. Погрузил на катер семь автоматов и выбросил их в самом глубоком месте нашего моря, а затем я попросил вас собраться здесь, чтобы просить прощения за преступления, длиною в жизнь.

Людоедство – гадкий, но ничтожный грех в сравнении с тем, что совершаем мы, призывая к войне.

Простите меня. Не надо помилования! Не заслужил!".

С этими словами говоривший сорвал с мундира эполеты, другие драгоценные регалии и бросил их себе под ноги.

Операторы направили объективы камер в притихший зал. Многие из правителей торопливо доставали из карманов носовые платки. На глазах у них сверкали слёзы. Наверное, самые чистые со времён появления человека.

Когда же камеры вернулись к трибуне, все увидели, что под разноцветными флагами государств, придерживаясь за обитую бордовым бархатом крышку стола, содрогаясь всем телом, беззвучно плачет одинокий, усталый старик.

Мне почему-то стало его жаль.

18 марта 2007 г.

СУД

Этот суд готовился два столетия. Но всё не получалось, поскольку главная подсудимая и в мирное время пользовалась спросом, а в военное вообще была нарасхват. Поймать и посадить её не было никакой возможности.

Тем не менее на одном из необитаемых островов Атлантического океана было построено специальное здание суда, похожее на панцирь черепахи, а ещё более на громадный дот. Иногда внутрь его заходили грозные бронированные катера, а металлический купол кровли раскрывался и словно засасывал в своё чрево мощные вертолёты без опознавательных знаков.

Казалось бы, всё было готово, но шли годы, а суд всё откладывался и откладывался. Но вот, не далее чем три месяца назад, он всё-таки состоялся. Наша газета получила на него аккредитацию, правда, только на последний день. Таковой наступил после двухмесячной работы международной судебной комиссии.

Когда нас, журналистов, допустили в зал, стало не по себе от грандиозного количества свидетелей, в большинстве своём глав государств. Надо сказать, выглядели они бодро. Некоторые даже вызывающе. Не упускали возможности поехидничать или отпустить сальную шуточку в адрес подсудимой, сидевшей в позолоченной клетке, на покрытой бордовым бархатом скамье.

Несмотря на столь длительное судебное заседание, подсудимая, явно не молодая женщина, выглядела достаточно свежо. На непристойности в свой адрес отвечала укоризненным покачиванием головы и кокетливой белозубой улыбкой. Иногда она надолго задумывалась, явно не слушая обвинительной речи.

– Готовится к выступлению, – шептались в зале.

После умопомрачительных обвинений по тридцати трём статьям подсудимой дали последнее слово.

Женщина встала. Грациозным движением руки откинула со лба прядь красивых выющихся волос и заговорила.

Мощный поток необъяснимой энергии усиливался с каждым её словом. С потолка и стен здания посыпалась штукатурка. Вспыхнули люстры, и, словно по команде, вышли из строя все компьютеры. Свидетели и

судьи съёжились, втянули головы в плечи. От их бывшего пиджачно-галстучного величия не осталось и следа. Кто-то пытался залезть под стол и даже под кресло, а присутствующие дамы вдруг разрыдались из-за охватившего их безотчетного страха. Микрофоны сгорели, но голос подсудимой звучал мощно и звонко. Отбросив непригодные диктофоны, журналисты лихорадочно записывали речь подсудимой в блокноты.

А подсудимая говорила: "Да, да, это я – старая, грязная дрянь, без которой вы не можете обойтись с тех незапамятных времён, как научились что-либо соображать. Вас удивляет, что я хорошо сохранилась? Но это только вашими усилиями, господа! Кроме того, что вы называли меня шлюхой, потаскухой и другими непотребными эпитетами, какими зачастую величаете собственных любимых женщин, вы же дали мне и более приличные определения, но я не буду утомлять вас их перечислением. Я назову лишь одно, наиболее умное из них, которым наградил меня ловелас и вояка Отто фон Бисмарк. Да, это он назвал меня искусством возможного, и я приняла это определение как комплимент. Итак, я – искусство возможного. А искусство, как вы знаете, господа, бессмертно".

Подсудимая погрозила залу пальчиком: "Да и попробуй бы я умереть?! Вы первые бросились бы спасти меня. Вы обмывали бы меня живой водой, натирали бы медовыми и цветочными кремами, подключили бы всю новейшую медицину и всех знахарей, лишь бы я осталась жива.

Вы сделали бы это точно так же, как когда-то ваши предки оживляли разлагающееся тело Тамерлана, подкладывая к нему юных девушек. И это вы судите меня? Вы, кто ради денег и власти готовы рвать глотки оппонентам, кто толкал меня соваться в чужие дела, чужие мысли, бордели и постели.

Я смеюсь над вами.

И когда вы, упоённые близостью власти, лезете к её вершинам, я сбрасываю вас вниз, погрязших в пороках и клятвопреступлениях перед собственными народами. стыдно, господа!

Ваши боги наградили вас лучшей из планет. Но вместо того, чтобы направить силы на её процветание, вы залили её кровью, отравили и насилюете под страхом полного уничтожения. Вы, как и тысячи лет назад, вколачиваете в юные головы, что воевать и погибнуть – это подвиг. А ведь подвиг – это жить в мире.

Обманутые дети ваших стран гибнут в войнах зачастую только потому,

что вам показалось, что вы живёте не в той роскоши, едите не ту еду и спите не с теми женщинами. При чём тут высшие идеалы? Ради собственного благополучия вы готовы продаться и продавать.

Так кто же здесь шлюха?

Но сегодня мой день! Да, я не сказочная, добрая принцесса, хотя всегда мечтала ею быть. Я только – искусство возможного. Я – ПОЛИТИКА.

А сейчас я, пожалуй, пойду. Здесь и без меня есть, кого судить. Когда вас много, трудно дышать. Даже мне.

Золотая клетка распалась на глазах присутствующих. Массивные ворота дота раскрылись. Подсудимая вышла к океану и по ровной его глади направилась к берегам Европы. И опять она стала похожа на женщину. Да, да, на уходящую, оскорблённую, но несломленную женщину.

Июнь 2007 г.

СЧАСТЬЕ

"Папа, папа, поставь на бароме солнышко, надоел этот дождь", — настойчиво теребил отца четырёхлетний русоволосый сын Сашка.

Весна! Но после весёлых утренников и ясных весёлых дней вдруг словно прорвало невидимую небесную плотину, и уже три дня шёл дождь.

Сашке, нетерпеливому сорванцу, казалось: если отец передвинет стрелку на "бароме" — барометре на хорошую погоду, то она непременно наступит. Было от чего грустить: отец обещал взять его на охоту на тетеревиный ток, да куда пойдёшь в такую погоду! Он несколько раз, взобравшись на стул, едва доставая барометр и от напряжения прикусывая язычок, передвигал стрелку. Но ничего не получалось. Проснувшись, он снова видел окно, мокрое от дождя, и горестно, тяжело вздыхал.

Наконец, на четвёртый день, словно в бане промытое, вынырнуло из-за туч солнце, вспыхнуло и, радостным гомоном пернатых обитателей встреченное, заулыбалось на всю округу. Отец засобирался. Сашка одел ладно сшитую фуфаячку, шерстяные носочки, резиновые сапожки, шапочку и стал похож на мужичка с ноготка из старой, доброй сказки.

Вышли вечером: до деревни, где им предстояло переночевать, семь километров. Хозяева встретили радостно: поили чаем с засахарившимся мёдом, хвалили Сашку, называя его охотником. Спать легли рано.

Было ещё совсем темно, когда отец встал, включил свет на кухне, разбудил сына, и они, стараясь не шуметь, засобирались. Хозяева тоже проснулись, и Макарович, хозяин избы, включил самовар. Сашке хотелось спать, и он, позевывая, протирал кулачками глаза, которые никак не хотели открываться по-настоящему, хоть спички вставляй. Но холодная вода из умывальника решила эту проблему. Попили чаю и вышли на улицу.

Мерцают неутомимые звёзды. Тишина. Тишина такая, что даже сдерживаемая отцовской рукой щеколда издаёт резкий, оглушительный звук на всю Вселенную. Два человека, большой и маленький, молча уходят в ночь по одним им знакомой тропе. Сонно лопочет речка.

Вот и ток. По-хозяйски обошли заранее приготовленный шалаш. Отец поставил на место сбитые ветром ветки. Залезли, устроились поудобнее на ржаной прошлогодней соломе, затихли.

Пискнула ранностайка-птичка, вспорхнула в шалаш, забавно прыгая на веточке и вытянув шейку, смешно нагибая головку, рассматривала за-

таившихся охотников. Потихоньку подкрался озноб. Но вот за спиной, где болтала речка, кто-то хохотнул громко и страшно. Сын плотнее прижался к отцу.

"Это куропатка сигнал даёт, не бойся. Сейчас и косачи прилетят". — Отец не успел договорить. Кто-то невидимый, мощный с невероятным хлопаньем обрушился на шалаш. Отец не видел, но знал, как ёкнуло и гулко забилося маленькое сердечко его сына, как расширились глазёнки и вжалась в фуфаечку Сашкина головушка.

"Кто это?" — едва прошептал мальчик.

"Косачи. Один прямо на шалаше сидит", — ответил отец также шепотом.

"Гук!" — негромко просигналил сидящий на шалаше косач, и слышно было, как он переступил на другую ветку. Рядом с шалашом что-то забелело, и Сашка подумал, что это зайчик, как вдруг: "Чуффышш!" — резкое хлопанье крыльев. Зайчик исчез.

Совсем рядом с шалашом кто-то забормотал, сначала негромко, потом всё громче и призывней. Посветлело. "Вот он, вот он", — шептал Сашка, пригибаясь к соломе. Ему казалось, что тетерев, косящий на него голубиным глазом, его видит и вот-вот улетит.

"Папа, да вот же он, вот, рядом!"

"Я вижу, сынок, тише", — ответил отец шёпотом.

Чуть поодаль, на покрытой старой жухлой травой полянке, словно заводные, то разбегались, то сшибались большие нарядные птицы. Свежей кровью налитые брови, лихо загнутые хвостовые перья, отливающие изумрудной зеленью шеи и крылья, белоснежное подхвостье восхищали детский взгляд.

Сашка смотрел не отрываясь.

А косачи всё подлетали и подлетали, и отец уже видел широко распахнутые глаза сына и чуть приоткрытый рот.

Иногда более сильные петухи хватали, как Сашке казалось, своего соперника за ухо и долго водили по току.

А между тем выглянуло из-за горизонта солнышко, и сразу стало теплее и виден стал не только ток, но и поле за ним. Вот из ржаной стерни вышли на кромку тока серые курочки и своим квохтаньем привели тетеревов в буйство. Ток загудел, постоянно звучал боевой клич "Чуффышш!". Перья полетели из блестящих рыцарских доспехов. Пробежала в задри-

панной грязной шубейке лиса, грозно кружил ястреб, но ток, лишь на секунду прерываясь, начинался вновь с ещё большей силой.

И вдруг громадная чёрная птица, всей статью похожая на тетерева, обрушилась в середину тока.

"Глухарь", – прошептал отец.

А птица, чуть осмотревшись, вразвалку подошла к одному токующему рыцарю и вдруг сильно ударила его по голове страшным белым клювом. Тетерев мгновенно улетел. Так и избивал бы глухарь тетерева и разогнал бы всех, но выстрел был наказанием ему за обиды слабых и хулиганство.

Отец не успел схватить Сашку за фуфаячку, и тот вылетел из шалаша, едва не разрушив его, и схватил поверженную птицу. Удар крыла по лицу чуть не сбил его с ног. И даже слезинка скатилась по розовой щёчке, но Сашка держал глухаря и, захлебываясь радостью и восторгом, рассказывал отцу, какой он молодец, что вовремя схватил птицу, а то бы она непременно убежала или улетела.

Брусничинка крови медленно выросла на орлином клюве глухаря и сорвалась под собственной тяжестью. Отец убрал птицу в рюкзак. Саше вдруг стало грустно, и он молча шагал за отцом.

А между тем полностью рассвело. К удивлению, над речкой один за другим тянулись вальдшнепы, и когда один из них стал приближаться, отец, чтобы развеять грустные мысли сынишки, выбросил вверх свою кожаную фуражку. Вальдшнеп, резко упав на левое крыло, бросился к падающей кепке и, едва не ударившись в Сашку, резко взмыл вверх. Но детский взгляд уловил и коричневый глаз вальдшнепа, и длинный нос. "Кто это, пап?" И отец рассказал ему много интересного про жизнь вальдшнепов. Так они и шли, разговаривая, и не заметили, как из-за реки выехал всадник. Сашка первым увидел его и остановился в удивлении: в шитом золотыми нитями охотничьем камзоле ехал, не спеша, кудрявый голубоглазый парень с улыбчивым лицом. Спрыгнул с лошади, поравнялся с охотниками и, обращаясь к мальчишке, спросил: "Ну и как вас зовут?" Сашка взглянул на отца и, увидев одобряющую улыбку, хитро прищурился и выпалил: "Папа Николка, мама Малинка, а я – голубчик". Все засмеялись. Смеялся и Сашка, прикрыв губы ладошками.

"Молодец, всё рассказал", – парень погладил мальчишку и спросил: "А сколько охотничку лет?" Сашка отсчитал на ладони четыре пальца и

спросил: "А как тебя зовут?" Улыбнулся парень, взлетел в седло, не пользуясь стремянем, и, чуть придерживав коня золочёной уздой, ответил: "Счастье!".

Саша открыл рот и недоумённо взглянул на отца. Когда они пришли в себя, всадник удалялся по грязноватой весенней дороге, кудрявую его голову окружало сияние.

Отец и сын переглянулись.

— Пап, а у тебя тоже голова в солнышке.

— И у тебя в солнышке, сынок.

— Счастливые мы с тобой люди.

Прошло тридцать лет.

Саша не стал охотником. Но любовь к природе, ко всему, что с ней связано, осталась. Осталось и ощущение счастья при общении с ней и стремление к разгадкам её тайн.

Я, видевший за свою охотничью жизнь тока тетеревов в полторы сотни, прогонявший с хлебных полей неисчислимые полчища кабанов, лично знавший "в лицо" более сотни медведей, потихоньку отвыкаю от страстного желания добыть, рассуждая примерно так: ну убью, ну съем, и что, на всю жизнь сыт буду? А душевный трепет от встречи с лесными обитателями остался. С грустью провожаю перелётных птиц, с радостью встречаю.

Переживаю, что скудеет природная кладовая, и знаю, что только в чистых, заботливых руках и душах человеческих её будущее. И ещё я хочу, чтобы, как когда-то мой сын, встречали на охотничьей тропе мои внуки и правнуки красивого всадника с редким именем "Счастье".

Мне же остаётся вспоминать свои охотничьи приключения и благодарить жизнь за каждый шаг, пройденный лесной тропой ему навстречу.

ЧАС ЗА ЗАКАТОМ

Нежная голубая тень сгустилась и погасила на нашей ласковой земле последние краски разноцветной осени. На кромку овсяного поля, где я устроил лабаз, сбежались, словно на вечеринку, молодые осинки и, краснея, о чём-то шушукуются. Налетевший из лога, заросшего красной осокой, ветер качнул размашистые приполевые берёзы, и они, словно по команде, зазвенели миллионами листьев-колокольчиков. Осинки тоже качнулись, и их шёпот стал громче и веселее.

Нахмурившись, следит за ними уже черная в сумерках ель. В тихом скрипе её слышится недовольство: "Разыгрались, бесстыдницы, с ветренным шалуном. Только и дел шептаться да заигрывать". Но все знают, что добра ворчливая ель в пору ненастья для уставшего путника, зверьков и птичек.

Ни один самый лихой дождь не пробьёт её густую крону. Ещё деду моему она давала приют. Мой сын, а может и внук, испытают её бескорыстное гостеприимство.

Гаснет день, ещё один неповторимый день Великой Жизни.

И грустно от этой мысли пожилым людям, и радостно молодым, ибо одни живут закатами прошлых дней, вторые — восходами грядущих. Ещё не смыла ночь с голубого небесного покрывала клюквенный сок заката, а звёздочки уже заискрились, словно радуясь, что первыми вышли на смотрины.

Господи, как далеки они и как же должны быть велики, коль свет их достигает земли сквозь толщу космических километров. Как же мал человек?

Тёмную, но пока ещё прозрачную вуаль набрасывает ночь на лога, поля и леса, превращая их в таинственные миражи какой-то неизвестной планеты.

Только тот, у кого хватает терпения и, может быть, смелости прочесть побольше в чёрной книге ночи, в состоянии открыть многие её тайны. Нужно сделать, как я, ставший невидимым для тысячи глаз лесных обитателей.

Иногда можно просидеть всю ночь и никого не увидеть. Природа неохотно открывает свои тайны.

Но иногда, после длительных дождей и ветров, к вечеру проглянет сол-

нышко и установится тихая, сухая погода. В такие выходные вечера оживает весь вечерний лес и можно открыть такие тайны его жизни, что, рассказывая о них в компании друзей и знакомых, запросто наткнёшься на недоверие и смех.

Сегодня как раз такой вечер. Садись рядом, смотри и слушай.

Вот страшная возня под ногами! Трудно поверить, что маленькие лесные мыши могут поднять такой оглушительный в ночном лесу шум. Приближающийся тяжелый топот создаёт впечатление, что к лабазу подходит откуда-то взявшийся в нашем северном лесу слон. Не верится, что это всего лишь топающий пешком заяц. Не прыгает, а именно шагает, несколько покачиваясь, словно мужик из кабака. Любо, наверное, пугливой заячьей душе время сумерек: тишь-благодать. Можно и поле открыто перебежать, и поужинать на выбор.

Словно злой дух, бесшумно проплывает под моими ногами белый лунь. Но вдруг, словно наткнувшись, взмывает вверх, выставив вперед когтистые лапы, и, упав на правое крыло, бросается в спасительный лес.

А это кто?.. О, какие люди без охраны? Лисонька изволили выйти поохотиться. Шубка ещё не ахти, да чего там говорить – дрянь шубка, а ей хоть бы что? Нос в земле, а форс держит.

И как идёт! Идет как! Приподнятый хвост чуть изогнут и как бы рядом с ней плывёт.

А она стелется, чуть повиливая задом, струится между вздыбленными плугом и заросшими травой пластами глины. Не иначе Мерилин Монро идёт в магазин. На заячий горячий след – ноль внимания.

Но что это? Что за манеры? Выгнувшись дугой и подпрыгнув, лиса ухватила овсяную бронь и попятилась назад, обрывая зубками зерна.

Ай, ай, ай!

Так испортить свой классический имидж прекрасной дамы с дурными наклонностями воровки-курятницы. Вот мы всем расскажем! Это даже ни с чем сравнить нельзя. Это всё равно, как если бы Сонька-Золотая Ручка перешла на воровство хлеба с прилавка сельмага.

Я знал, что овёс любят многие звери, но в том, что он есть и в лисьем рационе, убедился впервые. А лиса между тем продолжала ужин.

...Видимо, вспугнутый кем-то, с хлопаньем поднялся с поля глухарь и сел, качая еловые сучья.

...Метрах в двухстах от меня, почти в середине овсяного поля, появи-

лась чёрная полоса. Вот она придвинулась ближе, и я увидел кабана.

На расстоянии он был совершенно чёрным, и только белые пятна на морде позволяли определить матёрого секача. Вот он снова поднял голову и долго всматривается в начало уходящего в лес лога. Кто-то беспокоил кабана, и он, развернувшись, исчез в еловой подсаде.

Что-то изменилось в ночном лесу. Чиркнула беспокойно маленькая серая птичка. Даже вечерний воздух впитал в себя какую-то неясную, зловещую тревогу. Лису словно ветром сдуло. Стихло так, что зазвенело в ушах. Каким-то древним, сохранившимся ещё от предков, чувством я ощущал присутствие зверя. Его величество обычно не торопится с выходом на поле, как какой-нибудь молодяшка-заяц. Обстоятельно послушав и вынюхав лес, медведь всегда неожиданно появляется в овсе и начинает трапезу. Но не так было в этот раз. Страшный треск и ворчание, переходящее в рык, нарушили тишину за моей спиной. Никогда раньше я не слышал ничего подобного. По ели, стоящей в двух метрах сзади меня, кто-то лез. Медленно повернув голову, я тщетно пытался разглядеть виновника шума. Но увидел только, как из-под ели, словно шерстяной мячик, выкатился медвежонок, неуклюжий, большеголовый и очень косолапый. Качнулся сук, и второй медвежонок, прыгнув вниз, немедленно напал на своего братца.

Шум, рычание, сопение, борьба на дыбках, нешуточный оскал маленьких клыков, угрожающие позы — всё прорепетировали медвежата, а затем, успокоившись, вышли под лабаз.

Когда охотники говорят, что застрелили медведицу, не зная, что она с медвежатами, они лгут. Природа, оберегая медведицу, как продолжательницу рода, сочла благоразумным, чтобы медвежата первыми появились на поле. Может быть, она втайне надеялась, что на детей и, тем более, на их мать ни у кого не поднимется ружьё, дрогнет сердце человеческое и не позволит нарушить семейное счастье. Если бы это было так? Если бы любовь ко всему живому призывала каждого соблюдать законы природы и человеческие, которые запрещают убивать медведицу с несмышлёнышами.

Дважды мне приходилось слышать, как совершенно по-женски ойкая и захлебываясь то ли в безумном смехе, то ли в плаче, бросается то в одну, то в другую сторону медведица, потерявшая убежавших с испугу медвежат.

Годится ли нам, знающим утраты, не раз пережившим кладбищенские

стенания наших родных и близких, черстветь сердцем и брать на себя грех гибели целой медвежьей семьи?..

...Между тем медвежата принялись лакомиться овсом. Наблюдать за ними всегда весело и интересно.

В густом сумраке я пытался разглядеть медведицу. Да вот она. Громадный лобастый зверь с белесым ярмом на шее и с жёлтым осиновым листком, зацепившимся за шкуру, подняв голову над лабазником, вдыхал ночной влажный воздух. Хозяйка лесов не чувствовала себя по-хозяйски. Два сорванца, кормящиеся на открытом поле, делали её беззащитной и осторожной. Кровью обливалось материнское сердце от страха за малышей. С шумом взлетел на противоположной кромке поля тетерев. Я видел, как спрыгнул с медвежьей шерсти осиновый лист, и понял, что медведица вздрогнула.

Многие охотники говорят, что медведица подзывает медвежат свистом, и ошибаются. Звук, который издала медведица, — это скорее скуление, жалобное, кроткое и очень высокое по ноте. Но его хватило, чтобы медвежата стремглав бросились к ней.

В следующее мгновение медведица совсем по-матерински шлепнула передней лапой по шерстяным штанишкам первого медвежонка, и он кубарем, коротко взвизгнув, покатился по логу в глубь леса; второй, предусмотрительно обежав маму, бросился за ним. Так и растаяли они в глубине осенней ночи.

Ах, ночь, ночь, какая богиня учила тебя тайнам перевоплощения? Надменная, сверкающая звёздами и белым бисером, студишь ты сердце человеческое зимой.

Но едва потеплеет, и всё в тебе напоминает влюблённую женщину: хмельную, манящую и даже чуть-чуть легкомысленную. Где готовишь ты то вино, которое делает нас нежнее, влюбчивее, чувственнее?

А кто научил тебя так волнующе ласково целоваться летом? Какая волшебница поднимает твои ладошки, наполненные сладостью лесной земляники, навстречу горячим губам влюблённых?

Прочь житейские невзгоды! Как при первой любви, хочется всегда быть с тобой, летняя ночь, отогреться твоим теплом, шептать наивные, добрые слова и умирать, да, да, умирать от любви и очарования.

Злые ли чары неведомой колдуньи превращают тебя в жилище ужасов и тоски осенью? Как можешь ты, украшенный багряными колокольчика-

ми, куст шиповника превратить в страшное чудище, хватающее, рвущее одежду и царапающее лицо! Как умешь ты нагонять чувство тоски и ничтожности в самое отважное молодецкое сердце!

Я не люблю тебя, осенняя ночь, и, когда пробиваюсь сквозь бездну твоих тайн, неслыханных звуков и чудовищ, искренне клянусь, что никогда больше не приду на свидание с тобой. И сладко мечтаю лишь о том, как зайду в залитый электрическим светом дом, увижу знакомые лица и буду пить чай и рассказывать, как, выйдя на поле перед деревней, я резко оглянулся и вдруг увидел твои чёрные бездонные глаза, и дрожь пробрала всё моё существо. Неужели это я только что купался в их страшной немой бездне и не утонул, не тронулся умом, не умер от страха?!

И ещё я буду рассказывать, что подарил мне час за закатом. Это твой час, осенняя ночь, и потому мы ещё обязательно встретимся, и ты откроешь мне многие тайны. А сейчас я умираю от усталости.

Отпусти меня, ночь!

ДЖЕК

Крупный серый пёс поднялся навстречу, потянулся и изучающе посмотрел на меня умными зеленоватыми глазами. Звериная мощь угадывалась в хорошо отлаженном породистом теле. Счастье, что каким-то особым чутьём пес распознал мои благие намерения, и тут же задремал. Наслушавшись довольно грозных предупреждений о характере собаки от жителей деревни, я робко стукнул в окно. Было часов пять утра. Споря с тете-ревиным бубнением и чуфырканием, журчала лесная речка, отчаянно барабанил дятел, птичья мелюзга возилась, пищала на проталинах поля.

Дверь открыл хозяин, кряжистый седой мужик с руками лесоруба и с изборождённым глубокими морщинами лицом. Я представился, и через пару минут мы уже пили чай из пузатого самовара. Так просто, по-русски состоялось мое знакомство с Федором Макаровичем и его женой Натальей Петровной. Макарович со своей страной прошёл сквозь радости и беды и, как вся страна, на удивление друзьям и назло врагам, выжил.

Последнее время работал штатным охотником, за что имел Почетные грамоты, радикулит и надёжное сердце. А было ему под 70 лет. Много интересного и полезного узнал я от этого человека, не раз удивляясь его возможности проходить ночным осенним лесом без звёзд и просек десятки километров, никогда не сомневаясь в точности выбранного пути. Он с детства привык делать всё хорошо и крепко. Будучи помоложе, он, по словам Петровны, точно так же относился к выпивке. Но однажды, когда я привёз его после болезни домой, он, в общем-то человек, любящий "поболтать" под рюмку, начисто отказался от водки и не пил уже никогда, несмотря на восстановившееся здоровье.

Его пёс Джек в поведении и характере, если исключить отношение к спиртному, был точной копией своего хозяина. Без детских шалостей и панибратства, он, разобравшись в новом человеке, доверчиво к нему относился, ходил в лес и даже разрешал взять добытую с его помощью дичь. Спокойный, всегда знающий чего от него хотят, он и в лесу только при необходимости переходил в галоп, обычно же словно струился среди деревьев широкой волчьей рысью. Пёс был красив и мудр. Подружившись с ним и спросив у Макарыча разрешения, я имел чудное удовольствие охотиться с хорошо натасканной зверовой лайкой. Кто из охотников не знает, что хорошая собака позволяет видеть, слышать и знать обо

всём, что делается в лесу далеко за пределами человеческих возможностей. А какое счастье испытывает охотник, когда среди многовековых бескрайних сузёмов его воспитанник и друг найдёт птицу или зверя, подлает их и не даст уйти подранку. Если рядом собака, самая гнилая от сырости и пропащая от темени осенняя ночь не страшна уставшему человеку. Он снова будет знать обо всем, что скрывается за малюсеньким, освещённым костром ночлегом. А знание, как известно, — сила.

Люди одних интересов легко и надолго знакомятся друг с другом. Охотники и рыбаки — яркое тому подтверждение. И я рад, что судьба свела меня со многими десятками истинных любителей охоты. Все мои друзья разные люди, но любовь к природе, внутренняя, а не показная порядочность, добродушие и присутствие юмора — вот то, что с лихвой перекрывает присутствующие в любом из нас человеческие недостатки. О том, что на охоте, особенно по крупному зверю, кроме хорошей собаки важно иметь надёжного друга, знает каждый. Достаточно вывихнуть ногу, провалиться в болото или в лесной речке, ослепнуть от удара спружинившей ветки, и будет понятно, что кроме господ Бога твое единственное спасение — друг.

Громадный, с седой клыкастой мордой кабан вылетел из подсады ельника в трёх шагах от меня, и я выстрелил. Снег и земля струйкой взлетели в воздух, и зверь, совершенно невредимый, не обратив на меня ни малейшего внимания, пронёсся рядом. Второй выстрел хоть и был точнее первого, но лишь легко ранил кабана, удиравшего к речке. Не успев испугаться, я стоял, совершенно ошалев от случившегося, и, постепенно приходя в себя, всё сильнее чувствовал разочарование в самом себе и известную одним охотникам горечь. "Вот рядом была жар-птица удачи и проворонил, когда ещё она прилетит снова".

Всё бы этим и кончилось, но вновь взревела гонка Тайга, а затем утробно и отрывисто, словно задыхаясь от злобы, залаял Джек. Кабан остановился. Я вздохнул с облегчением. Судьба подарила нам с другом ещё один шанс. Посоветовались и, уже используя свой первый неудачный опыт, решили вновь попытать судьбу.

Кабан, хоть и не знал о наших намерениях, сменил тактику. Он снова залез в ельник, как пиявок, счесывая о пружинящий подрост деревьев досаждающих ему собак, затем выбрал удобное для обороны место и замер, словно пружина, в приготовленном заранее гнезде.

Двадцать пудов железных костей и мышц не собирались быть съеденными, и когда Тайга слишком быстро подскочила, седая громада бросилась на неё, ломая всё на своем пути, и в этом аду Джек все-таки уловил момент и рванул кабана за промежность с такой силой, что тот на миг потерял опору. Боль заставила зверя развернуться, и Тайга, было отлетевшая в сторону, словно в отместку за унижение вновь заметалась червонным дьяволом, молниеносно хватая то один, то другой бок кабана. Это вынудило зверя вновь избрать защищающую его зад позицию. Собаки устали и злобно лаяли, не приближаясь на опасное расстояние. Остальное, как потом оказалось, было делом техники.

Друг двигался на кабана, не стреляя; и зверь не выдержал и, сопровождаемый собаками, вышел на чистое место. Я стрелял в него с пяти метров, и всё было кончено. Правда, потом были проблемы с Тайгой, которая считала кабана своей частной собственностью, и никому, ни мне, ни Джеку, не разрешала к нему подходить. Но и это уладили. Вид даже поверженного зверя с вывернутыми ножами клыков был страшен. Сходили за трактором и кое-как вывезли кабана в деревню.

О том, как Джек находил куницу, можно сложить легенду, по крайней мере, Макарович, скупой на похвалу, радовался собаке и ходил за этим зверьком, как в магазин.

Но была у Джека слабость. Зная её, Макарович всегда предупреждал: не проходить ближе километра к тем местам, где есть барсучьи норы. Но однажды и он сам, и мы "опростоволосились". Джек тут же использовал нашу глупость и так глубоко залез в нору, что лай его можно было услышать, лишь наклонившись над ней ухом. Потом его вообще не стало слышно, и мы, решив, что его надо спасать (не задохнулся ли), сбегали в деревню за лопатами, за три часа вырыли нестандартную по глубине братскую могилу, когда наконец увидели собачий хвост, и только хотели вытащить его владельца, Джек сам спокойно вылез и, словно сказав: "Ну, как вы тут, не вспотели?", снова нырнул в нору, и опять его стало едва слышно. Мы попадали от усталости и возмущения. Угрозы, молитвы, проклятия – всё было тщетно, и лишь под вечер уставшая собака снова вылезла на свежий воздух, где тут же была взята на поводок. Охота в этот день закончилась бесславно, если не считать опыта по копанию траншеи.

Джек подлаивал белку, но ясно было по его скучающему виду, что это не его профиль. Его стихией была охота на крупного зверя. Поиск и атака –

вот что было заложено в его крови сибирскими родителями. "Главное – ввязаться в драку, а там посмотрим", – говорил Наполеон. Джек не мог знать зазнаистого француза, но поступал именно так, и не имело значения, кто противник – семнадцать кабанов, среди которых половина могла бы переломать ему ребра, или медведь в ночном лесу, не жалующий тех, кто рвёт на нём "штаны" самым бесцеремонным образом.

Никогда не забыть, как однажды мы по молодости и глупости пытались с Джеком добрать раненого на овсах медведя. Было уже совершенно темно, а мы с другом на четвереньках лезли подсадой ельника, продвигая ружья вперёд и зажав ножи в зубах, к тому месту, где площадная ругань Джека сливалась с ужасным рычанием медведя. Естественно, зверь уходил, едва зачуяв наше приближение, и всё начиналось сначала, но потом один из нас потерял нож, и это послужило предлогом для нашей ретиранды... Джек пришёл лишь под утро, а когда рассвело, мы снова пошли искать медведя. Не получилось. Пёс наткнулся на горячий след кабанов и ушёл по ним. Добрать медведя не удалось. На счастье, неделю спустя мы снова увидели его на овсах.

Много интересного можно рассказать об этой собаке, но погибла она, как воин, наткнувшись на стаю волков. Мне не дано было быть на той, последней для него охоте, и я до сих пор верю, что Джек жив.

ВЗВОД

Прапорщик Бесстрахов Михаил Николаевич давно отслужил все полагающиеся ему сроки. Но пенсия с "гулькин нос" и две поздние дочки-двойняшки не позволяли вкушать радостей пенсионной жизни, и он продолжал службу. Даже из меркантильных соображений попросился в группу офицеров в Чечню. Отслужили, хотя, ради приличия, пытались отговорить. На десятый день его ранило осколком подскочившей мины-лягушки в лёгкое. Военные врачи, конечно, спасли, осколок достали и заштопали, но вскоре, по приезде домой, с ним случился приступ удушья. Уже другие врачи определили холб. Кроме сугубо медицинских показаний, посоветовали бросить службу.

— Годик ещё послужу и весной уволюсь, — решил для себя прапорщик. В родной деревне на Вологодчине остался от матери домик и участок земли. Где-то в середине лета его вызвали к начальнику училища и тот подозрительно мягко, без напора попросил его взять на обучение взвод курсантов.

— У вас опыт, подход какой-то особенный и дочерей воспитываете славно. Я вот к своей единственной не знаю, как и подойти. Чуть что — рев на всю Вселенную. А у вас, я видел, получается со своими.

— Да тоже всякое бывает, но в среднем по батальону жить можно, — ответил прапорщик, не заметив грозящей ему опасности.

— Ну спасибо, Михаил Николаевич, выручили. А то ведь молодым такой взвод не поручишь. — Начальник вышел из-за стола и с чувством потряс руку прапорщика: — У меня гора с плеч. Спасибо!

Ровно через минуту безупречный служака вновь стоял перед начальником, красный от возмущения и почти кричал, что он скорей повесится, чем будет командовать бабьим взводом.

О том, что взвод будет девичий, он узнал от ехидно улыбающегося капитана Нетименко, который встретился прямо за дверью кабинета начальника.

Разговор был долгий. Итогом его стал приказ по училищу. Пришлось подчиниться.

"Проклятый взвод", как назвала его жена прапорщика Аля, прибыл вскоре почти в полном составе. Четыре дня ушло на приведение разношёрстной толпы "стрекоз" в боевой вид.

Прапорщик заставил подопечных написать биографии но, читая их,

ничего не выяснил. Биографии были явно "слизаны" у одной из курсанток. Причем слово в слово.

— Понятно, что есть какая-то "оторва", организовавшая подобное чистописание. Ничего, не таких обламывали, — утешал себя прапорщик. — Главное, вычислить и своей помощницей определить. Остальные вертихвостки, если не сказать хуже, быстро поймут разницу между военным училищем и институтом благородных девиц.

С выражением "если не сказать хуже", которое вырывалось у прапорщика иногда не к месту, он связывал многие конфузы в собственной службе. Однажды в летнюю жару он учил взвод преодолению полосы препятствий. Некоторые курсанты не выдерживали и, чтобы прекратить свои мучения, нарочно бросались в трёхметровый водоём. Плавали в нём, несмотря на ругань Бесстрахова. Это увидела жена начальника и, при всех налетев на опешившего прапорщика, обозвала его словами, лучшими из которых были изверг и фашист. Занятия пришлось прекратить, и вечером, докладывая о происшествиях начальнику, Михаил Николаевич сказал буквально следующее: "Во время отработки взводом полосы препятствий ваша жена, если не сказать хуже..." Могучий хохот постороннего батальона прервал его доклад. Вороны и галки, мирно сидевшие в кронах берёз, разом взмыли ввысь и подняли рассерженный гвалт. Прапорщик долго казнил себя за ту нелепость и, будучи человеком советным, не раз выручал командира в трудных ситуациях. Вот сейчас эти пигалицы. Плюнуть и растереть, уйти в отставку. Но кто-то должен же с ними "воевать". Мои вот тоже вырастут. А куда деваться? Институт для двоих нам с матерью не потянуть. Тоже, что ли, служить? Дело, если не сказать хуже, швах, "Бог не выдаст — свинья не съест". Может и наладится к тому времени, подумал Бесстрахов и, ничего хорошего не обещавшим голосом, рыкнул:

— Второй взвод — стройся.

Построились с грехом пополам. Ушло минут пять.

— В ружейную комнату — шагом марш. Взять оружие.

Толкучка, лязг автоматов, чей-то визг. Ну так и есть; Полозкова, вскидывая автомат на плечо, зацепила мушкой щёку ждущей своей очереди Патраковой. Для парня был пустяк, царапина, а эти обе в рёв.

— Взвод! На плац, бегом, марш!

"Вавилонское столпотворение". Если не сказать хуже.

Вышел на плац. Девушки стояли в жалком подобии строя.

Прапорщик покачал головой и, словно досадуя, негромко и коротко распорядился:

— Равняйся. Смирно. Отставить. Равняйся. Смирно. Отставить. — Ничего не получалось. — Как вы стоите, как стоите. Я сказал, что боец при команде "смирно" должен видеть грудь четвёртого человека. Восьмую грудь четвёртого человека, если не сказать хуже. Ардыбашева, вы когда-нибудь видели солдата в декольте? Здесь не стриптизбар, — съязвил прапорщик. Отставить. Заправиться по уставу. — Ардыбашева, что-то ворча под нос, неохотно застегивалась.

— Разговорчики в строю! Я команду "смирно" не отменял.

— Портнова, куда вы оттянули, если не сказать хуже, вашу материальную часть. Животное, которое вы изображали, нежизнеспособно. Его не существует в природе. Нет его и в нашей доблестной армии. По крайней мере до вас не было. Смирно! Портнова, это вас касается.

Вот уже лучше. Сейчас будем учиться строевому шагу. И, если останется время, изучим некоторые ружейные приёмы.

— Что у вас, Огнева?

— Товарищ прапорщик, очень жарко сегодня.

— Ну и что вы предлагаете? Солнце на время прикрыть? Или войну отменить.

— Нет-нет, товарищ прапорщик. Я предлагаю перенести занятия на пасмурную погоду, а сейчас бы на пляж. Можно?

Михаил Николаевич едва не улыбнулся наивности курсантки, но усилием воли изобразил на лице непроницаемость и скомандовал:

— Смирно! Нале-ву! Шагом арш.

Что это был за шаг? Слёзы, а не шаг.

Падающие с покатых плеч девушек автоматы вразнобой лязгнули об асфальт. У прапорщика нехорошо кольнуло сердце.

— Отставить, — рыкнул. — Поднять оружие. Смирно. Шагом марш. — И строй двинулся. Сначала неуверенно, но с каждым шагом, метром всё чётче и успешней. Только Светлова шла рядом со строем. Урезанная, некуда выше, юбочка при попытке строевого шага сползала к талии, открывая прелести курсантки.

Прапорщик мысленно выругался. Надо же какая зараза. Так испортить форменную юбку.

— Светлова, встать в строй. Внимание, взвод, левое плечо вперёд! Арш! Бахарева! Плечо отличается от бедра тем, что из него растут руки, а не ноги. Уберите бедро в линию строя. Внимание, взвод. Стой. Направо. Раз, два. Огнева, направо — это лицом ко мне, а не на пляж в парке Мира. И это уяснили целых десять человек взвода. Для остальных: "Кругом". Снова резанул слух лязг падающих автоматов. — Поднять оружие. Равняйся. Смирно. Показываю парадный шаг.— Прапорщик легко, красиво, словно и не было за спиной шести десятков лет промаршировал по плацу. — Надеюсь, понятно. Нога стремится к прямому углу, носочек оттянут. При парадном шаге главное проникнуться гордостью за свою армию и своё Отечество. Гордостью к себе. — Увидев, что после его слов строй чуть шевельнулся и превратился в натянутую струну, прапорщик, хитро, но по-доброму улыбнувшись, продолжил. — Вы... и вы Светлова тоже, лучшие девушки, лучших Вооружённых сил. Вас красивее, стройнее нет ни в одной армии мира. У вас самое надёжное в мире стрелковое оружие. Поцелуева, прекратите лизать автомат. Это не то, о чем вы думаете. Не эскимо, если не сказать хуже. — Строй прыснул и уж хотел, в нарушение устава, захохотать, но прапорщик, не успевший понять, какую несурязицу выдал, скомандовал строго — вернулись. Закашлялся, но уже не от давящего хохота.

— Отставить смех. Сайкина, отстегните от ушей серьги, похожие на гимнастические кольца. При команде "к ноге" мушкой автомата оборвите себе уши. Виткина, в практике военной службы я не помню команды "на автомат". Что, вы так и будете таскать его между ног? Что? Тяжелый очень. А так легче? Убрать! То есть "на плечо".

Виткина с трудом взгромоздила на себя оружие.

— Напра-во!

Ни один автомат не упал. Строй не сбил ряды и при команде "строевым, марш" довольно сносно начал рубить шаг. Так продолжалось около получаса. Бесстрахов ходил вместе со строем то впереди, то рядом и чем дальше наблюдал за стараниями девушек, тем более проникался к ним какой-то совсем не уставной, почти отцовской любовью. Доброта всё более отражалась на его лице, хотя он сурово сдвигал брови, придавая себе грозный вид.

— Внимание, взвод! Стой! Равняйся! Смирно! Вольно! Оправиться, разойдись! — Девчата бросились врассыпную.

Покидали автоматы на жухлую подстриженную траву и тоскливо по-сматривали кругом, выискивали то нужное заведение, в котором одинаково нуждаются и королевы, и курсантки военного училища. В обозримом пейзаже его не просматривалось. И тогда девушки, образовав живое кольцо, решились произвести необходимое дело прямо рядом с плацем. Михаил Николаевич не сразу разгадал их манёвр, а когда сообразил, так рывкнул "Отставить!", что взвизгнули телефонные провода. Кольцо распалось. Прапорщик резко отвернулся, чтобы не быть свидетелем не всеми законченного мероприятия, и, не оглядываясь, крикнул: "Строиться, взвод". Когда за спиной всё утихло, развернулся и только сказал: "Что вы меня перед всей частью позорите?! Или спросить нельзя? У меня до вас ребята служили, с ними этих проблем не было". — Строй виновато молчал. "Ну да ладно — не мука, а вперёд мне, старому, наука". И тут он почувствовал одышку. Проклятый холб вернулся не вовремя. Ещё успел скомандовать:

— Направо! С места с песней в казарму шагом арш. Запевай! — Бросил в рот две заранее приготовленные таблетки, присел на ступеньку шведской лестницы. Строй удалялся. Запевалы выводили: "Не плачь девчонка". Слова песни в девичьем исполнении звучали дико и глупо. Боль в лёгком зверела. В мозгу настойчиво крутилась мысль: "Дожили до хрена вплоть, если не сказать хуже. Девоч под ружьё, а пацаны за материнскими юбками от армии прячутся... Да ещё радуемся, как недоумки. То-то оно нам гренадёров нарожают. Надо Светловой юбку уставную выпросить". Прапорщик уже не помнил, как съехал с лестничной ступеньки, а когда очнулся, видимо, лекарство всё-таки подействовало, то первое, что увидел, были серьёзные, зарёванные лица курсанток. "Надо же, вернулись, и приказ побоку", — закашлялся, но уже не от давящей боли, а чтобы скрыть от своего замечательного взвода невольные выступившие слёзы.

КАПЕЛЬКА

Теплоход ПТ-1, названный в простонародье "Потерпи, товарищ", подтверждая своё звание, медленно покорял бегущие навстречу сухонские воды. Его "крейсерская" скорость не достигала и десяти километров в час, что весьма утомляло некоторых пассажиров, тем более, что часты были задержки из-за счастливой возможности теплохода приставать к каждой прибрежной деревне. Люди же, впервые плывущие по этим местам, имели замечательную возможность наслаждаться медленно меняющимися видами реки Сухоны, её обрывистыми, окаймлёнными вечной зеленью хвойных лесов берегами. Продающееся в судовом буфете чудесное великоустюгское пиво, искристый великоустюгский же лимонад с обязательными жареными в масле пирожками помогали пассажирам пережить часы вынужденного бездействия.

Я и мой школьный товарищ Лёня тоже купили по бутылочке темного "Мартовского" пива и вышли на палубу. Было около двух часов полудня, когда теплоход поравнялся с легендарной горой "Бык". В её чреве когда-то проживали разбойники, грабящие идущие по реке купеческие суда. Всматриваясь в высокий правый берег, я увидел родной дом, и спазмы сдавили моё горло. Навернувшиеся слёзы жгли глаза, и чтобы совсем не раскиснуть, я обратился к другу, указывая на держащуюся одним корнем, повисшую над обрывом сосну.

— Три года назад оно ещё стояло и я думал, что так будет всегда, а вот видишь, дожди и ветры сбросили её вниз, и только мощный осевой корень не только удерживает дерево, но и питает его.

Леня посмотрел на меня как-то многозначительно и, явно волнуясь, сказал:

— Ты знаешь, а я ведь тоже успел побывать в такой ситуации.

Пересказывать не буду. У меня с собой рукопись, почитай на досуге. Он сбегал в трюм, и через три минуты подал мне обыкновенную школьную тетрадь. Я хотел сразу раскрыть её, но Леня придержал мою руку со словами: "Только не при мне".

Теплоход сбавил скорость и со скрежетом ткнулся в каменистый берег. Красивый капитан с черной аккуратной бородкой, в безупречном чёрном кителе выглядел не менее важно, чем возвратившийся из "кругосветки" капитан уставшего брига в каком-нибудь Монтевидео. Мы были знако-

мы, поэтому, когда я махнул ему рукой, он улыбнулся и нажал кнопку магнитофона. "Есть только миг между прошлым и будущим, Именно он называется жизнь". Волнующе и упрямо утверждал красивый голос певца, и мне показалось, что не только я, но и весь такой радостный солнечный мир в это поверил.

Друг приобнял меня, прощаясь, и долго не отпускал. Потом помахал мне доверчиво раскрытой ладонью.

Через неделю он погиб. Сбила машина. Говорили, что можно было спасти, но водитель, пользуясь темнотой, скрылся. Я прочитал рукопись и дал себе слово её опубликовать. Друг назвал её "Капелька".

Я вижу медицинский шприц. На конце иглы испуганно дрожит капелька лекарства. Через секунду её "подружки", такие же маленькие и хрупкие, ворвутся в мой организм и отважно вступят в бой с уничтожающей мой организм болезнью. А пока я умираю. Отчаянно хватаю ртом воздух, но его всё равно не хватает. Вот это вдох, наверное, будет последним. Мне страшно.

Голова становится большой и больно так, как будто в ней только что разорвался оружейный патрон. Наверняка я что-то кричу от боли и страха смерти. Судороги карёжат моё тело и, прежде, чем потерять сознание, с горечью понимаю, что капельки не успевают. Всё.

Какая-то сила освобождает мои глаза от пелены. Всё яснее двигающиеся силуэты. Да, вот я уже узнаю их. Жена о чём-то говорит с врачом и девушкой-фельдшером.

В руке одной из них я вновь вижу шприц и капельку на конце иглы. Ощущаю слабую боль от прокола вены и понимаю – жив. Боль и страх ещё властвуют надо мной и тянут в чёрную пропасть смерти. Случайно вижу чьё-то отражение в зеркале, белое лицо мёртвого человека шевелит губами. О чём может говорить мёртвый? Стенки неумолимых тисков постепенно отпускают, смертельный страх в ещё живой душе постепенно проходит.

Сегодня не праздник смерти. Постепенно оживаю. Да и как же без меня эта ночь за окном, где-то затаивается до времени весна. Между прочим, я посадил осенью новые сорта смородины, обрезал малину, крыжовник, и мне просто необходимо знать, каковы будут плоды моего труда.

В любом деле, маленьком или большом, важны плоды. Всё остальное

пустяки и болтовня. А ещё я более трёх лет не бывал в деревне моего детства. Там из окна нашего дома видны идущие в неведомые страны большие белые пароходы и слышна красивая музыка, нисколько не мешая музыке весенней природы. А справа родное волоковое поле, казавшееся мне тогда таким бескрайним и таинственным, как вся наша земля.

Помнится, весной птичья мелюзга, заполняя всю округу щебетом, свистом, скрипом, треньканьем и криками чибисов, откровенно и чисто славила весну и жизнь. Весеннее солнце не жгло, а мягко, по-матерински обнимало нежными тёплыми лучами. И бежал я полем, захлебываясь окружающим меня счастьем, пел какие-то восторженные, только что мною сочинённые наивные песенки, и было это так недавно, что кажется возможным возвращение. Я плачу. Плачу навзрыд, нисколько не стыдясь присутствующих женщин. Неужели так закончится моя далеко не безгрешная жизнь? Вместе с мыслями о грехе приходит головная боль, удушье, лихорадка.

Уходит сознание. Глаза в глаза старик с окладистой белой бородой, напоминающий моего деда в последние дни жизни. Пронзительный взгляд и слова, словно гвозди забиваемые в душу:

— Ты ещё поживёшь! Поживёшь! Но сколько раз я давал тебе шанс понять, осознать хрупкость твоей и вообще человеческой жизни. Хрустальный сосуд в бережных руках сохраннее, чем твоя жизнь, ибо ты ей больше враг, чем кто-либо другой. Каждый день твоей жизни — это подарок, чудо при твоём небрежении жизнью.

Старик настойчив:

— Жизнь не может быть мила или не мила. Жизнь — факт, если хочешь, состоявшееся чудо. А мила она или не мила лишь потому, что ты сам её такой сделал, и в этом главный грех. Научись отдавать и прощать. Запомни: ничего нельзя взять с собой, оценится и переживёт тебя только отданное. Никогда не отчаивайся. Отчаяние кормит зло.

Капелька лекарства спасла твою жизнь, капля яда способна убить её. Разве тебе не приходило в голову, что нельзя без конца издеваться над собственным организмом. Приходило и не раз. Значит, сам знал, родители умоляли, жена укоряла, враги радовались, врачи предупреждали, но ничего не помогло.

Машина рычит в ночи. Снова узнаю врача и жену, держащую на весу капельницу, из которой убегают в меня спасительные отряды капелек. Ей очень неловко держать капельницу, но вот не бросает. А в повседневной жизни разламея из-за пустяка и кажется, что уже всё пополам, остальное вдребезги. Мне горько от мысли, что самому близкому человеку я говорил не самые лучшие слова.

Меня всё ещё везут. Капельки побеждают. Мне значительно легче и снова тянет на философию. Да, сегодня не праздник смерти. Слишком много людей, ни в чём мне не обязанных, противостоят ей.

Фармацевты вкладывают в малюсенькую таблеточку, в каплю лекарства такую спасительную энергию, которая способна продлить жизнь большому и, казалось бы, умному, но не берегущему эту самую жизнь человеку.

А как стало много людей, умерших раньше физической смерти. Они давно уже никому не нужны и при случае немало скулят об этом, а ведь по большому счёту и им-то никто не нужен.

Вспомнилось: громадный мужик плачет, размывая грязной рукой мутные слёзы по впалым заросшим щетиной щекам, и медленно выговаривает:

— Всё. Загнал себя в тупик. Ничего нет — ни жилья, ни здоровья, ни денег. Паспорта и того нет. Одна дорога — в петлю. Спрашиваю:

— Дети-то есть?

— Есть. Только я их ещё маленькими бросил. И они меня не признают. Грязные слёзы текут из-под чёрной руки человека, никогда не думавшего о своём будущем. Похоже, даже умереть он намеревается за чужой счёт и под чужим забором. Но не получается, а как дальше жить — не знает. Да и не пытается знать.

Помнится, хотелось чем-то помочь, но сказал я другое:

— Ты ещё жив, так сделай же, чёрт возьми, что-нибудь для себя сам. Сделай, чтобы жить.

Может, это и помогло. Живёт.

Колдующие надо мной женщины в городской больнице добиваются цели — боль уходит, и я проваливаюсь в какое-то совершенно странное тёплое забытьё. Успеваю подумать, что под одеялом я совершенно голый, и мне становится стыдно. Значит, жив.

Я скоро проснусь и расскажу людям, как страшно умирать. Пусть из моего тяжелого опыта извлекут они хоть маленькую толику необходимого

нам жизнелюбия и жизнесбережения. Возможно, кто-то спросит меня, как мне удалось выжить? Наверное, отшучусь, сказав:

– Похороны столь скушный ритуал, что даже на собственных я предпочел бы не присутствовать.

Я проснусь, чтобы с благодарностью принять из рук моих спасителей и спасительниц хрупкий бесценный дар жизни. Мне кажется, я знаю, как с ним надо обращаться.

Совсем скоро первая, весенняя капелька упадёт с крыши в холодный и жёсткий снег. Такая маленькая, но я точно знаю, что именно она на всей моей красивой и щедрой Родине распахнёт ворота новой, неповторимой жизни. Такая у неё сила.

Сыновья России

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Играет духовой оркестр. Не только музыка вечного марша "Прощание славянки" плачет и торжествует над родным городом, отправляющим в армию подростков, но всё ещё кажущихся беспомощными ребят.

Точно так же плачут и торжествуют сердца провожающих. Так было. Говорят, что сейчас в дни призыва родные испытывают страх. Да и музыка гремит, способная обесценить такое важное событие, как уход в армию. Понятно, чего боятся родственники. Некоторые отцы-командиры всё сделали, чтобы армия была "худшим из рабств". Но почему забываем так похожую на русскую душу, в её одновременном ликовании и страдании музыку. У глупости предела нет — поскольку она тоже разновидность ума. Но у нашего поколения, уверен, вызовет жалость и отторжение, если во дворцах бракосочетаний марш Мендельсона заменят какой-нибудь звонкой пустышкой. Да, даже если б "Марсельезой". Вспомните её слова.

В моей же душе, при одном упоминании об армии, всегда будет звучать "Прощание славянки". Она возвращается ко мне и связывает мою судьбу с поколениями того огненного прошлого, участниками которого были мои прадед, дед и отец. Она не даёт мне покоя, напоминая, что где-то идёт война и костлявая рука смерти тянется к юным, ни в чём не повинным сердцам детей и, может быть, именно в эту минуту отнимает у кого-то из них самое ценное — жизнь.

Заверения политиков, что без этого нельзя обойтись, — лишь жалкое самооправдание своего неумения жить в мире. Неужели многих тысяч лет не хватило, чтобы умнейшее создание во Вселенной не отвергло убийство, как способ решения проблем. Горько об этом думать, но под коронами и галстуками некоторых вершителей судеб бьются тупые сердца неандертальцев.

Стыдно и больно.

От военкомата я иду к парку Михаила Матвеевича Булгакова, 170 лет

назад подаренного им горожанам Великого Устюга. Вот по этой аллее не раз проходил Пришвин, и, кто знает, может, именно здесь пришла к нему грустная мысль: "У меня своё, у тебя своё, у него... а вместе — это Родина. Чувствовать вместе "своё" мы научились на войне". Вот он, русский характер. Чтобы осознать необходимость единения, обязательно нужна какая-то беда.

Осень в парке, как в безусой юности: "Все поцелуи безумного лета зажгла в факела, словно волосы русы". Звучит красиво, завораживающе, невольно прощаешь автору страшноватость сравнения.

Я трогаю холодноватый ствол липы и спрашиваю: сколько же тебе лет? Знаю, что если бы она могла ответить, то рассказала мне, каким уходил на русско-турецкую войну мой прадед. В 1877—1878 годах он оборонял Шипку.

Век спустя болгарка-гид рассказывала мне, советскому туристу, о той трагической обороне. Зима в то время выдалась необычайно суровой, и многие русские воины просто замёрзли на обжигающем горном ветру, но не ушли, не сдали туркам стратегически важную высоту.

Когда наша тургруппа поднялась на Шипку, там тоже было ветрено и холодно. Многие из нас поспешили вернуться к подножию. У русских солдат — освободителей Болгарии, Румынии, Сербии, Черногории, такой возможности не было.

Но светлая память о них, в полном смысле этого слова, осталась. Наблюдательному туристу удаётся увидеть, что чем ближе к Шипке, тем чаще встречаются русоволосые и курносые болгары и болгарки. Надо сказать, это делает их неотразимо красивыми.

Мой дед, Сергей Прокопьевич, в Первую мировую был ранен в колено химической пулей, но в Гражданскую воевал в легендарной конной Будённого, и вместе с ней прошёл с боями десять тысяч километров. Это из его рассказов я узнал о страшном переходе из Туркестана до Чёрного моря. Люди засыпали в седлах, лошади умирали под всадниками, их меняли, отбирая других у крестьян попутных станиц. Армия с боями шла к цели. Дед часто видел Будённого, когда командарм выступал перед солдатами, в завершении своей речи матерился так в адрес "белой сволочи", что ему завидовали одесситы. Полный Георгиевский кавалер, а по Уставу рядовому, имеющему Георгиевский крест, обязаны были отдавать честь генералы, ему предоставлялись значительные в царское время льготы, но Будённый выбрал революцию.

Можно много говорить о кровавости гражданских войн и революций. Но ведь кто-то доводит и доводит народ до такого состояния, когда революция — единственный и, конечно, тяжкий выход.

Сейчас, когда по книгам я многое знаю о трагедии "белого" движения, о его героях и мучениках, мне ничего не приходит в голову, кроме слов прощения и покаяния для тех и других. Для красных и белых. Для наших.

Рок судьбы или бездарность правителей бросали моего деда то на соляную корку озера Сиваш, то в молдавские сады, где по палаткам стучали переспевшие яблоки, то в заснеженную украинскую степь, где их — победителей, возвращающихся на родину эшелонам, на целых две недели остановила метель и они жили в оторванном от мира поезде, голодали, замерзали, и многие сходили с ума, потому что им грезились молдавские яблоки.

Деду спасли жизнь восемнадцать чёрных сухарей, которые он ел по одному в сутки. И вернулся.

А вот его сын Савватий, как и миллионы солдат, погиб под Сталинградом, едва прибыл на передовую. Сейчас модно укорять солдат и командиров той войны в неумении воевать (Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны.) Да ладно бы видя, а то ведь ещё и на горшке не сидели. А с каким неуёмным цинизмом судят живых и павших, к тому же ещё и победивших воинов. Пляска на черепах и душах. Ещё проще — элементарное свинство.

Почему я, достаточно благополучный житель России, пишу обо всём этом? Боюсь, что всё забудется, разрушатся памятники, уйдут ветераны и правда о трагедиях русского воинства растворится в космической пыли. Слава Богу, я многое помню из рассказов ветеранов и исполняю лишь скромную миссию: рассказать. Чтобы продлить нашу память

В первые годы Великой Отечественной войны командование получило информацию о готовящейся высадке десанта немецких егерей на побережье Белого моря. Участник тех событий, ветеран, рассказывал мне, как о чём-то обыденном, что он и его товарищи сорок суток выходили к побережью, где мог высадиться десант. Сорок суток посменно лежали в снегу в маскхалатах, не разводя костров, чтобы не быть обнаруженными, и не дождались. Немцы высадились позже. Кто из командиров проявил скифскую мудрость и по мере продвижения немцев на юг уводил военные ба-

зы ещё южнее, оставляя егерей без возможности иметь зимние квартиры и пополнить продовольствие, ветеран не знал. Но натренированные немецкие егеря, лишённые отдыха, голодные и замёрзшие, сдались в плен. Суровый полярный ветер выдул спесь завоевателей.

Я вспомнил рассказ ветерана не случайно. Кто был часовым, тот помнит, что зимой и два часа на посту кажутся вечностью. Так из чего же были наши отцы и деды, сорок суток вылежавшие в снегу на продуваемом жёсткими ветрами побережье? И почему за этот подвиг их не наградили чем-то более существенным, чем медаль "За оборону Заполярья"? Трудно ответить. В 1944 году, при освобождении Румынии, мой отец спросил крестьянина, хорошо знавшего русский язык: "Ответь мне на один вопрос. Когда вам жилось лучше – при Антонеску или при нас?" Румын даже не задумался: "Лучше жилось, когда Антонеску уже сбежал, а вы ещё не пришли". Уже по этому ответу можно было предвидеть, что освободители скоро станут оккупантами. Ни один народ не живёт без чувства собственного достоинства, и настоящее братство есть тончайшая нить, сохранить которую удаётся не часто. А как бы надо!

Моя армия. Так считало поколение моих родителей и моё поколение. Мы гордились ею и шли служить с твёрдой уверенностью, что без нас она не обойдётся. Уходить было грустно, и сердце щемило предчувствие чего-то нового, неизведанного. Но верилось в лучшее.

Это потом будут подонки, глядящие свою гимнастерку на теле молодого солдата, рабы и хамы среди "стариков" сержантов и офицеров, стремящиеся воспитать нас по своему подобию. Это потом будет выполнение никому не нужных или нужных для показухи дел и приказаний и большая, кажущаяся невыполнимой работа с перерывами на сон, построения и приём пищи. Но тем более высоко ценились в армейской среде человечность офицеров, опыт сержантов и желание помочь молодым, пусть и с некоторой долей снисходительности, со стороны "стариков".

О тех, кто злорадно обещал солдатам сделать для них службу в армии адом, думается, как же они хотели воевать рядом с солдатами, которые их ненавидят?

А вот об истинных отцах-командирах, об армейских друзьях память сохранится до конца жизни.

Как-то вы сейчас, дорогие мои офицеры: капитан Левченко, старший лейтенант Куянец, майор Ермишин?

Где вы, рядовые Браулов, Кучко, Халбаев, Нестеров, сержант Соколов? Не в разных ли странах мы живём?

А я всегда хотел, что если в атаку, то с вами.

Неужели кто-то из вас, после указания очередного параноика, способен подняться на меня из неприятельских окопов. Или пошлёт своего сына убивать моего. Надеюсь, что этого никогда не случится.

А сквозь чистые слёзы воспоминаний вижу нас вместе на праздничном Параде Победы, одержанной нашими отцами. Нас, чьи сердца бьются, как единое целое. Нас, чьи сапоги навечно впечатывают в разопревший от весеннего солнца асфальт звуки победного марша. Не топчут, а впечатывают, чтоб не забыли.

Иногда, друзья мои, я смотрю на голубой экран, где показывают собирающихся на операцию наших военных в Чечне. Мне нечем им помочь, и я просто прошу: "Вернитесь живыми!"

В Булдаковском парке молодая мама прячется за берёзку от своего малыша. Он сначала спокойно обходит одно деревцо за другим, заглядывает за тумбы и под скамейки. Но мамы нет. И я вижу, как наполняются слезами глаза малыша, и вот уже сквозь прорвавшийся детский плач слышатся горестные слова: "Оставила! Оставила!" У мамы, выбежавшей из укрытия, на глазах слёзы и страх. Она неловко поднимает малыша и, оправдываясь, шепчет: "Разве я тебя оставлю, малютка моя, как ты мог такое подумать".

Россия! Никогда не оставляй своих сыновей!

СЕРДЦЕ УЧИТЕЛЯ

"Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи. Всмотритесь в неё. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся ещё необъятнее. Горит и дышит он. Божественная ночь! Очаровательная ночь!"

С первых слов мы, учащиеся Стреленской школы, заворожённо слушаем грудной голос нашей учительницы Лидии Романовны Марковой. Она читает взволнованно, и нам кажется, что каждое, ею признанное слово, побывало в её сердце и торопится к нам, спеша донести энергию печали и нежности, которыми оно только что запаслось.

Лидия Романовна — украинка, и мы понимаем её грусть, когда она читает и говорит о родине. Она учила нас русскому языку и литературе, который любила, как свой родной. И мы до седых волос благодарны судьбе, что имели возможность быть её учениками. Родина скупа на награды. Сколько талантливых учителей — учителей именем Божиим, так и остались незамеченными! А ведь с семи лет, при вечно занятых родителях, наши судьбы зависели от них.

...Я выхожу на Набережную и вглядываюсь туда, где за сухонскими излучинами садится солнце, а его прощальные лучи скользят по воде светлыми слепящими дорожками. С детства до старости русский писатель Иван Сергеевич Шмелёв пронес в себе веру о том, что по этим дорожкам спускаются на землю ангелы, чтобы помочь людям в борьбе со злом.

...Педучилище. Сколько земных ангелов заходило по этой лестнице с робким желанием стать учителем. Как замирали сердца, когда зачитывались списки успешно сдавших вступительные экзамены! Сюда в тридцатые годы пришла и моя мама. Всю жизнь она проработала учителем и директором школы. Её авторитет в сельской глубинке был настолько велик, что даже Саша — кузнец, по кличке "король", её стеснялся.

Был такой случай. Мы с мамой пришли в магазин на МТС. Пришёл и дядя Саша, человек совершенно добрый, но нехороший во хмелю. Увидев маму, он отозвал продавщицу в сторону и шепотом спросил: "Маруся, дай бутылочку". Мама услышала это и поднялась на враз потерявшие

го всякое желание выпить кузнеца. Суть её высказываний была в том, что дяде Саше надо не водку пить, а детей кормить и одевать как следует. "Не надо, Маруся, не надо", — поспешно говорил дядя Саша, пятась к двери.

Я открываю папину тетрадь. Восхищаясь системой подбора учащихся водного техникума, где он учился, он пишет: "Мне не приходилось встречать где-либо так глубоко продуманного отбора и подготовки специалистов, как в техникуме водных путей сообщения. Во-первых, прежде чем сесть за парту, молодые люди работают учениками на судах. До конца навигации они испытывают всё, чем может их встретить жизнь. Иногда 30% из них разочаруются и уйдут, не теряя попусту времени.

С первого до последнего дня ежедневно, с начала навигации и до её конца, кем только не работают курсанты на судах — от салажат — учеников до помощников механиков и даже капитанов".

Степень учительской требовательности и талант преподавателей были столь высоки, что отец, например, до конца своих дней сохранил в памяти названия, силу и другие характеристики всех судов, которые в то время бороздили воды Сухоны, Двины, а их были сотни. Стараясь привить мне любовь к физике, он задавал такие задачи: "На какую глубину опустится потерпевшее аварию над Марианской впадиной судно, имеющее 15 тысяч тонн водоизмещение?" А я думал, что все суда тонут до дна. Это не мешало ему знать отлично географию, наизусть знать "Кому на Руси жить хорошо", запомнить наизусть 164 песни, хорошо петь, играть на гармонии, разбираться в экономике, психологии, в сельском хозяйстве. Я это пишу с нескрываемой сыновней гордостью. Но какие же тогда были учителя?! А ведь именно они привили ему любознательность. В городской библиотеке, что напротив школы имени Герцена, его и, может быть, десяток других читателей пропускали к стеллажам для выбора нужной книги, так как затруднялись подать книгу, ранее им не прочитанную.

Листаю дорогие сердцу страницы, и они приводят меня снова в педучилище 20-х годов. Песня учащихся Великоустюгского педучилища тех лет. Ну-ка, что они пели?

Ах, зачёты, вы зачёты,
Вы проклятые мои.
До чего же вы, зачёты,
Мою душу извели?!
У Демидова по пенью
Очень трудно отвечать.
Все дизезы и бемоли,
Интервалы нужно знать.
А Богданов Феодосий
Важно входит в кабинет,
И, потрянув своей причёской,
Начинает мучить всех.
Виктор Викторович тоже
Очень славно прижимал,
И горбатых, и рогатых
Неудов нам выставлял.

Как мало мы изменились, сваливая свои "грешки" на наших учителей! Сменился век и поколения, но чувства не изменились. Мы тоже приверженцы одной российской ошибки: "Что имеем — не храним, потерявши — плачем". И вот уже выпускной бал, и мы всматриваемся в лица наших учителей и с горечью понимаем, что нам их будет не хватать.

Может быть, по солнечным дорожкам на Землю спускаются не только ангелы, но и учителя, спешащие помочь всем? Спустившись на грешную землю после педучилища или института, ангелы попадают в систему, которая ни плоха, ни хороша, но на всякий случай подрезает ангелу крылья, чтобы вновь уже не взлетел. Затем опутывает тарифной сеткой, ставкой и обязанностями: вот это делать обязательно, если даже противно, а это никогда не делать, даже если очень хочется. В этой паутине бьётся за одни и те же деньги и новичок, и такой, допустим, "ас" своего дела, как Александр Алимпович Политов, который, вслух называя действия, со скоростью пишущей машинки решал такие задачи, над которыми мы потели весь урок. "Ангел", пока мы мучились над задачкой, с удовольствием курил "Беломор".

А Нина Ивановна Жилина? Она преподавала ненавистную мне алгебру с такой нежной теплотой, с какой можно вполне объясниться в любви. К своему стыду, алгебру я так и не одолел, но это не мешало мне относиться к учительнице трепетно и восхищённо.

В деревне Конявица, что недалеко от горы Бык, работал сельский учитель. К каждому Новому году у школы вместе с ребятишками он делал из снега цветные ледяные фигуры. Там были и Дед Мороз, и Снегурочка, и всякие звери. Ребятишки из дальних деревень приходили порадоваться этому чуду.

А сколько огородов с диковинными овощами, садов и парков было посажено истинными учителями не для программы, а для души!..

Слава Богу, и сегодня в наших школах, техникумах, училищах, вузах работают люди, отдающие себя без остатка трудному делу учительства. И пусть наша любовь хоть маленькой толикой возвратит в учительское сердце щедро раздаренное тепло.

Однажды мне пришлось посмотреть, как две пары журавлей обучали журавлят полёту. Это был трудный урок. Но вот, после нескольких неудачных попыток, журавлята взлетели в небо и сразу набрали такую высоту, что даже у меня захватило дыхание в испуге за них. Но всё обошлось благополучно, и через каких-то пять минут полета ученики разбаловались: они ложились на крыло, пикировали к земле и восторженно взмывали ввысь. Старые журавли внимательно наблюдали за маневрами, и когда журавлятам удался сложный пируэт с кувырками, один из родителей не выдержал, разбежался и взмыл в небо. И его ликующая песня понеслась в сияющую синеву.

Это ликовало и пело сердце — счастливое сердце учителя.

Между прошлым и настоящим

ЛЕГЕНДА О ГИБЕЛИ ГОРОДКА ОРЛЕЦ

Ратимир и Алёнка

3-го июня 1446 года молодой устюгский скоровестник, проезжая мимо Кирикинского озера, чуть не вылетел из седла, когда несущийся на махах конь его вдруг встал как вкопанный.

– Не балуй, Орлик! Чего спужался-то?

Скоровестник поводом успокоил коня, и тут услышал такое, отчего дрогнуло и скатилось куда-то молодецкое сердце, остроухая шапка поднялась на волосах и не было сил в руках, чтобы поправить её. По спине заструился холодный пот.

В зарастающем озере, в чёрной его пучине, были слышны утробные, со всхлипом, человеческие рыдания. Озеро рябило. И от него тянуло холодным, низовым ветром.

Едва одолев страх, конник так стеганул швельгой¹, что конь, вздыбившись, перелетел грязный ручеёк и в момент вынес всадника в дор², по краям которого лежали выкорчеванные, приготовленные для смолокурок пни. Здесь было не так страшно, и всадник чуть придержал коня, тем более, что впереди шла маленькая, легонькая, как пушинка, старушка.

– Куда спешишь, баушка? – крикнул всадник, сдерживая коня.

– Ко всем Святым ходила, молиться за вас, грешных. Чуешь, "бухало" плачет. К горю это, к войне. Оломенесь тоже ревел, бабы баяли, в Заозёрье избы дрожали.

– Да кто это, "бухало"?

– А никто не видел. Бают, что зверь водяной раньше в бокче³ Югской

---

¹ швельга – кнут.

² дор – расчищенный от леса участок.

³ бокча – яма.

жил, а как Юг слизнул впрямь от Наволока под Гордеев Починок, зверь-то и остался, да всякий раз перед горем нашим ревьёт. Спужался, небось?

— Спужался. Влезай, подвезу.

— Что ты, что ты, я тороплюсь, езжай с Богом.

Она перекрестила гонца и побежала вперёд так споро, что опять стала похожа на пушинку одуванчика, гонимую ветром. Всадник пошевелил коня, тот послушно перешёл на рысь и, прочавкав копытами по глинистой сырой лощине, вылетел в молодой чистый бор. Любы молодому горячему сердцу белые ночи. Сладко мечтается, в доброе верится, когда вечерняя зоренька ещё не растаяла, а утренняя уже улыбается и зовёт встречать новый день. Звонко откликнулся бор на прозвучавшую с Чёрного озера журавлиную здравницу. Утро, словно могучая река, вырвалось из тесных берегов белой ночи и, захватывая луга, леса и пашни, щедро полило их неиссякающей влагой света. Бор, и без того веселый, вдруг радостно встрепенулся. Всё кругом пищало, щебетало, ворчало и щёлкало. Глухари, покинувшие токовые сосны, спустились на землю и собирали камушки, на гари затоковал тетерев, да вдруг смолк, словно одумавшись. Куропач хохотнул на болотине два раза, но лешачий хохот его никого не испугал, и он, обиженно, смолк. Лисица проскочила через дорогу, таща в зубах краснобрового тяжёлого тетерева.

— Лепота-то какая, — воскликнул всадник и направил коня правой бечевой. Немного поплутав, он неожиданно для себя выехал на селище (заброшенная деревня), а затем к реке и изумился окружающей его благодати. Справа от него нежилась в лучах восходящего солнца молодая лиственничная роща, прямя её деревенька о два двора, чёрная, с покосившимися засеками и с пятью коровами на присаде. Слева, на востоке, в утренней, ещё не растворённой солнцем дымке небольшая церковь, обнесённая "чесноком" (изгородь из заострённых кольев).

— Троицкая. А за ней и городок недалече, — почему-то шепотом произнёс всадник. Конь, почуяв хозяйскую руку, развернулся и полетел холмистым бором, затем по какой-то деревеньке с печами на улице, разогнал гусей, ребятишек, что-то лепивших из глины. Всадник снова поднялся в бор, перескочил, брызгая, небольшую каменистую речку и остановился у глубокого песчаного рва, на другой стороне которого выглядывали из-за

свежесрубленной крепостной стены две маленькие, словно игрушечные, сторожевые башенки и купол деревянной церквушки.

— Откуда свалился-то? — ручейком прозвенел девичий голос.

Оглянувшись, всадник увидел девушку, несущую небольшую берестяную корзинку. Он и раньше видел красивых девушек, но эта — курносая, с распущенными, цвета спелого мёда, чуть вьющимися волосами, просто поразила его. В простеньком, вышитом цветочками сарафане, она смотрела на него широко распахнутыми удивленными глазами, озорно улыбаясь.

— Откуда свалился-то, спрашиваю? — снова прозвенел ручей.

— Да скоровестник я, из Устюга. Мне бы сотского перевидеть, — подбирая нужные слова, отчуждённо ответил всадник.

— Скоровестник, а не торопиться, к седлу прилип, что ли? Так и будешь до обедни сидеть?

Всадник словно упал с коня, не успев понять, зачем он это делает.

— Иди за мной, скоровестник эвягливый (болтливый), — шутиво укорила девушка и пошла к окованным железом крепостным воротам. Юноша шёл как во сне.

Орлик не отставал от хозяина, путаясь в волочащейся по песку узде, косясь и недовольно всхрапывая, когда она попадала под щетки.

Ворота открыл парень в длинной льняной рубахе и в белых портах. В голубых глазах его навсегда поселилась искорка озорства, губы красиво, по-доброму улынулись, недавно вымытые русые волосы лохматились во все стороны. "Ангел у врат рая", — подумал всадник и тут же толкнул остановившуюся вдруг спутницу. Ах, если б можно было провалиться сквозь землю, и вестник даже попробовал по сильнее надавить на неё, но песок хоть и сыпуч, пропускал не дальше сапожных взёмов.

— Устал он с дороги, Андрейка, вот и спотыкается, — пояснила девушка озабоченно.

— Как звать-то тебя, царство сонное, — все так же улыбаясь, спросил "ангел" со взлохмаченными волосами.

— Ратимир, — едва вспомнив собственное имя, объявил юноша.

— Ратимир? Мудрёно. А меня Ондрейкой кличут.

— Да очнись, ты! Лучше отгадай как её зовут? — Ратимир назвал имя

своей младшенькой сестрёнки – Алёнка.

– А знал, наверное?

– Нет-нет, не говорила, он случаем отгадал. Он скоровестник, ему отца надо. Сотский еще не вернулся?

– Мне сотского надо, – угрюмо подтвердил Ратимир.

– Да нет сотского, уехал на черёмуховую да на журавлиную речку рыбную подать с мужиков собрать. Давно что-то не везут. – И обратился к Ратимиру:

– Пойдем, отец её, Истома Волк, первосоветник у сотского Белозерца, вот с ним и поговоришь.

Поднявшись в городок, Андрей указал Ратимиру избу, которая, как потом оказалось, была и почивальней для ратников, и частью восточной стены.

Прохлада и смоляной дух несколько улучшили сознание Ратимира, который всё ещё был под впечатлением встречи с Алёнкой.

Он увидел перед собой большой длинный стол и такие же широченные длинные лавки вдоль стен. На одной из них сидел здоровый седой мужик и перелистывал церковную книгу.

Увидев Ратимира, он не спеша захлопнул её и, поднявшись, просто сказал: "Здравствуй, отрок, какие вести привез?" – из-под длинных тёмных, словно осенние тучи, бровей, смотрели на Ратимира необычайно добрые глаза, и он решился.

– А откуда знамо, что я с вестями?

– А как не знать. Ты тетку Анну, старушку, под Пеньевским спуском видел? Так вот она и сказала.

– А она как узнала, я же ей не говорил?

– Так ей это не надобно. Сердце у неё хорошее. Сердцем и чуёт. Ну да давай к делу.

– Но как же она вперёд меня-то успела? Я всё-таки на коне.

– Да знает она все тропинки звериные, не только людские. В Киев пешком хаживала и, как видишь, вернулась.

– Мне бы сотского, наместник велел бересту ему отдать, да вот тут и прописано – Белозерцу Дмитрию Славовичу.

– Нет его, да ладно. Если не срочно, то и ты подождёшь сотского. Я за

ним нарочного пошлю. А сейчас отдохни с дороги. Трапезная во второй избе. Зайди. Там тебя покормят и покажут, где спать.

Но в это время скрипнула дверь, солнечный луч вспыхнул на половицах и погас, закрытый вошедшим воином.

— Да вот и сотский. Ну как ловли, Дмитрий Славович? — спросил Волк.

— Какие ловли, мужики и бабы с голоду пухнут, нет ни корма скоту, ни себе хлеба. Шука подо льдом отнерестилась, лещ всё ещё не идёт, то, что ловят, — съедают сами и этим живы. Не взял я с них податей.

— А у нас гость, — Дмитрий шагнул к Ратимиру и протянул руку. Ратимир сунул в неё бересту и понял, что сделал что-то глупое.

— А что, в Устюге русичи уж и не ручкаются, — с сильным оканием произнёс Белозерец.

— Ручкаются, — произнёс Ратимир и покраснел.

— Да не красней, как девка на выданье. Что там князь Данила пишет?

Он быстро прочитал бересту и нахмурился. Потом поднял голову и, обращаясь к первосоветнику, сказал:

— Ну вот, и дождались. Татары, разорив Городок, что на Кичменьге, конниками и насадами спускаются воевать Устюг.

Первосоветник, Истома Волк, был единственным мужчиной из всех жителей окрестных деревень, разменявшим пятидесятью весну. Седой как лунь, израненный в вечных битвах с новгородцами, татарами, вятчанами, он, как сорвавшаяся со скалы и висящая на одном корне живая сосна, так же накрепко вцепился в родную землю. Жизнь тоже не на шутку вселилась в его могучее тело. Сердце воина и отца, уже потерявшего в сечах пятерых сыновей, сердце, которое давно должно было разорваться, если не от телесной боли, так от душевных страданий, билось ровно и надёжно. Последний раз он защищал городок от вятчан, которые так и не смогли взять его, но на обратном пути после девятидневного стояния под Устюгом обманом зашли в городок, многих работников побили, сожгли всё, что могло сгореть. Тогда погибли два его последних сына.

С чем можем мы сравнить горе матери и отца, оплакивающих своих детей? Нет такой меры. И когда к Волку подходили с утешением ратники и старушки, он тут же уходил от них в ближайший лес, ибо все слова их были хоть и искренними, но не приносили облегчения.

Единственным утешением ему во всём его одиночестве была дочка Алёнка — цветочек аленький. Именно так называл её, когда оставались они наедине. Он делал ей из дерева и глины кукол, нежно нянчил в своих коряжистых руках, одевал во всё лучшее, а однажды привёз из Устюга большой серебряный с чернью гребень. То-то было у дочки радостей.

Его жена Авдотья умерла сразу же после смерти последних сыновей. Была она умна, терпелива и немного скрытна. Когда страшное горе обрушилось на неё, она не выплакала его, не раздала близким и знакомым, как это делают многие женщины, но и сама не выдержала. Алёнке было тогда четыре годика. А сейчас ей семнадцатый. Годы идут быстро, ещё быстрее, кажется, приходят войны.

Вот и опять. И что они лезут, что им мирно-то не живётся. Бьют их сотнями, как слепней на лошадях, а всё лезут и лезут, когда родиться успевают?

— О чём задумался, Волк? — окликнул Дмитрий, наливая в братчину из лагуна квасу и не дожидаясь ответа, неожиданно повернулся к Ратимиру: "А ты чей будешь-то, отрок?" Тот опять замешкался, покраснел, но ответил: "Князя Звенца внук я. Тятя погиб в походе, воевать к Камню ходили". (Уральские горы)

И торопливо продолжил: "Можно я здесь останусь? Мне вольно поступать как захочу. Князь так сказал. Я в сече только раз бывал: шемогодских чернопашенных мужиков усмиряли. Из лука за пятьдесят сажен гуся всегда убью". Он говорил и смотрел на сотского и Волка с надеждой.

Страшный шрам на красивом лице Истома, потемневший было при известии о татарах, посветлел.

Сотский нахмурился.

— Князь ладно, а мамка тебя отпустила? Ревела, поди. Ты, помнится, у неё один разьединственный. Как она без тебя? Не думал об этом?

Ратимир, словно боясь, что сейчас его отправят обратно, торопливо и сбивчиво заговорил:

— Плакала мамка, а потом сказала: "Поезжай сынок. Не век тебе у моего подола крутиться. Помни только, что больно мне тебя отпускать, но сто крат больней будет, коль узнаю, что в страшные минуты выбора меж-

ду честью и жизнью ты выберешь жизнь. Кто только не хочет на колени Русь бросить? А поднимать её дано только нам, силой веры и любовью, даже истекающих кровью наших сердец. Твой отец так говорил, а он редко ошибался".

Сотский по-новому взглянул в лицо отрока. Ещё не взматеревший юнец, с легким пушком над верхней губой, с голубыми, глубоко сидящими глазами и непослушной копной русых выющихся волос, напряжённо ждал его ответа.

— Ладно, иди отдыхай, под ногами не вертись, работы много. Я позову за надобностью. — Ратимир облегчённо вздохнул и вышел.

В городке кипела работа. Ратники в белых тканых рубахах крепили западную, самую высокую стену, разгружали с повозок брёвна, камни, котлы, смолевые пенья, вычерпывали из бочек воду и заливали в громадные деревянные чаны.

— Эй, Данька, — крикнул Волк, и откуда-то со стены свалился мальчик лет десяти и подбежал к нему. — Лошадь у воина кормиться сведи и в Орлово слетай. Передашь игуменье Марфе, чтоб сельских баб и детишек, и монашек своих немедля отправляла на Павшинские дворы, ратников и негодяев — сюда, монахов крест целовать с Еремеева пусть не вызывает, времени уже нет. Монастырь запереть и ворота завалить камнем да старыми телегами.

Через чеснок¹ татарин не полезет.

Данька ласточкой взлетел в Ратимирово седло, рысью спустился в воротах.

— Алёнка, подойди ко мне, — в голосе Волка прозвучала тревога, и та, бросив какое-то дело, тут же подошла.

— Пойди-ко, доченька, к "Чернавке" в поле и предупреди баб, чтоб шли по домам, собирались и немедля уходили на Истоцкий скит, да пусть идут по дороге, не Лузским лютчиком, а через Печерскую навину. Взять с собой только еду. Остальное — спрятать. Анна знает куда.

Отроки пусть седлают коней и готовят луки и копья. Их дело охранять баб и детишек, не ровен случай, наткнутся на татарский дозор.

---

¹ чеснок— тын из заострённых бревён.

Ты с девками, пока бабы соберутся, принеси сюда хлеба, рыбы да мяса копчёного побольше. И уйдите вместе со всеми. Беги, родная, времени у нас мало.

Ратимир видел, как белой птицей метнулась Алёнка к воротам, как бросилась на шею оторопевшему Андрейке, как причитала, плакала и поучала его не лезть на рожон, а бить татар из боен скрытно, пока не иссякнут их поганые силы.

Андрейка осмотрелся и, увидев что никто за ними не наблюдает, как лебязье пёрышко, подхватил Алёнку на руки, да так и отнёс на пригорок, где, ещё раз оглянувшись, вдруг так крепко обнял её, что та вскрикнула.

Но нежны вдруг стали эти объятия больших сильных рук, горяч и сладок поцелуй Андрейкиных губ. Так и стояли они, ласкаясь и улыбаясь друг другу, а в сердца их скользкой, холодной змеей вкрадывались тревога и печаль.

Неожиданно Алёнка оттолкнула Андрея и побежала песчаной бечевой, часто оглядываясь, плача и взмахивая рукой, как надломленным крылом.

И вдруг Андрейка понял, что вот сейчас его ладушка, солнышко его ясное, скатится в овражек и он никогда её не увидит. Ему хотелось броситься за ней вслед, остановить и уж никуда от себя не отпускать её, но он не сделал этого. С губ едва слышно сорвался шёпот: "Алёнушка, Алёнушка!" Но порыв ветра не нашел на Андрейкиных ресницах и малой слезинки.

Ратимир тоже опечалился, но в этой печали не было ни ревности, ни зависти. Он вдруг понял, что уже как-то по-особенному относится к своим первым, на этой земле, знакомым. Он уже представлял себя храбрым ратником, спасшим их от полона ценою собственной жизни.

Мысли его прервались.

В городок на белом от пены коне влетел другой вестник и, бросивши поводья, подбежал к сотскому, узнав его в кругу полусотни ратников.

Гонец от иерея Обрадовской церкви наказал передать, что два татарских мурзы более двухсот воинов идут конно и вплавь на плотах и насадах. С ними много пленных и награбленного добра. Жгут и грабят всё и всех. Между собой дерутся постоянно, но нападают всегда совместно, сначала лёгкой конницей: если же этого мало — используют и стенобит-

ные машины, которые собирают на месте осады. Кормщики все русичи, прикованы к плотам.

Сведения в церковь принёс беглый вятич, который, ножом побрив бороду, ночью убил татарского стражника, прошёл сквозь охрану и дозоры, а сейчас мнёт коленями песок в Обрадовской молельне, прося Господа об отпущении греха брадобрития.

— Молодец! — Похвалил гонца сотский и, протянув гонцу обе руки, приобнял его. Спаси тебя Бог! Сейчас хоть ведаем, сколько нечисти татарской посыплется на наши головы. Иди, отдохни с дороги, чуть погодя и потрапезничаем.

А между тем в городке каждый был занят своим делом. У главных ворот уже ждали наказа семеро скоровестников на Варжу-речку да Домановку-речку, на Гаврино, на Гордяев Починок и ко Всем Святым, на Шастово и в Палемо, и на Михайловскую, что на Шарденьге-речке.

Сотский подошёл к ним, что-то коротко сказал, и только оседающая пыль повисла над воротами. Всадники, вооружённые лишь луками да стрелами, уже неслись пригородьем, выбирая каждый свою бечеву. Человек шесть продолжали крепить обногами крепостную стену, десяток ратников спустились к Югу и топили лодки на самом глубоком месте, чуть ниже городка. Кто-то подтаскивал и заносил на настил верхних бойниц камни и брёвна, кто-то готовил костры, устанавливал над ними чаны с водой и смолой.

Готовились и туры-корзины. Они защищали ратников сзади от навесных стрел. Вот уже обвязан и разобран под пригородьем наплавной мост.

Пришли женщины и девушки, принесли трапезу, чистое бельё и вдруг всплакнули, да тут же были выставлены Волком за ворота. Алёнка лишь издали посмотрела на отца и Андрейку и вместе со всеми вышла. Зато бойкая вездесущая тётка Анна, та самая, что перегнала Ратимира, бегала по городку — проверяла принесённую снедь и бельё, всё и всем объясняла и указывала. Ратники улыбались, но слушали её внимательно. Белозерц присел на бревно. Анна подскочила к нему и ни с того ни с сего заговорила о сенокосе.

— Пошли, Митрий, ратников на ту сторону, вон там как хвощ поднялся. Пусть накосят и в копны сложат, — сильно окая, поучала старушка.

– К чему это, тётка, мы и в худые годы хвощ не кашивали, да ещё в такую рань.

– А ты накоси, – не отступалась Анна. – Вишь, травы ещё нет. Голодные кони у нехристей. Наедятся всласть. Мне цыган один говаривал, что с голдухи молодой хвощ коней в падучую вгоняет. А татарин без лошади худой воин. Городок им, как щепка в глазу. И не бросят они насады, не пойдут налегке воевать Устюг. Вы живыми с городка не уйдёте. Вот и получается; надо за священником в Еремеево нарочного слать. Пусть хоть грехи снимет с ратников.

– Ну ладно тебе, чего раньше времени в гроб кладёшь. Не впервой.

Дмитрий положил тяжелую руку на плечо Анне.

– Пойди благословись. Пора ворота закрывать. Хвоща накосим, а за бабьюшкой я уж послал.

Тётка Анна смотрела Дмитрию в глаза и не замечала в них страха.

"Окреп от чужого зла. К сечам и крови привык. Не сдаст Орлец, – подумала и, перекрестив Дмитрия, вышла за ворота. Ей навстречу шла злобенная рыжая кошка, в зубах её повис котенок...

"Вот и кошка почуяла неладное, – подумал Дмитрий. – Котят под нашу охрану таскает. Дай-то Бог защитить".

Ворота снова отворились, и вошёл еремеевский священник. Перекрестился на церковный крест, поклонился низенько, едва не упёршись длинной седой бородкой в песок, и бойко, хоть и мелко шагая, подошёл к Дмитрию, широко перекрестил его и подошедшего Волка. Дмитрий что-то коротко сказал, и они ушли в избу.

Обрадовский гонец подсел к Ратимиру на тёсаное жёлтое бревно.

– Эх, гуся бы сейчас жареного да наливки монастырской. Или хоть квасу с хреном, – почти простонал он и, по-татарски щёлкнув языком, продолжил.

– Вишь, как расстроились. Вон тот ставень в подземный ход. Его Белозерц сочинил. Он из опальных белозерских князей. Был в Устюге первосоветником у князя Звенца. Много и хорошо разбирался в укреплениях. И по просьбе князя же приехал сюда отстраивать городок после набега вятчан, да так и остался.

Подземный ход длинный, до Максимова лога, я тоже его строил под

Балчугом, прямо под мельничной сланью сруб сложили с перекрытием, а дальше всё на стойках и переводах крепится. Кроме сотского, никому бы до этого не додуматься. Вот этот холм руками насыпан; ров, где ворота, — руками вырыт, а земля вывезена на пологую сторону. Это от конников.

А если с третьей мельницы специальным ходом Балчуг рвом пустить? Окажется городок на островке, коннице вообще недоступен. Попотели тут ратнички.

— Откуда ты все знаешь? — удивился Ратимир.

— Так я только три недели здесь и не был. В Обрадovo на отпущение грехов был послан.

— Ну и что ты там делал?

— Известно что, грехи замаливал. Вон, в Балчуге чужую вершу из заезда поднял, — интересно ведь, как там хайруза бьются, а Волк увидел. Для начала огрел меня нагайкой, да так, что долго присесть не мог, а потом сотский к иерею Пахомию заслал. Не любят наши, когда на чужое заришься. Зато правду и честь чтут.

Позвали в трапезную. На длинных столах в длинной прохладной избе были поставлены в лотках жареная птица, отварная и солёная стерлядь, чуть присыпанная зеленью; в больших кринках вкусно пахла пшенная каша. В небольших бочонках стоял квас.

Ратники сели по лавкам. Сотский встал.

— Что сказать вам, ратники? — зелёные рысьи глаза Дмитрия вспыхнули. Недале, как завтра, примем мы пробную сечу. Дело наше простое — не пропустить татарский караван к Устюгу. Не по нраву им это будет, но на то мы и едим княжий хлеб, чтобы быть заслоном Устюгу Великому. Чем дольше татары пробьются с нами, тем больше ратников соберётся в Устюге. Стрел не жалеть. Бить лучше в шею или в косицу, там лат нет. Раненых унесут подземельем, но последний из нас должен будет открыть ставень под Балчугом и затопить его. Всё нажитое вашими семьями добро хранится в тайном месте на выходе из подземелья. И нельзя, чтоб татары нашли его. Уйдёт татарва, вернутся семьи, и не с пустого места начнут жизнь.

Да поможет нам пресвятая Троица!

А сейчас выпьем доброй браги, да, отобедав, продолжим подготовку. На закате святой отец отслужит молебен в церкви.

Братчина пошла по кругу, и каждыйпил медовую сладость с тайной надеждой выжить и победить.

Андрейка вышел из избы, и первое, что бросилось ему в глаза – это невообразимое множество запоздавших гусей и уток летело на север стремительно и молчаливо. "Словно спугнул кто-то? – подумал Андрей. – Да это, поди, татары".

Андрей поднялся на восточную башню и заменил дозорного. Оставшись один, задумался об Аленке. Тревогой наполнилось сердце." А как наткнутся на татарский дозор, смогут ли отроки защитить. Всенагл, кроважаден татарин. Реку не любит, леса боится, а всё-то носится по присадам, жертву выискивая. Только бы Бог миловал".

Чёрный старый пёс поднялся к Андрею на вышку, сел у ног, прислушался и вдруг громко и зло завыл. И тут ударил на Тёплой Горе монастырский набатный колокол. Ударил тяжело, троекратно и смолк. Восточный ветер нанёс запах гари. Прекратился птичий перелёт. И только дрозд-рябинник с отважным стрекотаньем отгонял от гнезда включенную ворону.

Пёс Копчёный всё лаял и лаял (ещё щенком он залез от летнего солнца в коптильню). Вот и прозвали Копченым.

Его любили все, и он платил тем же. Всегда добродушный с людьми, в лесу, при встрече с медведем он преображался и был столь стремителен и неистов, что медведь или пускался наутёк или, прижав зад к дереву, оборонялся передними лапами, забывая о другой опасности.

Снова кто-то тронул колокола на монастырской звоннице. Видимо, какой-то отчаянный звонарь всё-таки добрался до колокольни, да простреленный татарской стрелой, рухнул.

Неожиданно и как-то нежно откликнулась колокольня Троицы; этот тонко звенящий колокол, из тонкой меди, не мог передать звоном страшной беды, нависшей над русскими пажитями. Новые иереи других приходов частенько оскорблялись, слушая не по сути звенящий колокол, и всё настаивали заменить.

Но отступали иереи от своих угроз, а когда игуменья Марфа сказала, что "негоже женскому монастырю мужицким голосом на всю округу реветь!", и вовсе отступились.

Пропела Троица и стихла. Два десятка ратников, заложивши в копны

зелёный, как лук, хвощ, переплывали Юг на "ветках" (лёгкие лодки) и тут же топили их.

Далеко под теплогорским угором утробно рывкнула татарская труба. Странно и дико рычала она над русской рекой, полями и лесами.

В главные ворота, назвав секретное слово, вошли первые ратники из ближних деревень.

— Ратимир, — крикнул сотский, — возьмишь Олёшку Мелехина да Ваньку Ямова и прибылых и уйдёшь в "секрет" (засада). Ванька место знает, дело тоже, да беда его: пока мысли в слова обует, полдня пройдёт. Потому в сече орудуй ратниками сам. Пойдём-ко в избу.

В избе было тихо и прохладно. Дмитрий положил на стол бересту и, рисуя угольком, объяснил Ратимиру суть предстоящего дела.

"Олёшке подольше удержать переправу, что в Устье Кузнечихи; Ваньке перехватить дозорами всех прибылых ратников и отправить окольно в "секрет". Сам ударишь только тогда, когда полезут к третьей мельнице или проскочат вырубленное пригородье и попытаются взломать ворота. Остальное своим умом дойдёшь. С красных глин, что над пригородьем, всё видно будет. Тебя старшим ставлю. Ты хоть раз в сече был, а ратники, что с тобой будут, крови человеческой не видывали. Надеюсь на тебя".

Они вышли. Ратники были готовы. "С Богом, робята!" — только произнёс сотский. Подошёл священник, словно желая запомнить, смотрел в лицо каждому, крестил шепча заветное слово молитвы. Светлели лица ратников. Темнело в глазах старика. Знал, только чудо может спасти ратников, но, истово веруя в Бога, он давно не верил в чудеса.

Ратники по очереди заходили в церковь, целовали икону и, осенив себя крестом, тут же выходили обратно.

Вот уже звякнули за ними воротные запоры. Восемьдесят человек были готовы принять удар татарской вольницы.

В то же время женщины, приперев батогами двери изб, уходили в ближайший лес. Татарский разезд вынырнул из Максимова лога неожиданно. И хоть отроки отбивались, пока были живы, им не удалось спасти всех женщин от пленения. Человек двадцать девок и баб, среди них Алёнка и тётка Анна, были схвачены. У шестерых женщин на руках плакали грудные дети, и их связали друг с другом за шею. Трое пожилых татар со-

проводжали пленных к реке. Всем было страшно. Только тётка Анна без конца тараторила на каком-то непонятном языке с угрюмым седым татаринном.

Алёнка, хотя и измазала грязью лицо и волосы, все равно выделялась статью и красотой. Их привели к реке, где в окружении стражников томилось не менее сотни ранее пленённых женщин и детей. Солнце всё ещё палило, и над становищем роем носились ненасытные комары и мухи.

Тётка Анна всё приговаривала непонятные слова, бросаясь под ноги каждому татарину. Наконец её заметили и увели.

Молодой и красивый мурза Ахмат не был знатен родом, и это его злило. Особенно ненавидел он ханских сынков, которые всё получали по наследству, а не добывали, рискуя жизнью в бесконечных походах и опасных сечах. Он угрюмо глянул на сшибленную под его ноги старуху и позвал толмача.

Анна заговорила быстро и убедительно, толмач едва успевал переводить. А старуха говорила страшные вести: из Устюга навстречу татарам уже идёт собранное Александром Пенкой, устюгским воеводой, большое войско, что упал на эти места лошадиный мор, и только монахины Троицкого монастыря пятисуточным молебном смогут отвести его, да и то, если Господь их услышит. Ахмат не поверил старухе. Но, опасаясь потерять лошадей, вечером предложил мурзе Гирею первому напасть на монастырь.

Утром 3-го июня пятьдесят гиреевских конников, улюлюкая и свистя, пролетели Кононовским селищем и бросились к монастырю.

Перед чесноком, единственной защитой храма, лежали дохлые лошади, издавая тяжелый запах разлагающегося мяса. Восточный ветер нёс этот ужасный дух встречь коннице, и она не выдержала. Лошади захрапели, всадники закрыли лица сурчиными и лисьими шапками, на всём скаку развернулись сначала к Шилыкову, а затем обратно к Тёплой Горе.

Монастырь молчал. Смеялся Ахмат, наблюдая позорное бегство гиреевских конников. Белый от злости Гирей решил сам разведать подступы к городку и, спустившись до Подборской излучины, разбил лагерь в недосыгаемости русских стрел на левом берегу Юга. В считанные минуты раскрылись шатры. Вспыхнули костры, и непривычно запахло вареной кони-

ной. В поисках корма прыгали, удаляясь по лугу, стреноженные лошади.

Ночью мурза проснулся от криков и беготни. В предчувствии недоброго он выскочил из шатра и едва не потерял сознание: по кромкам озерин и сырых низин, и особенно у копен, лежало не менее полусотни лошадей. Кто-то крикнул о моровой болезни. И тогда увидел Гирей улыбающееся лицо Ахмата и всё понял: вот почему так легко отдавал этот недоносок монастырь на разграбление. Знал, знал, шакалий сын, о лошадином море. Немедленно надо уходить.

Он распорядился об уходе на Тёплую Гору, а сам, едва собрав десяток здоровых лошадей, понёсся в стан Ахмата. Дело едва не дошло до сабель, но Ахмат, развалившись на медвежьей шкуре, разъяснил Гирею, что, оставив половину всадников в излучине, он может лишиться и второй, поскольку его сотня уже окружила стан Гирея, и стоит им поднять луки — все будет кончено.

Гирей брызгал слюной, страшно ругался и даже вспомнил русскую поговорку, что "лучше из хана хам, чем из хама хан", но вдруг умолк и вышел из шатра. Ахмат, понимая, что в одиночку ему городок не взять, велел увезти в излучину пятьдесят лошадей из числа отобранных в русских деревнях. Гиреевские воины, согнувшись и стоя на коленях, молились на восток. Три монахини, отказавшиеся уходить в леса, истово молились русскому Богу, вспоминая спасительницу Анну и игуменью Марфу, уберёгших монастырь от разора. Старые монастырские лошади, забитые за оградьем, сослужили последнюю службу. Троицу словно забыли.

Имея недостаток в лошадях и продовольствии, Ахмат решил сжечь городок. И как только первые полсотни его всадников вплавь переправились на правый берег, он пригласил Гирея.

— Может, ты хоть что-то знаешь об этой крепости? — спросил Ахмат, сделав озабоченное лицо.

— Знаю. Скорее все русичи сгорят на городке заживо, чем пропустят наши насады и плоты — угрюмо ответил Гирей.

— Но ведь должно что-то быть, чем дорожат они больше своих неверных жизней?

— Есть, — угрюмо произнес Гирей, — дети и женщины.

— Так что же мы медлим?! — вскричал Ахмат. На крик вбежал страж-

ник. В руке его блестела оголённая сабля.

— Тащи сюда русских баб с детьми и сотню воинов. — Глаза Ахмата хищно блестели, казалось, что и сам он вот-вот выскочит из отороченного сободем бешмета, надетого на голое тело.

— Выступаем немедля!

— Не торопись, — возразил Гирей. — Дождись сначала дозор. Да и спешить надо воинов, а то и вовсе без лошадей останемся.

Выглянув из шатра, Ахмат крикнул: "Пойдём спешно! Лошадей согнать к реке. Да кормить их сеном и овсом".

Андрей и все орловские ратники видели, как полсотни татар вихрем вынеслись из-за речной излучины. Веером развернувшись, подлетели они к самому урезу воды и, задрав луки к небу, спустили тетивы. Десятки стрел, обгоняя друг друга, взвились в синее небо над рекой и кучно ударили в нижнюю часть укрепления.

Река надёжно хранила русичей от татарских стрел. Злые крики и ругань в татарской коннице слились в единый рёв. В Орлеце разом натянули луки двадцать воинов. Много стрел уже впилося в татарские шеи, а уже новые, догоняя конницу, вышибали, как кули с мехами, вражых наездников из седел. Не все стрелы попадали в цель. Волк был недоволен. Шрам на его щеке побагровел, и он снова и снова объяснял молодым ратникам, как надо стрелять по несущейся во весь опор коннице.

Татары скрылись за излучиной реки. Андрейка точно видел, как мешком вылетел из седла татарин, встречу которому он послал свою стрелу. Но радости не было, был страх.

Ему говорили, что человеческую жизнь может отнять только Бог.

— Андрейка, смотри, — окликнул его черноволосый усатый ратник по кличке Огарь. Из-за излучины медленно выплывали пять насадов и два плота. Берегом же шли спешно сотни полторы татар, а впереди их пленные женщины, иные с младенцами на руках. Не дойдя до городка метров двести, татары остановились. Ткнулись в песчаную отмель насады и плоты. Легкая лодка с двумя татарскими воинами, державшими высоко копьё с белыми тряпками, резво пристала чуть повыше городка в самом устье Балчуга. Их впустили, открыв восточные ворота. Дмитрий сам встретил посыльных и прочитал грамоту Ахмата. Лицо его потемнело.

Знаком он подозвал Волка и передал ему бересту.

Волк читал и не верил своим глазам, но в грамоте чётко значилось, что если русичи не пропустят воинов и караван Ахмат-хана, то он каждые три минуты будет топить в воде по ребёнку и отрубать голову его пленной матери.

Словно чувствуя, как страшно Волку сейчас принять решение, Дмитрий схватил вдруг гонцов за чёрные от грязи шеи и с криком выкинул их за ворота. Те, не веря в спасение, сбежали к реке, бросились в лодку и налегли на весла. Как только достигла она противоположного берега, отчаянный душераздирающий крик разнёсся по округе...

Было видно, как налетели монголы на русских пленников. Отнимали дрожащих младенцев у матерей, били нагайками по протянутым рукам и лицам. Женщины кричали, а детишки, устав плакать, хватали воздух, стараясь вырваться из цепких лап убийц. Вот уже первый ребёнок полетел в воду — истошный, ни на что не похожий, вопль потряс воздух и резко оборвался.

Мурза выполнял свое обещание.

— Открыть ворота, — рявкнул Дмитрий. Ворота, скрепя навесами, открылись. Дмитрий и Волк вышли к воде, воины из крепости принесли лёгкую лодку. Попрощавшись с ратниками и обняв Волка, Дмитрий шепнул ему:

— До ночи я продержусь. Ночью же пошли вплавь два десятка ратников. Может, и освободим баб.

— Убьют тебя, — угрюмо проговорил Волк.

— Не убьют. Я подскажу им, за сколько можно продать князьям устюгским сотского живого Белозерца.

Дмитрий сел в лодку и поплыл к татарам. Ахмат сразу понял, какой калым сам идёт к нему в залог. Если он и не возьмёт Устюг, то даст знать устюгским князьям, какая птица сидит в его клетке, и назовёт такую мзду, что, может быть, станет куда богаче сопляка Гирея.

Он всё же остановил избиение женщин и велел вернуть им детей. Вездесущая тётка Анна, к которой все привыкли, отбирала у татар ребятишек и уносила к матерям.

Татары, наслышавшись о её предсказании, побаивались к ней приближаться. А седой стражник рассказывал, как она вылечила его от страшно-

го шейного нарыва. Притащила кусок дерева, очертила угольком, торчащий на нем сучок, пошептала и назавтра нарыв подсох.

Дмитрий вышел на берег, муторно было на душе. Да ещё подскочила тётка Анна и, размахивая сухими кулачками, закричала на него: "Продался псам воин, бабьего рёву спужался, будь ты проклят". Она кричала, немисливо обзывая и ругая Дмитрия, но вдруг подскочила близко и шепнула: "Сдайся Гирею-мурзе и пообещай открыть завтра наутро западные ворота".

Татары что-то заподозрили и отогнали её, размахивая нагайками. Ахмат вышел из шатра, надменно улыбаясь. Вышел и Гирей, но был угрюм и зол. Дмитрий шагнул к нему и чуть поклонился: "Сила и знатность, и ум твой, Гирей, велики. Не могу я, устюгский первосоветник князь Белозерц, вверить судьбу безродному Ахмату. И только тебе доверяю её".

Ахмат аж подпрыгнул от злости и уже схватился за саблю, да пятеро гиреевских стражников, оголив клинки, встали между ним и Дмитрием.

– Успокойся, Ахмат, я поделюсь с тобой, наш род знатен и благочестив, и помнит правила дележа, – высокомерно произнёс Гирей. Ахмат понял, что проиграл. Резко кинул саблю в ножны и – вылетел из шатра.

Дмитрия ввели в большую, заваленную меховой рухлядью и награбленным добром палатку. Вошёл и Гирей, присел на тюк с пушниной и, путаясь в монгольских и русских словах, не спеша объяснил, что он хочет.

А хотел он, как ему казалось, немного: русичи пропускают его караван по Югу, дают ясак хлебом и фуражом, да шестьюдесятью саблями, сотней красных лисиц и пятьюдесятью лошадьми, и тогда он дарит всем жизнь, не жжёт городок, отпускает захваченных пленниц и детей.

Дмитрий согласился, но вдруг спросил:

– А мурза Ахмат будет выполнять свои обещания?

– Будет! – подпрыгнул Гирей на подушках. – Будет! Позвать Ахмата!

Тот зашёл не сразу. Больше всего он боялся, что Дмитрий пропустит Гирея и даст ясак, тогда утомлённые и полуголодные его воины переметнутся к нему.

Зайдя в шатёр и выслушав наставления Гирея, Ахмат напомнил ему о численном превосходстве его войска, пообещал подумать до утра. Дмитрия увели на плот и привязали за руки к избитому в кровь пленному

кормщику. Но тётка Анна не зря шастала среди татар и пленных; как только начало темнеть, она без труда пробралась к Дмитрию и успела полоснуть ножом по веревкам. Дмитрий не подал виду и сидел всё в той же позе привязанного пленника.

В городке шли приготовления. Срезаны трубки для дыхания подводных пловцов, заострены короткие копыя и ножи; под первую плотину Балчуга снесены десять лёгких лодок. То ли молитвами иерея, то ли просто из-за каприза природы южный ветер сменился на западный, и по небу низенько закатались курчавые облака.

Ждали ночи. Мурза Ахмат, ещё не решивший, что он сделает, утром вдруг снялся и в окружении своего войска пошёл под Тёплую Гору, где, как ему доложил, толмач, ожидается нападение на стражу, оставленную для охраны пленников. Он добавил к каждому стражнику ещё двоих и ушёл в шатёр. Злая мысль не давала покоя: "Обскакал меня Гирей. Весь ясак его будет".

Гирей, повалявшись в шатре, вышел на луг. Как не любил он эту землю, насупившиеся леса, тёмные озера! Всё было противно ему и его конникам. Дети степей, горячих сухих ветров, что забыли мы здесь, на этой трудной и неприветливой земле? Разве плохо мы жили?

Он отогнал от себя глупые мысли, отправил с Ахматовским гонцом двадцать воинов для охраны пленных, обошёл дозоры, издали посмотрел на пленного Дмитрия и, пожившись от сырости пасмурного вечера, юркнул в шатёр.

Орлец не спал. Как только затих вражий стан, тридцать ратников (Волк решил действовать наверняка) сели в "ветки" и бесшумно скользнули чуть не на треть реки, так и не опустив вёсла. Стражники видели пустые челны. Они пронаблюдали, как те, гонимые течением, сплывают к Троице, и успокоились. Усталость и тёплая русская ночь, с ласковым упрямством наложницы, звали к отдыху и сну.

Тридцать воинов по очереди спустились в холодную ночную воду, и течение само понесло их к цели. Васятка Алфертьев плыл первый, и на руках его непривычно болтались два серебряных чёрных браслета. Подплывая к береговой страже, он поднял руку и монголы сначала отскочили от берега. Один даже хотел вскрикнуть, но хищно блеснуло серебро на под-

нятой руке уопленника. Молодой татарин, уже воспитанный на грабеже и знающий волчьи законы вольницы, знал, что делать. Приблизившись к берегу, пытался он схватить омертвлённую руку, но достать не удалось. Пришлось забродить. И вот, когда схватил он за холодное запястье, на котором поблёскивали браслеты, кто-то сильно дёрнул его за ноги. На воде осталась лишь татарская сурчиная шапка.

На соседнем дозоре окликнули, но, не дождавшись ответа, успокоились. Тем более, что большая нельма то и дело билась у берега, разгоняя рыбу молодь. Всё стихло. Ратники вылезли из воды на крутой берег и лежали, ожидая, пока стечёт вода. Разом поднявшись, они пустили первые стрелы, и стражники, стоявшие над спящими пленницами, упали, не вскрикнув.

Тётка Анна выхватив саблю из ножен мёртвого татарина, бросилась к Дмитрию. На беду проснувшийся по нужде монгол увидел полуголых, убивающих призраков: в страхе залез в шатёр к Гирею и заорал, как резанный. Гирей выскочил из палатки, распинал уснувшую стражу и, сопровождаемый ею, побежал к Тёплой Горе. Их никто не догонял. Из устья Балчуга выплыли лодки, и пленницы с детьми были переправлены сначала в городок, а затем и к Максиму лугу. Отсюда, скрытой бечевою, их увели к Истоцкой молельне.

Всю ночь носился Гирей на сером в яблоках коне, собирал своих людей. Собралось человек семьдесят, и чуть свет Гирей был у Ахмата. Ахмат, разваляясь на подушках, пил чай. Он знал о ночном происшествии и не замедлил с издевательством: "Доброе утро, Гирей, и поздравляю тебя. Скоро сотский откроет нам ворота Орлеца и даст большой ясак ". Рука Гирея невольно поднялась к сабле, но остановилась.

— Я пришёл не ссориться, — овладев собой, сказал Гирей. — Но дай мне вдобавок человек тридцать пленных русичей. Я проучу сотского и сожгу городок; всё, слышишь, всё, что я возьму в нём и в его окрестностях, будет твоим.

— Я дам тебе пленниц, тем более, что они, как говорит старуха, все больны неизлечимой и заразной болезнью. Тебе выберут самых красивых пленниц. И они прикроют твоих воинов от русских стрел. Я дам тебе и воинов и помогу навести мосты. Мы нападём с двух сторон, тем более,

что с Лузы от Палема, как мне донесли, подходит сотня моего брата Чингиза. Ждать его мы не будем. Делить на двоих легче, чем на троих.

В городке тоже не отдыхали, казалось бы, всё уже было готово к обороне. Но Волк и Дмитрий никому не давали покоя, устраняя всякую мелочь.

В ночь на 6 июня 1446 года младший брат Ахмата Чингиз уже топтал своей сотней пустоши и поля напротив Тёплой Горы. Ахмат сам встретил его. Он решил делить добычу с братом, избавившись от Гирея.

Чуть свет воины Чингиза смели с крутых берегов маленькие тинные отряды русичей и, обойдя городок с севера, вышли к устью Кузнечихи. Ахмат и Гирей без труда переправили своих пеших воинов. Помешать им уже никто не мог.

Зажав Орлец отрядами, они бросились было ко рву, но пущенная по нему вода помешала приблизиться к стенам, а на чистом пригороде русские стрелы били беспощадно и тучно. Татары отошли. Всадники Чингиза неслись по лесам в поисках засады; но найти Ратимира так и не смогли.

Чёрная трясина, окружавшая рожицу, где стоял Ратимир, была не доступна конникам. Единственную узкую сухую гриву к пригородью даже местные жители знали не все; да и незачем им это было: неприветливый лагач никогда не родил ни грибов, ни ягод.

Отойдя от городка на безопасное расстояние, татарские воины рубили саблями иву и плели узкие длинные щиты, которые при наступлении можно было двигать перед собой. Постепенно иссякала вода во рву. Ахмат догадался разрушить третью мельницу, полагая, что сорвавшийся вал воды прорвёт нижние плотины, и Балчуг перестанет быть преградой.

Уже два десятка пеших воинов, прячась за редкими деревьями, выбивали из луков немногочисленную мельничную охрану. И в это время Ратимир явственно, кажется, самым сердцем понял нависшую над городком угрозу. И словно сокол в стаю отяжелевших от корма уток, врезался в татар Ахмата силою в пятьдесят всадников. В считанные минуты они, работая копьями и саблями, сбросили татар с третьей мельницы и, развернувшись навстречу солнцу, устремились уж было очищать от ворога западный берег Балчуга. И сбросили бы их в Юг, но возвращающиеся с поис-

ков засады воины Чингиза ринулись наперерез. И была сеча, и погибли все, кто был в ней.

Ратимир лежал на залитой кровью липкой траве и умирал. Рядом лежал "Орлик", и алая струйка крови фонтанчиком выбивалась из-под вонзившейся в шею стрелы. Ратимир хотел подняться, но с ужасом заметил, что у него нет правой руки. Прошептал: "И любовью, даже истекающих кровью наших сердец, я не подвёл тебя, мама, и отца не подвёл. Я не хочу умирать. Помогите же мне". Но сознание покидало его.

Алёшка Мелехин и Васька Ямов лежали рядом, как братья. Глаза их были открыты, и голубое родное небо отражалось в них.

Среди убитых и раненых татар лежали в той позе, в какой их застала смерть, угрюмые несговорчивые Чебыкины, весельчаки Алфертьевы, степенные Козловы, работающие Меркурьевы, Поповы. Да разве всех перечесть. От жаркого солнца кровь быстро густела и чернела. Вернувшиеся через месяц женщины прозвали это место "чернево".

Татары, боясь крупных болезней, свезли русских в сосновый бор, что напротив Троицы, и закопали. Своих же перевезли на левый берег Юга и, насыпав громадный холм, похоронили в нём павших. Этот холм зарос потом сосною и сейчас называется Кораблик.

Первосоветник Волк, передвинув большинство ратников с южной стороны к северной и западной, наблюдал за сечей. Он не мог помочь Ратимиру. Кусая губы и до белизны сжимая пальцы, он вспоминал лица ратников, вспоминал и не мог вспомнить. Все они были как одно целое. Он почему-то нелестно подумал о Дмитриии, но тут же отогнал эту дурную и нелепую мысль. А Дмитрий стоял вместе с Андреем на западной башне и наблюдал. Он видел, как закончилась сеча, как Ахмат, позвав высокого лысого татарина, что-то быстро объяснил ему. И тут Дмитрий увидел, что татары начали переправу пленных женщин.

Ахмат, красуясь на сером в яблоках аргамаче, сказал подъехавшему Гирию: "Зачем вязать щиты из лозы, которая понадобится на розги для непослушных русичей. У нас есть кого поставить впереди воинов".

Без мала шестьдесят спешников шли, пригибаясь за живым щитом женщин, Алёнка оказалась в самой середине. Всегда решительная и бойкая, она сейчас растерялась и еле передвигала ноги. "Что же делать, что

делать-то, Господи, подскажи, ведь там Андриюшенька мой ненаглядный, и тятя, и Дмитрий Славович?" Но молчало небо. А солнышко палило так, что даже в летничке было жарко.

Андрейка первым узнал Алёнку по белым распущенным волосам. Узнал Алёнку и отец. А когда женщины подошли поближе, многие ратники узнали своих матерей, жён, дочерей.

Андрейка отпустил лук. Любовь и смерть приближались к нему в одном образе. Смерть уже не вызывала страха, но как спасти Алёнку, он не знал!

Волк с набухшим кровавым шрамом на лице был страшен. Он посмотрел на стоящих близ боен ратников и увидел, что луки у многих дрожат. Увидел это и еремеевский священник. Немедля бросился он на настил второго боя.

Поднявшись во весь рост, вздев к небу жилистые руки и разметав по плечам седые волосы грозно и внятно заговорил. Никогда не слышали реки и ручейки, поля, луга и леса, друзья и враги столь проникновенной, наверное, только что рождённой молитвы.

— Отче наш! Пред твоими всевидящими очами встречаем мы ворогов твоей и нашей земли. Видно воля твоя, за явные и тайные грехи наши, привела нас на смертный бой с проклятыми татарами. Но веруй, как мы тебе веруем, что не отдадим нехристям ни пяди нашей земли, великой кровью и потом политой.

Об одном молим тя: пусть ангелы небесные не оставят в заблуждении души наши и укажут им верный путь в царствие твоё. Пусть горючие слёзы матерей и жён наших, дымящаяся в наших ранах кровь будут неиссякаемой животворной влагой для сочащихся зеленью хлебов наших внуков и правнуков. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа... — Взвизгнула татарская стрела, и, как-то неловко согнувшись, упал старик на дощатый настил.

Волк натянул тетиву.

— Прости, доченька, — шептал он, целясь, — прости, кровинка моя.

Слезы мешали целиться, но стрела ровно ушла в пригородье.

Андрей увидел, как присела вдруг блаженная его Алёнушка, присела, словно цветочки братья собралась, и вдруг упала ничком, протянув руки к нему, к Андрейке, словно прося защиты. Вторая стрела Волка

выбила глаз оставшемуся без защиты татарину, и он завертелся юлой.

Женщины разом упали и открыли татар русским стрелам.

Ахмат, боясь потерь, велел отойти, оставив русских пленниц между жизнью и смертью. Ах, не надо было почерневшему от горя Андрейке забывать об опасности. Только на миг его белая рубашка мелькнула в боине, и татарская стрела ударила его в грудь. Он зашатался, словно калиновый куст под беспощадной медвежьей лапой, и уронил лук. Тётка Анна подбежала к Андрейке и, перекрестившись, опустила шершавой ладонью еще тёплые веки.

Ахмат сменил тактику. Используя численное преимущество, он решил буквально забросать русичей стрелами, не давая им прицелиться из боен. Под прикрытием града стрел человек тридцать татар прорвались к западным воротам и уже начали бить по ним окованным бревном.

Но горячая смола и кипяток заставили их отступить. И тогда они зажгли стрелы и начали бить ими по деревянным крышам церквей и изб. Первой загорелась церковь.

В это время на мармугинском лютчике появилась конная ватага пришедших с Варжи ратников. Приведший её Никола Мякинный сразу оценил обстановку и бросился на помощь, отсекая от городка лучников Гирея и Ахмата. И ему удалось отогнать от стен и рва десятка два татар.

Лежащие, словно мёртвые, женщины осмотрелись и, увидев, что татары бегут, бросились к западным воротам. Волк сам запустил их, велел забрать раненых и уходить подземельем.

Никола, будучи саженного роста и недюжинной силы, раздавал удары саблей направо и налево, иногда рассекая татарина пополам.

Увлечённые битвой, ратники не заметили, как безопасно, обогнув городок, конники Чингиза переплыли пруд третьей мельницы и ударили с тыла. Ватага оказалась зажатой среди врагов. Осознав, что из кольца не выбраться, Никола взмахнул рукой, и оставшиеся в живых варжане бросились под крутой угор к реке, где, охраняемый десятками монголов, красовался в седле Ахмат.

Не ожидая такого отчаянного нападения, монголы бросились врассыпную, и Никола, выхватив Ахмата из седла, поднял его над собой и бросил в воду, как грязную тряпку.

Воспользовавшись небольшой передышкой, Дмитрий приказал ратникам уходить подземельем. "Мы сделали своё дело, — говорил он, обнимая поочередно каждого. Устюг успеет собрать войско!"

Вдруг он почувствовал, что кого-то не хватает. "Где же Волк?" — спросил себя вслух. И в это время его позвала тётка Анна.

Опершись на стену избы спиной, полулежал на неубранных сосновых щепках Истома Волк: два обломленных наконечника стрел торчали в груди.

Анна плакала, у Дмитрия тоже зажгло глаза, и он почти зло крикнул: "Уходи, чтоб духу твоего тут не было".

Дмитрий остался один среди бушующего пожара. Татары снова долбили бревном по воротам. Точно зная, сколько нужно ратникам и тётке Анне времени, чтобы подняться в безопасное незатопляемое место, Дмитрий чуть переждал, спустился скользкой лестницей под Балчуг. Отсюда были слышны лишь глухие удары по воротам. Наконец, они прекратились, и в проёме подземелья послышались татарские голоса. Дмитрий приподнялся, вытолкнул металлические засовы и, взявшись двумя руками за массивную, из лосиного рога сделанную рукоятку ставня, с силой дёрнул вниз. Его отбросило холодной водой. Балчуг быстро заполнял подземелье. Тогда, достав саблю из ножен, он сначала пошёл, а потом поплыл туда, где барахтались не умеющие плавать татары.

Сын известного белозёрского князя и крестьянки, думал ли он, что погибнет вдали от родины, защищая интересы враждебных Новгороду, а значит, и белозерцам, московских князей?

Было жарко от бушевавшего пожара, и вдруг увидел Дмитрий, что над неупавшим пока крестом горящей церкви молчаливо кружились лебеди.

Подумалось: вот и ангелы Господни прилетели по наши души. И в эту же минуту татарская стрела ударила в голову. Сотский городка Орлец Белозерц Дмитрий Славович упал, распахнув руки, словно стремясь обнять и спрятать под собой всю горячую от пожара землю городка.

Под Морозовицей князь Данила Александрович Пенки собирал рать. Да долго обувались ратнички, припозднились. А враг ждать не станет. Не ждали врага и в этот раз. Объединившись в большую силу, татарская вольница, расстреляв из луков оставшихся на открытом месте русичей, ворвалась в город.

Вместо эпилога

Мы стоим на священной земле, политой кровью наших предков; мы нашли их фамилии. И в наших жилах течёт кровь героев и мучеников русской земли. Мы разные, но пусть в одном мы будем похожи. В великой и жертвенной любви к Родине!

ПОЖАР 1699 года

"В верхней части летописца читаем:

"Книжица сия Устюжского уезду.

В нижнем конце из приходу Симеона

Столпника священноиерея Стефана,

сына ево Василия Стефановича

1677–1678 гг. упоминается

Стенка Андреев Гремячих,

который служил при церкви дьячком".

(Из книги "Бысть на Устюзе"

Издательство "Вологда", 1993 г.)

"На Руси не так много Великих: Новгород, Ростов да Устюг", – аккуратно на листке сероватой бумаги вывел монах и задумался, покусывая белое гусиное перо. Зело складно получилось. Кратко, красиво и объёмно. Правда, есть еще Великие Луки, но куда их ткнуть? Всё созвучие испортит. Нет, пусть останется так.

Задул лучину, прилёт, не раздеваясь, на обитый "морозной жестью" и застеленный овчиной сундук. Томила душу мысль о скоротечности жизни. Горе-горькое на Руси не переводится: войны, наводнения, пожары, мор... Неупиваема чаша человеческих страданий. Разве что вспыхнет яркой радостной свечкой воспоминание о детстве, о мамкиных тёплых руках, об отце, приехавшем с ярмарки, обвешанном бубликами и угощающим орешками "ералаш"... Вспыхнет, да и погаснет во мраке.

Иль улыбнется яблочной долькой зореньки с краю хмурого неба ненаглядный образ любимой. Да надолго ли: то рекрутчина на всю жизнь, то родители отдадут другому... "Все проходят раны, поздно или рано". Зарубцуются и эта. Но есть и ещё, от чего сердцу любо. Вон они бегут наперегонки жнивьём, смеются, несут родителям хлебушка да кваску. Повиснут на шее, ластятся, шёпотом тайны свои на ухо рассказывают, щебечут птенчиками, из распахнутых глазёнок пасхальное небушко на мир Божий доверчиво и радостно смотрит. И высветится осенний день, и не так страшна узкая длинная полоска несжатой ржи. Но многим и это не дано.

Темно в келье, не пропускает свет натянутый на оконце закопченный бычий пузырь. Также темна будет потомкам и наша жизнь.

Надо дописать начатое.

Хотел встать, но словно колом ударили под лопатку. Кровавые круги замелькали в темноте. Заходится сердце и словно шепчется с кем-то в темноте: "Жить? Не жить?".

Повернулся на правый бок и поблазнило: оскаленные лошадиные морды с горящими гривами, охваченные пламенем; рвущиеся, цепями прищёгнутые к санным возам собаки — и гул пожара, и крики о помощи.

А вот и он: держась за мамину юбку, бежит по сенной площади. А кругом огонь, и от архиерейских построек выбрасывает ветром горящие брёвна и доски, и они, шипя, падают в воду Сухоны.

На самой площади горят воза сена, и горящие, искрящиеся клочья его зловеще проносятся мимо. Трудно дышать от дымного, горячего воздуха. Слышал от взрослых про геенну огненную. Это она и есть, а они — грешники, и их поджарят.

Держась за подол, он всё пытался понять, чем же согрешили они с мамкой. А она тащила его, и от неё приторно и страшно пахло жжёным.

Взбежали по лестнице Никольской церкви. Мать усадила его на верхнюю ступеньку, сняла свои местами прогоревшую шаль и укутала, как маленького, прямо поверх кафтанчика: "Жди тут, Ванюшка, я вернусь. Все будет хорошо, только жди".

Она зачем-то брякнула большим металлическим кольцом на церковной высокой двери. Сунула в ручку что-то прохладное и перекрестила, а затем, пятась по ступенькам, страшно, прерывисто рыдая и хватаясь за живот, словно от боли, вдруг поскользнулась и скатилась в багровое пекло, бушующее на Набережной.

Брякнула кованая дверь. Высокий монах в клобуке со словами "Ах ты, Господи!" забрал мальчишку в охапку, занёс в церковь. Это было 14 сентября 1699 года.

С тех пор Ваня числился "детёнышем". Так звали всех детей-сирот и подкидышей, которых прибирали обитатели.

А в тот день не уцелела и Никольская церковь. Сначала загорели сеники и дровеники. Монахи пытались потушить, но тщетно. Тогда они вытащили из церкви иконы, церковную утварь и побежали на Красную гору, встреч несущему горячий воздух ветру.

Ванюшкин спаситель, обгоревший при тушении дровеников, упал ещё на Успенской. Он задыхался и, передав ребёнку небольшой ларец, крик-

нул: "Беги по Архангельской. Не отставай, беги! А зовут меня Стенькой... Поставь свечку и помни, Христа ради... Беги!"

Ванька, засунув за пазуху ларец, побежал, и обильные слёзы его были вовсе не о мамке и добром монахе. Ему было горько и обидно оттого, что в постоялом дворе, где они ночевали, осталась и, конечно, сгорела его новая однорядка из трипа¹, украшенная рядами игрушечных вышитых топориков, с медными застёжками. Это было первое, самое настоящее горе.

О том, что никогда не увидит мамку и монаха, Ваня просто не знал. Лишь через несколько лет тётка Матрена узнает его по образку Николая Чудотворца, который впихнула мать в детскую ручонку в страшный день пожара, и всё расскажет. Ваня не заплачет. Он считал себя взрослым и стыдился слёз.

Шли годы. Он стал служить в Михайло-Архангельском монастыре, научился грамоте и как-то случайно нажал на тайную кнопку в виде нарисованной на днище ромашки. Шкатулка открылась и пожелтевшие от времени листки выпали на пол. На самой белой из них значилось "Стеньки Андреева Гремячих дьячка прихода Симона Столпника летописец".

Ваня читал летописца и видел сквозь века. Когда же всё было прочитано, показалось ему вдруг, что Николай Чудотворец с маминой иконки проговорил: "Пиши".

О чём писать, Ваня давно уже знал.

Темно и грустно в келье. Белеют лишь листы и перо на старом, по-топорному сработанном столе.

Зовут.

"Успею ли?!" — подумал монах. И вдруг заплакал. Он пытался душить в себе рвущиеся рыдания, но не было сил противиться целую жизнь копившимся слезам.

* * *

Пожаром 14 сентября 1699 года, когда в Устюге сгорело 7 церквей и 692 дома, заканчивается деревянный семнадцатый век, прозванный "вывихнутым временем".

Сколько веков прошло, но одно неизменно — человеческие чувства.

---

¹ трип — шерстяной бархат.

А потому, чтобы найти общее между прошлым и настоящим, между жительницей Африки и Крайнего Севера, нам вовсе не обязательно ссылаться на Солнце и другие планеты Вселенной, вполне достаточно коснуться человеческих чувств. Всё остальное — лишь смена декораций.

Едва осознав, что родился — тянет малыш пухлые ручонки к маме. "Как тут не плакать? Безобразие, всё время были вместе, и вот разлучили, ни за что, ни про что. Неужели надолго?"

Ни дождь, ни слякоть, ни сорокаградусный мороз не держат деревенского мальчишку, и бежит он в свою далёкую, не всегда богатую избу, где приветливы даже тараканы, только для того, чтобы несколько часов побыть дома и, излечившись родиной, снова продолжить выбранный путь.

Ещё не видя своей деревни, но уже чувствуя её по каким-то ему одному известным приметам, пожилой человек, придерживая сердце рукой, не может сдержать слёз. Что это? Кто возьмётся ответить? Но даже звёзды, умудрённые многовековым опытом, молчат, ибо это одна из самых сокровенных тайн человеческой души. А может быть, звёзды правы и не на все вопросы надо отвечать?

Может быть, важнее сохранить то, что помним и видим, как это делали летописцы, и Её Величество Жизнь высветится для грядущих поколений не только датами и фактами. Но и нашими переживаниями. Нашими чувствами.

И успокоится сердце старого монаха Иоанна, и шкатулка Стеньки Андреева пополнится новыми рукописями.

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС. ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Превозмогая сердечную боль, монах Иоанн сел на сундук.

Отдышался. Сколько он провалялся, прижатый болезнью один в келье, Бог ведает. Помнит лишь, что прихватило после Петрова дня. Спасибо братии – не отступились, выходили: кормили с ложки, отварами поили, умывали с ковшика.

Ощупал лицо руками: страшен, поди.

Встал. Качнуло в темноте, но удержался за крышку стола.

"На улочку бы выйти", – прошептал себе, и так слезливо получилось, что насупился даже. Толкнул кованую дверь кельи, и она со скрипом подалась. Опять шепнул: "Маслицем надо бы смазать или хоть деготьком. Но не сейчас.

Сейчас к Сухоне, к церкви Никольской. Хоть бы ещё раз взглянуть на них. А потом уж и умирать не в страх".

Мысли нагоняли одна другую, спорили меж собой. Одна особенно назойлива: "Всю жизнь готовил себя к подвигу, всё мирское смолоду отринув. А где он? Умрёшь сейчас – вот и весь подвиг". Другая утешала: "А Богу служить по совести? А всенощные бдения, молитвы о православных али не зачтутся?"

Назойливая донимала: "Православные тоже разные. Убийцы, ворьё; им-то за что милость Божья? Надо ли отмаливать грехи, по умыслу ими совершённые?"

На душе стало муторно и неуютно. Толкнул высокую монастырскую дверь и ослеп от яркого, совсем не осеннего солнца. Словно чего-то страшась, осторожно открыл глаза.

"Господи, день-то какой! На небе ни облачка. В вершинах монастырских берёз листочки меж собой шепчутся, а может ангелы тихонько поют. Теплынь".

Лёгкий ветерок принёс с Сенной площади едва уловимый запах свежих яблок. "Да ведь Спас Яблочный, поди? Иначе откуда в Устюге яблочный дух?"

Скорей, скорей на набережную, там люди, там церковка Никольская счастливой невестой на Сухону выбежала, да так и замерла, очарованная красотой и простором русской земли.

От предвкушения радости вновь встретиться с праздничным людом, с рекой, и церковью — полегчало. Иоанн осторожно, словно ощупывая земную твердь, сделал первые шаги. И когда понял, что не разверзлась земля, не подкосились в слабости ноги, устремился к цели.

Всё было знакомо, всё радовало взгляд. Голуби, ошалеv от тепла, ухаживают за голубками, воркуя и надуваясь. Галки купаются в лужах, поправляют перышки и, смешно наклонив головку, всматриваются в своё отражение в воде. Точь-в-точь — девки перед игрищем.

От Михайло-Архангельского до Никольской "не дальний свет", но даже ряса промокла от нездорового пота. Но дотянул — таки, дотянул до недавно построенного и сияющего свежими белилами архиерейского дома. Сел на скамеечку, стоящую над самым склоном к сухонской воде, и, ненадолго прикрыв глаза, отдышался. Здесь ещё сильнее пахло яблоками. Везде, где можно, примостился торговый люд. Лежали на рогожах, на свежей золотой соломе горки яблок. В руках у людей тоже были яблоки, и лишь гуляющие по набережной форсистые девки лихо бросали в крашенные рты мелкие лампасеи с веселым названием "Кап-Кап — весенняя радость".

— Вот, моё дитяtko Ванюшка, здесь и посидим. Сядем на скамеечку и подождём тятку — то. Вон он паузок разгружает. Пусть разгружает. Приказчик ему за это семишник¹ даст. Пряник медовый тебе купит. Хочешь пряник? Вот и купит. А пока накось вот.

Женщина высвободила из-под плисовой кофты ярко-белую грудь. И малыш тут же впился в крупный, как спелая вишня, мамкин сосок розовыми, чуть припухшими губками.

Кругом суматоха: смех, ругань, ржание лошадей, всхлипы воды под крутыми боками причаленных барок. Звон металла и резкие ружейные хлопki от сброшенных пластью свежих досок.

А ребёнок сопит себе носиком-пуговкой, причмокивает, наполовину утонув в мамкиной нежности, и лишь скошенным голубеньким глазком с чуть заметной хитринкой на мир Божий посматривает. Иногда даже улыбнётся чему-то, одному ему ведомому.

---

¹ семишник — две копейки серебром.

"Не остановить жизнь, пока мать кормит своё дитя, не остановить! Слава тебе, Господи!" – подумал монах, встал со скамейки. И опять не ударило болью в сердце.

А женщина поправила за ухо непослушную прядь волос и, чуть покачиваясь, тихо запела колыбельную.

Из-за Сухоны, с Дымковской слободы, вдруг рванул ветер, тёмная рябь покрыла воду, в воздухе замелькали сорванные платки, шлыки, взвихрилась пыль, унося с собой листы упаковочной бумаги, куски пакли, обрывки верёвок.

Словно пушечный выстрел, но как-то по-особому – со свистом, скрежетом и звоном, грохнул, упав на камни, широкий лист прислонённой к барке кровельной жести. Вороной жеребчик, привязанный рядом, рванулся в сторону, оборвал привязь и, сбивая с ног шарахающихся людей, оттого еще дичее становясь, понёсся срезом склона к только что покинутой монахом скамеечке. Женщина, баюкавшая ребенка, видимо, сама задремала и не видела опасности.

– Берегись! – крикнул монах женщине и, собрав последние силы, бросился наперерез ошалевшему коню.

– Я успею! Успею! Не остановить жизнь! – радовалось, разрываясь от непосильного рывка, сердце.

Оттолкнулся монах от сухого булыжника и всем своим телом, словно превращённым в пушечное ядро, ударил жеребчика в переднюю лопатку.

Люди видели, как от удара конь слетел на высланный камнем склон, не удержался копытами и съехал на боку прямо к воде. Вслед за ним скапилось безжизненное тело монаха.

Ветер стих. Очнувшись от криков толпы, молодая женщина прижала к себе испугавшегося ребенка.

Единственное облачко на всём августовском небе неожиданно закрыло праздничное солнце. И также неожиданно потемнели кресты и купола Никольской церкви. Но и в этот миг была она похожа на невесту, выбежавшую встречать своего жениха.

Выбежала, да так и остановилась, замерла. На века.

Молодая пара первой бросилась вниз. Наклонились над телом монаха. Девка, вздрагивая от рыданий, почти кричала: "Как же так?! Я его знала.

Он ведь такой смиренный, кроткий был. Это он из-за бабы с ребёнком бросился. Кто бы мог подумать!"

Парень отвёл глаза. Взглянул ввысь, где облачной тенью, словно тёмной вуалью покрытая, печалилась Никольская церковь, и почти шёпотом произнёс: "День, наверно, Алёнка сегодня такой – Спас. Преображение".

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи патриотические		Если я далеко – не грусти _____	30
Устюжский вальс		Будь нежной _____	30
Вальс на Набережной _____	10	Женщине _____	31
И скорбя у Вечного огня... _____	10	Знаю _____	32
Русь _____	11	Март _____	33
Мы уходим _____	12	Кто вы, земная Золушка? _____	34
Остановитесь _____	13	Руки любимой _____	34
Не плачь _____	14	Навстречу _____	35
Последний день _____	15	Тринадцать тысяч _____	36
Солдатская песня _____	16	Розы _____	37
Рябиновый край _____	17	Ещё морозы будут и метели _____	38
Верю _____	18	Не считайте, кукушки, года _____	38
Другу _____	19	Отзيمок _____	39
Жизнь _____	20	Рябиновые гроздья _____	40
Издержки доброты _____	21	Сон _____	41
Шумит друзей весёлый круг _____	22	Сентиментальный романс _____	43
Я учусь _____	23	Разноцветная беда _____	44
Новогоднее _____	24	Подражание Марку Георгу _____	45
На Ваганьковском кладбище море цветов _____	25	Любви, не ощутивши крыл _____	45
Новый день _____	25	Просто любовь _____	46
Пожелание _____	26	Прощальное _____	47
		Восьмое марта _____	48
		Опавший лист и лист календаря _____	49
		Г.П. Меркурьеву _____	50
		Храните же своё очарованье _____	50
Любовная лирика		Тост _____	51
Эшафот _____	27	Это свято _____	52
Любовь _____	27	Вечером _____	53
Говорю _____	28		
Танго для двоих _____	28	Эпиграммы _____	54–58
Глаза _____	29		

Рассказы**И смех и грех. Улыбнитесь**

СОН АВТОМЕХАНИКА _____	60
ПЕРЕД ГРОЗОЙ _____	64
ОБИДА _____	66
КУПАНИЕ В СЕНОКОС _____	69
ЛЕТАРГИЯ _____	71
ПАЛАТА №5 _____	74
БЕДА _____	76
КЛЮКВА _____	79
РУКОВОДСТВО ПО ОХОТЕ НА КРУПНОГО ЗВЕРЯ _____	85
АЛЛЕРГИЯ _____	103

Рассказы

КАЧЕЛИ _____	105
КАМЕНЬ-СЕРДЦЕ _____	120
МОЛИТВА _____	145
МУХА _____	158
МЕДВЕЖОНОК _____	163
ОЧИЩЕНИЕ _____	164
ЧЕТЫРЕ КУБА _____	178
ПРОЗРЕНИЕ _____	183
СУД _____	185
СЧАСТЬЕ _____	188
ЧАС ЗА ЗАКАТОМ _____	192
ДЖЕК _____	197
ВЗВОД _____	201
КАПЕЛЬКА _____	206

Сыновья России

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ _____	211
СЕРДЦЕ УЧИТЕЛЯ _____	216

Между прошлым и настоящим

ЛЕГЕНДА О ГИБЕЛИ ГОРОДКА ОРЛЕЦ _____	220
ПОЖАР 1699 ГОДА _____	246
ЯБЛОЧНЫЙ СПАС. ПРЕОБРАЖЕНИЕ _____	250

Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. 16.
Тираж 500 экз. Заказ №228.

Подписано в печать 01.06.11г. Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Эльф ИПР». Москва, Сушеvский вал, 49, стр. 2.

Алёшинцев Николай Созонтович

родился в 1950 году в деревне Анисимово Великоустюгского района. Закончил Великоустюгский сельскохозяйственный техникум. Всю энергию и знания отдает селу, родной земле, работает ли он егерем, управляющим отделением, председателем колхоза или директором совхоза, главой администрации сельского поселения Орловское.

Стихи и рассказы печатались в районной газете «Советская мысль». В коллективных сборниках великоустюгских авторов «Откройся, мир!», «Стихи и песни о Великом Устюге», в региональном альманахе «Звезда Поюжья», в областном литературном журнале «ЛАД Вологодский», в областной газете «Красный Север», в издательстве «Охотничья библиотечка».

Автор книги стихов и рассказов «Час за закатом» (Великий Устюг, 2005 г.).